

Бертрис
СМОЛЛ

**Любовь
на все
времена**

Сага о Скай О`Малли

Бертрис Смолл

Любовь на все времена

«Издательство АСТ»

1986

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Любовь на все времена / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1986 — (Сага о Скай О`Малли)

ISBN 978-5-17-119804-6

Еще вчера молодому ирландскому аристократу Конну О`Малли и его юной супруге Эйден Сент-Мишель улыбалась судьба, и жизнь, казалось, не сулила им ничего, кроме любви и счастья... но зависть, злоба и придворные интриги в одночасье обратили счастье в беду. Конн обвинен в измене королеве Елизавете и брошен в темницу, а красавица Эйден похищена, увезена в далекий Константинополь и продана в жены турецкому хану. Конн понимает: он должен любой ценой вырваться из тюрьмы. Ведь только на свободе он сможет спасти от ужасной судьбы женщину, которую любит больше жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-119804-6

© Смолл Б., 1986

© Издательство АСТ, 1986

Содержание

Пролог	6
Часть 1	11
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	65
Часть 2	88
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Бертрис Смолл

Любовь на все времена

Роман «Любовь на все времена» посвящается моему прошлому, будущему и настоящему. Сногги с любовью, жду нашей встречи, а она обязательно будет. И ее преданности нам, нашему сыну, Томасу Смоллу. И моему мужу, Джорджу, который понимает и любит нас. Кем были бы мы, если бы не было любви?!

Bertrice Small
A LOVE FOR ALL TIME

© Bertrice Small, 1986
© Перевод. П.В. Мельников, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог

Август, 1577 год

Лорд Блисс умирал. Это был медленный, хотя и безболезненный процесс, и сейчас, когда лето подходило к концу в аромате яблок и астр, он понял, что времени у него осталось немного. Если он и сожалел о чем-нибудь, так это о том, что оставляет после себя только одного наследника, единственную дочь, Эйден. Вот она сидит возле его кровати, занятая вышиванием, его дорогая и покорная дочь, немой упрек его эгоистической, глубокой любви к ней. Конечно, Эйден давно следовало бы быть замужем. Он, однако, был не в состоянии расстаться с ней, со своим чадом, которое он любил больше всего на свете.

Он так долго ждал ее рождения. С ней были связаны все его надежды. То, что родилась девочка, можно было легко простить, потому что ее мать должна была подарить ему других детей, сильных сыновей, под стать их здоровой дочери. Когда же других детей не последовало, это оказалось несущественным, потому что дочь вместе с женой заполнили его сердце. И сейчас, когда ей предстояло остаться одной, его тревожило ее будущее.

Позаботится ли о ее счастье королева, которую он просил посмотреть за своим бесценным ребенком? Когда он отчетливо понял, что умирает, он написал своей государыне, вверяя судьбу Эйден ее заботам, умоляя Елизавету Тюдор позаботиться о том, чтобы его дочь смогла благополучно выйти замуж за хорошего человека, по крайней мере равного ей по происхождению. Только недавно он получил ответ, в котором выражалось бесстрастное согласие выполнить его последнюю волю. Тем не менее он почувствовал большое облегчение.

Он оставлял свою дочь наследницей огромного состояния, заключающегося и в землях, и в деньгах. Однако состояние состоянием, но он не забывал, что род его совсем незнатный. Большинство выгодных браков обговаривалось, когда дети были еще в колыбели, и, к своему сожалению, он обнаружил, что люди знатного происхождения соединялись с себе подобными. А кроме того, Эйден нельзя было назвать красивой. Нет, она становилась хорошенькой, когда прилагала к этому усилия. Однако чаще всего ее волосы были растрепаны, как у сорванца, а лицо было грязным гораздо чаще, чем чистым. Когда он выговаривал ей по этому поводу, она смеялась и отвечала:

– Отец, я могу только верхом на лошади осмотреть эти обширные земельные угодья, которые вы и мой дед так настойчиво расширяли. После целого дня, проведенного в седле, я, понятно, выгляжу не очень чистой.

Почти всегда он возражал ей:

– Предоставь это бейлифу, дитя мое. Это его обязанность – присматривать за хозяйством. Его семья жила на этих землях еще до того, как мы появились здесь.

– Бейлиф, – мудро отвечала дочь лорда Блисса, – мечтает о свободе действий, отец, но тем не менее он должен знать, что за ним присматривают. Кроме того, нашим людям приятно, когда они видят меня. Я знаю их всех по именам, знакома с их детьми, их заботами, их болячками.

Она улыбнулась.

– Когда они видят хозяина, им остается только быть преданными ему.

Когда она улыбалась, казалось, солнце выглядывало из-за туч. Эйден было далеко до ее красавицы матери, но все же под растрепанными волосами и чумазым лицом скрывалось довольно хорошенькое личико.

Слабая улыбка тронула его губы, когда он вспомнил свою вторую жену, Бевин Фитцджеральд. Он увидел ее в первый раз, когда она приехала из Ирландии, чтобы выйти за него замуж. Ей было только шестнадцать, и она прибыла одна, не считая служанки, подозрительного существа по имени Мег. Большинство молодых девушек побоялись бы плыть через бурное море в другую страну и выходить замуж за чужестранца. Но Бевин была любопытна как

сорока и храбра как пара волкодавов, которых она привезла с собой в качестве свадебного подарка жениху.

Отдаленная родственница Элизабет Фитцджеральд Клинтон, графини Линкольн, Бевин, как и ее элегантная родственница, отличалась высоким ростом и обладала изящной осанкой. Грива рыжевато-каштановых волос теплого оттенка и светлые голубые глаза, которые напоминали ему бледное небо на рассвете, привели его в восторг. Выражение ее лица было таким неправдоподобно милым, ее манера держаться такой привлекательной, что ему, к его собственному удивлению, захотелось сделать ее счастливой. Когда он раздел ее в их первую брачную ночь, ее кожа показалась ему удивительно светлой для его опытного и пресыщенного взгляда. Она гордо и уверенно стояла перед ним в мерцающем свете свечи в своей наготе, совершенно не стыдясь своего замечательного тела. Он изумился своему везению, когда понял, какое бесценное сокровище досталось ему в качестве жены.

Семья лорда Блисса, Сен-Мишели, была семьей состоятельных лондонских купцов, и у нее была добрая репутация. Свои титулы и земли они получили, когда дед лорда Блисса спас старшего сына Генриха VII, принца Артура, от серьезных финансовых неприятностей, связанных с некоторыми не очень порядочными ростовщиками. Он случайно узнал о неприятностях принца и купил долговые расписки королевского отпрыска у ростовщиков. Тем недостало ума понять, какую выгоду можно извлечь, храня их, как сделал это Седрик Сен-Мишель. Став владельцем долговых расписок принца, умный купец щедрым жестом забыл о его долгах.

Король, ставший в старости скаредным, отблагодарил его. Нет, он не предоставил торговому дому Сен-Мишелей королевские привилегии, на что надеялся Седрик Сен-Мишель. Он пожаловал купцу небольшое, несколько запущенное королевское поместье в Ворчестершире и дал ему наследственный титул барона Блисса. Дед лорда Блисса с благодарностью принял королевский дар, который не стоил королю и медного пенни. Потом без суеты начал увеличивать состояние своей семьи.

С годами земли, граничащие с поместьем, которое было известно под названием Перрок-Ройял, постепенно присоединялись к нему – семья Сен-Мишелей скупала их. В итоге небольшая усадьба превратилась в огромное поместье. Но несмотря на дворянский титул, каждый последующий наследник учился отцовскому ремеслу – праздность была столь же чужда Сен-Мишелю, как краснокожий индеец из Нового Света, случись ему попасться им на глаза.

Казалось, Сен-Мишели знали какой-то секрет, позволявший им получать гораздо больший доход, чем их собратьям. Они никогда не забывали о своем происхождении. Но только одного им не хватало. Сыновей. На каждое поколение приходился только один сын. И вот пришло время, когда от семьи осталась только дочь, которая, казалось, была обречена остаться старой девой, если королева не сдержит своего обещания и не найдет подходящего мужа для Эйден Сен-Мишель.

Умиравший лорд Блисс был женат дважды. Его первая жена, младшая дочь барона с севера, прожила долго и смогла отпраздновать тридцать четыре года их совместной жизни. В течение двадцати пяти лет она тщетно пыталась подарить наследника своему терпеливому и ласковому мужу. Были выкидыши и мертворожденные дети, было даже трое детей – хилый мальчик и две девочки, которые, однако, прожили от нескольких месяцев до почти двух лет. Потом дети перестали рождаться, и надежды на их появление тоже не осталось никакой. Первая леди Блисс впала в меланхолию, которая продолжалась девять лет, до тех пор, пока смерть не сжалилась над ней. Лорд Блисс, немного стыдясь, почувствовал некоторое облегчение от того, что она умерла. Он может жениться вторично и стать отцом. Теперь он наконец понял короля Гарри в его отчаянии¹.

¹ Имеется в виду король Генрих VIII, не имевший наследника мужского пола.

Ему исполнилось пятьдесят два года, когда умерла его первая жена, и он почтительно носил по ней траур в течение целого года – она была хорошей женщиной. В это время он оказал финансовую помощь лорду Эдварду Клинтону и его жене, которым нужны были дополнительные средства, чтобы остаться при дворе. Как и многие знатные люди, Клинтон вряд ли вернули бы долг. Лорд Блисс одолжил им требуемую сумму, отказавшись от процентов в знак своего доброго расположения. Почему он поступил так, он никак не мог вспомнить, объясняя это только тем, что все еще скорбел по своей жене и мысли его путались.

Лорд и леди Клинтон были необычайно благодарны ему, и в порыве великодушия леди Клинтон сказала:

– Если когда-нибудь вам понадобится помощь, милорд, вы можете без колебания обращаться к нам.

Неожиданно лорд Блисс услышал свой собственный голос:

– Я вдовец, мадам, и ищу жену. Не знаете ли вы какую-нибудь подходящую и здоровую молодую женщину, которая не связана брачным контрактом?

– Вполне возможно, что я могу помочь вам, милорд, – последовал ответ. – Дайте мне несколько дней подумать над этим, – любезно сказала Элизабет Фитцджеральд Клинтон.

Позже лорд Клинтон ворчливо пробурчал:

– Каков нахал! Его купеческое прошлое по-прежнему дает о себе знать. Я рад, что ты отделалась от него, Бет.

– Нет, – задумчиво ответила его супруга. – Я кое-что придумала для лорда Блисса, Нед. У моего кузена Рогана Фитцджеральда в Мюнстере есть дочь-бесприданница. Даже монастырь не примет девушку без какого-нибудь приданого. Но я готова побиться об заклад, что лорд Блисс будет рад жениться на родственнице жены лорда-адмирала.

– Войдя в семью, он не будет настаивать, чтобы мы вернули долг! – воскликнул супруг, хлопая себя по коленке. – Клянусь Богом, Бет, ты умная женщина. Я рад, что женился на тебе! Элизабет Клинтон улыбнулась мужу.

– Нам обоим это пойдет на пользу, – сказала она. – Лорд Блисс пользуется репутацией порядочного человека и, несмотря на свое происхождение, ведет себя как джентльмен. Породнившись с нами, его семья будет пользоваться еще большим уважением. Дочь моего кузена Рогана – крепкая, здоровая девушка, которая, несомненно, подарит мужу много детей. А ведь в конце концов именно поэтому лорд Блисс хочет жениться снова.

Жена лорда-адмирала была совершенно честной с лордом Блиссом, говоря о дочери ее кузена. Девушка – бесприданница. Бевин Фитцджеральд предстанет перед женихом только в том, что будет на ней.

Но она молода, здорова и из хорошей и благородной семьи. Вывод напрашивался сам собой, а лорд Блисс был не глуп. Леди Клинтон не пришлось долго говорить о преимуществах этого брака. Он понял, что его заем не больше чем первый взнос за молодую жену благородного происхождения. Договоренность была достигнута, ведь лорд Блисс был человеком практичным. Вместе с брачными контрактами, посланными Рогану Фитцджеральду в Ирландию, туда же отправился тяжелый кошель с золотом, чтобы невеста смогла приобрести материю для своего нового гардероба. Однако Бевин Фитцджеральд приехала с небольшим сундучком – ее отец знал, что жених ни в чем не сможет отказать красавице невесте, а семье Бевин так необходимо это золото! Неразумно его потратить на тряпки.

В конце концов это оказался брак по любви. Бевин Фитцджеральд Сен-Мишель стала заботливой, мягкой по характеру молодой женой, а лорд Блисс ласковым мужем, любящим и благодарным за любовь к нему. Эйден родилась в первый год их брака. Ее отцу исполнилось пятьдесят четыре, а матери – семнадцать. С самого рождения Эйден была большим, крепким, здоровым ребенком, к огромной радости ее отца. То, что ее мать легко перенесла родовые муки, давало надежду на появление новых детей.

Следующие несколько лет своей короткой жизни леди Блисс пыталась подарить своему мужу отчаянно желаемого сына и наследника. Лучшее, что она смогла сделать, это произвести на свет двух здоровых девочек-близнецов, которые умерли вместе со своей матерью в весеннюю эпидемию, когда им исполнилось всего лишь три года. Эйден было десять.

После этого у лорда Блисса не осталось никого, кроме его единственного возлюбленного чада. Он мог бы жениться снова, как поступали многие мужчины его класса, но он не верил, что когда-нибудь сможет найти счастье, которое обрел с Бевин, а в своем возрасте на меньшее он согласиться не мог. Эйден стала наследницей своего отца, и ее крепкое здоровье только убеждало его – появление на свет Эйден не прошло без вмешательства воли Господней.

Годы летели незаметно, и сейчас, к своему удивлению – он всегда был крепкого здоровья, – лорд Блисс обнаружил, что находится перед лицом смерти, а Эйден уже не ребенок, а молодая двадцатитрехлетняя женщина. Склонившись над пальцами, она не видела, с какой тревогой приглядывается к ней отец. «Она совсем не похожа на свою мать», – подумал он с сожалением. Волосы Бевин представляли собой роскошную копну спадающих вниз каштановых кудрей, волосы Эйден, длинные и совершенно прямые, имели странный рыжеватый оттенок. Глаза у Бевин были нежно-голубого цвета, каким бывает апрельское небо на рассвете, у Эйден же глаза просто серые. Он тихо вздохнул. Почему дочь не унаследовала совершенное, в форме сердечка, лицо своей матери? У нее такое заурядное лицо. Только в двух вещах дочь походила на мать: прелестной светлой кожей с кремовым оттенком и высоким ростом.

Он снова тихо вздохнул. Он сделал все что мог для своего ребенка. Пока была жива Бевин, она следила, чтобы их дочь выучилась всему, что связано с домашним хозяйством: солению мяса и рыбы, заготовке впрок дичи, приготовлению варений, джемов и консервированию фруктов, разнообразным и многочисленным обязанностям, связанным с пивоварней и кладовой, выпечке хлеба, шитью, починке одежды, приготовлению еды, уходу за посадками лекарственных трав и за огородом, изготовлению целебных мазей и растираний, окуриванию и лечению, изготовлению свечей, мыла и благовоний, умению заготавливать запасы на зиму или на случай непредвиденных обстоятельств, надзору за горничными.

Когда Бевин и близнецы умерли, лорд Блисс взял на себя заботу о настоящем образовании своего единственного ребенка, что помогало ему забывать о своей скорби. К его полному изумлению, Эйден оказалась прекрасной ученицей. Он нанял для занятий с ней удалившегося на покой учителя из Оксфорда. Она изучила языки, как современные, так и древние, могла разговаривать на греческом и латинском так же легко, как на английском или французском. Легко освоила математику, знала, как вести счета, умела читать и писать, изучала и древнюю, и современную историю.

У нее обнаружился музыкальный слух, и она хорошо играла как на спинете, так и на лютне. Четыре раза в неделю приходил учитель танцев.

Лорда Блисса приводил в восторг необычайно острый ум дочери. В беседе Эйден мгновенно находила остроумный ответ. Он желал, чтобы она вошла в общество, как другие девушки, но Эйден, казалось, не интересовалась такими вещами. Она постоянно напоминала ему, что ей гораздо больше нравится оставаться с ним дома в Перрок-Ройял, а ему доставляло удовольствие слышать эти слова.

Лорд Клинтон стал графом Линкольном в 1569 году. Еще тогда лорд Блисс понял, что мог бы воспользоваться их родственными отношениями и устроить судьбу дочери. Но ему так не хотелось расставаться с ней. Кроме того, он был человеком гордым и после женитьбы на Бевин Фитцджеральд очень редко виделся с Клинтоном и его женой, известной теперь благодаря стихам графа Суррея как «Прекрасная Джеральдина».

Понимая, что умирает, он завещал опеку над дочерью не Клинтонам, которым она доводилась родственницей, понимая, что могущественный граф Линкольн просто потеряет Эйден в куче своих домочадцев. Опеку было доверено самой королеве. Он надеялся, что

королева найдет для Эйден место при дворе. А там, глядишь, на нее обратит внимание подходящий джентльмен, который оценит покладистый характер и большое состояние невесты. Тюдоры выдвигали людей из менее благородных семей, чем его собственная, и те были приняты наследственными аристократами. Может быть, его дочь найдет свое счастье, оказавшись при дворе. Это лучшее, что он мог сделать для нее сейчас.

– Отец! – Ее голос ворвался в его мысли. – Не хотите ли супу? – Эйден оторвалась от рукоделия и вопросительно смотрела на него.

Он неожиданно почувствовал страшную усталость, ощутил тяжесть каждого дня из своих семидесяти шести лет.

– Нет, моя дорогая, – сказал он слабым голосом.

– Отец!

Он увидел выражение ее лица – выражение тревоги и плохо скрываемого нетерпения.

Он не мог сдержать болезненную улыбку, которая исказила его лицо. Его голос, когда он заговорил, был таким любящим и слегка ироничным:

– Скажи, что тебя тяготит, Эйден. Я уверен, ты не успокоишься, пока не скажешь.

– Отец! – торопливо заговорила она. – Я хочу, чтобы вы изменили свои планы в отношении меня. Я слишком стара, чтобы меня опекали! Меня пошлют ко двору, а я возненавижу его! Я не любительница светского общества. За мной будут волочиться из-за моего богатства, и в конце концов королева выдаст меня замуж единственно ради удовлетворения своих целей. О моем счастье никто не подумает. Прошу вас не делать этого ради меня!

– Женщина должна выйти замуж, – упрямо сказал он. – Она не в состоянии распоряжаться своим наследством без помощи мужчины. Ты умная девушка, Эйден, однако муж нужен каждой порядочной женщине хорошего происхождения. В этом деле ты должна подчиниться моему решению. Я понимаю твоё нежелание уезжать из Перрок-Ройял, но это девичьи страхи. За всю свою жизнь, дочь моя, ты никогда не выезжала дальше Ворчестера. Это моя вина, но раньше ты доверяла мне, а разве я не всегда поступал правильно по отношению к тебе? Двор – интересное место, Эйден, и под опекой королевы тебе откроются лучшие его стороны. Ты не жеманная девушка, чтобы тебя обманула неискренность какого-нибудь охотника за состоянием. Ты из тех, кто умеет выживать, Эйден. Ты всегда была такой.

Эйден глубоко вздохнула. Спорить с отцом бесполезно. Она повторит свою попытку завтра.

– Хорошо, отец, – послушно сказала она, и он слабо улыбнулся ей, измучившись от столь долгой речи. Он понимал, что на самом деле она не согласилась с его решением, даже если и не стала говорить об этом сегодня.

– Ты хорошая девочка, Эйден, – прошептал он хрипло.

Сейчас он устал. Очень, очень устал.

Она встала, нежно поцеловала его в лоб, расправила одеяло.

– Сейчас поздно, отец, и я устала. Мы готовили сегодня ароматическую смесь из лаванды и розы, да и стирки было много. В прачечной новенькие девушки, и за ними необходим постоянный присмотр. – Ее легкая улыбка тронула ему сердце. – Увидимся утром, отец. Пусть Господь пошлет вам спокойную ночь.

– И тебе также, дочь моя, – с любовью ответил он и проводил ее взглядом. Слезы застлали его усталые глаза.

Когда утром Эйден пришла будить отца, Пейтон Сен-Мишель, лорд Блисс, ушел к своему Творцу, а его дочь, к своему глубокому сожалению, обнаружила, что бесспорно, хотя и против своего желания, находится под опекой короны.

Часть 1

Подопечная королевы

1577–1578 годы

Глава 1

– Невежды! – закричала королева и швырнула свою корзинку для рукоделия в другой конец комнаты. – Я окружена невеждами!

Уголкем глаза она заметила какое-то движение, повернулась и увидела своего любимого пажа, тринадцатилетнего графа Линмутского, терпеливо ожидающего, когда царственный гнев утихнет.

– В чем дело, Робин? – резко осведомилась она, но юный Робин Саутвуд знал, что сердится она не на него, и поэтому улыбнулся ей ослепительной улыбкой.

– Только что из деревни прибыла новая подопечная вашего величества, мадам, – доложил он.

– Черт побери! Еще одна! Ну-ка, расскажи мне, паренек! Это мужчина или женщина? В пеленках или уже без них? Назови мне фамилию. Намекни или подскажи, кто этот последний в длинном ряду моих королевских обязанностей. – При этих словах ее губы тронула веселая усмешка. Она заметила смешинку в зеленоватых глазах мальчика.

– Это молодая леди, мадам. Ее зовут Эйден Сен-Мишель, она наследница и единственный оставшийся в живых ребенок Пейтона Сен-Мишеля, барона Блисса. Ее дом – неподалеку от Ворчестера. Земли барона граничат с землями семьи моей матери.

Королева секунду подумала, потом кивнула.

– Семья лорда Блисса – хорошая лондонская семья, – сказала она. – Они всегда поддерживали правящего монарха и, по моим сведениям, не участвовали в дворцовых интригах. Ладно, Робин Саутвуд, приведи ее ко мне. Я хочу познакомиться с этой осиротевшей наследницей.

Мальчик откланялся, а Елизавета Тюдор улыбнулась про себя, глядя ему вслед. С каждым днем он становился все более похожим на своего покойного отца, хотя доброты в нем было больше, чем у Джеффри в этом возрасте. В этом заслуга его матери, Скай О'Малли, которая сейчас замужем за Адамом де Мариско и которой было приказано удалиться от двора в королевское поместье Королевский Молверн.

«Я скучаю по ней, – думала королева. – Наши отношения были трудными, но тем не менее мне не хватает дорогой Скай». Ее взгляд пробежал по женщинам, находящимся в комнате, и она фыркнула про себя. За некоторым исключением они – стадо глупых телок: все время эти дамы хихикают и жеманничают, подыскивают себе мужей при ее дворе. Большинство из них едва образованны, их разговоры сводятся к обсуждению мужчин, фасонов платьев и последних сплетен. Она знала, что за ее спиной они издеваются над ней и высмеивают, несмотря на то что она их повелительница. Они не осмеливаются делать это открыто, ведь даже они понимают силу ее власти, власти над их жизнью и смертью, которую она держит в своих руках. Как бы там ни было, среди них не много по-настоящему преданных ей женщин. Большинство служат ей лишь для того, чтобы добиться чего-то либо для себя, либо для своих семей.

Дверь королевской приемной распахнулась и впустила юного Робина и двух женщин: одну молодую, другую пожилую. Молодая женщина была одета в черное бархатное платье с высоким воротником, устаревшее по фасону, но превосходное по исполнению. Голову украшал полотняный чепец, отделанный кружевами. Королевские дамы немедленно перестали болтать и с любопытством рассматривали пришедших.

– Мадам, это госпожа Сен-Мишель, – объявил Робин.

Эйден и ее спутница сделали изящный реверанс. Однако у последней были явные нелады с суставами, и ей понадобилась помощь своей госпожи, чтобы подняться. Это вызвало хихиканье королевских дам, и щеки Эйден порозовели от смущения.

Королева метнула сердитый взгляд на женщин, ей не нравилась такая недоброжелательность.

– Добро пожаловать ко двору, госпожа Сен-Мишель, – сказала она. – Я не знала вашего отца, но добрая репутация вашей семьи известна.

– Вы очень любезны, ваше величество, – ответила Эйден.

– Сейчас, – сказала королева, – вопрос состоит в том, что нам делать с вами.

– Если бы я могла послужить вашему величеству, – искренне ответила Эйден, – это пришло бы мне удовлетворение.

При этих словах Эйден раздалось громкое хихиканье, которое заставило ее покраснеть снова, а королева, прищурившись, выискала изящную девушку с губками, похожими на бутон розы, и белокурыми волосами.

– Вы находите желание госпожи Сен-Мишель служить мне смешным, госпожа Тейллбойз? – промурлыкала королева. Графиня Линкольн, близкая подруга королевы, неожиданно внимательно присмотрелась к новенькой.

Сейчас пришла очередь покраснеть госпоже Тейллбойз, и, заикаясь, она попыталась извиниться за свое нетактичное поведение.

– Н-нет, мадам, просто ее платье так старомодно...

– Мода... – лукаво произнесла королева, – это то, в чем я могу довериться вашим знаниям. Мода и развязное поведение, госпожа Тейллбойз.

Дерзкая девица побледнела. Неужели королеве известно о ее недавних любовных свиданиях с лордом Болтоном? Откуда она могла узнать? Это невероятно, но тем не менее иногда казалось, что королева знает обо всем. Она беспокойно закусилла нижнюю губу. Что ответить своей госпоже?

Видя колебания четырнадцатилетней фрейлины, королева поняла, что ей удалось найти какое-то слабое место. «Итак, девчонка задирает юбки за моей спиной?» Елизавета ненавидела, когда ее дамы распутничали, а этим сегодня занимались слишком многие из них.

– Разве не вы ответственны за мою корзинку для рукоделия, госпожа Тейллбойз? – требовательно спросила королева.

– Д-да, ваше величество, – последовал нервный ответ.

– И тем не менее несколько минут назад я рылась в этой самой корзинке. Там такой беспорядок, все перепутано. Получается, госпожа Тейллбойз, что ваши интересы далеки от желания служить вашей королеве. А коли так, вы увольняетесь со службы и возвращаетесь домой немедленно, сегодня же.

С пронзительным вскриком Алтея Тейллбойз кинулась к ногам королевы.

– Ах, прошу вас, ваше величество, – кричала она, – не отсылайте меня домой в немилости! Что скажут мои родители? Как я объясню?

– Вам не придется ничего объяснять, – последовал ответ. – Я пошлю вместе с вами письмо, в котором объясню причины, по которым я вас отослала. Мною будет выражено неудовольствие по поводу ваших дурных манер, вашего недоброго сердца и распутного поведения с мужчиной, чье имя не будет упомянуто.

Госпожа Тейллбойз упала в обморок у ног королевы, издав что-то среднее между криком и стоном.

– Уберите этот хлам! – рявкнула Елизавета остальным фрейлинам, которые с вытаращенными глазами наблюдали, как девушка из привилегированного круга была осмеяна острой на язык королевой. Каждая из них радовалась, что не она оказалась жертвой их повелительницы. Они разом бросились выполнять приказание королевы, чтобы не навлечь на себя ее гнев. Подняли худенькую Алтею Тейллбойз и, спотыкаясь, потащили из комнаты.

– Госпожа Сен-Мишель, – сказала королева подобревшим голосом. – Вы займете место госпожи Тейллой среди моих фрейлин, и теперь на вашем попечении находится моя корзинка для рукоделия.

– Им это не понравится, – услышала Эйден собственные слова.

– Правильно, – ответила королева, – им это не понравится, но они будут терпеть вас, потому что вы нравитесь мне.

Вперед вышла графиня Линкольн.

– Простите меня, мадам, – сказала она, – но мне кажется, что я состою в родственной связи с госпожой Сен-Мишель. Не дочь ли вы Пейтона Сен-Мишеля и Бевин Фитцджеральд, дитя мое?

– Да, миледи, это так, – ответила Эйден.

Графиня обратилась к королеве:

– Бевин Фитцджеральд была моей кузиной, мадам. Это я устроила ее брак с лордом Блиссом много лет назад. – Она снова посмотрела на Эйден. – Ваши родители умерли?

– Да, миледи. Моя мать и сестры-близнецы умерли, когда мне было десять. Мой отец скончался месяц назад.

– У вас нет денег? – был следующий вопрос.

Графиня Линкольн думала, что королева прикажет Клинтонам отвечать за денежное обеспечение девушки, и почувствовала облегчение, услышав слова Эйден:

– Нет, миледи. У меня есть деньги.

«Интересно, – подумала королева. – Она не желает обсуждать свое финансовое положение со своей родственницей».

– Все, кроме госпожи Сен-Мишель и Робина, оставьте нас, – приказала королева.

Графиня Линкольн и две другие дамы поклонились и вышли из комнаты.

– Принеси нам вина и бисквитов, Робин, – приказала королева. – Можете садиться, госпожа Сен-Мишель. Возьмите этот стул с высокой спинкой. Я хочу побольше узнать о вас. Итак, – сказала Елизавета Тюдор, – кто эта женщина, что опекает вас?

– Это Мег, моя служанка. Она приехала с моей матерью из Ирландии и служила ей до самой смерти.

– А почему вы не захотели сказать леди Клинтон о своих средствах?

Эйден посмотрела на Робина, но королева сказала:

– Он слышал гораздо более доверительные разговоры, чем тот, который вы ведете со мной сейчас, моя дорогая. Он не болтлив.

– Леди Клинтон ничего не знает о моей семье, за исключением того, что она устроила брак моих родителей, мадам. Она сделала это в благодарность за заем, который мой отец устроил ее мужу много лет назад. По условиям займа лорд Клинтон не должен был выплачивать проценты. Мой отец остался бездетным вдовцом после многих лет брака. Когда леди Клинтон предложила свою помощь в ответ на его услугу, он спросил, не знает ли она женщину, на которой он мог бы жениться. Моя мать была дочерью кузена леди Клинтон и не имела приданого, чтобы выйти замуж или уйти в монастырь. Леди Клинтон знала, что мой отец будет рад установить родственные связи с ее семьей, несмотря на то что моя мать была бесприданницей. Действительно, брак был заключен. После этого, однако, мы никогда не виделись с ними. Я, ваше величество, очень богатая женщина, но я не хочу, чтобы слухи о моем богатстве дошли до двора. Мой отец просил вас найти мне мужа. Я и в самом деле надеюсь, что в конце концов вы сделаете это. Я никогда не уезжала из дома, и хотя признаю, что сопротивлялась воле отца и хотела остаться дома, он оказался прав. Мне понравилась поездка и все новое, что я узнала. За мной никто никогда не ухаживал. Я неопытна в сердечных вопросах и боюсь, что утонченные джентльмены вашего двора попытаются воспользоваться этим. Если станет известно о моем состоянии, я буду, несомненно, атакована ухажерами, охотящимися скорее за моими деньгами,

чем за моим сердцем. Неопытность может сделать меня жертвой коварства. Если, однако, о моем богатстве ничего не будет известно, тогда молодой человек будет искать моего общества из искренних побуждений, а не из-за моего кошелька. Но самое главное, я так хочу служить моей королеве, я так буду стараться!

Елизавета Тюдор медленно кивнула. Девушка умна! На этот раз она не будет обременена присутствием легкомысленной болтушки. Может быть, она также и образованна? Надеяться на это не следовало, но королева все-таки спросила:

– Вас учили чему-нибудь, госпожа Сен-Мишель?

– Да, ваше величество. Я говорю на греческом, на латыни, а также на французском и немного на немецком, испанском и итальянском. Могу читать и писать на этих языках, как и на своем родном.

– А как с математикой?

– Немного, просто умею вести счета, – последовал ответ.

– Вы изучали историю?

– Все, чему мог научить меня старый учитель из Оксфорда, которого нанял для меня мой отец. Я могу также сочинять стихи, танцевать, петь и играть на двух инструментах.

– На каких же?

– На лютне и на спинете, мадам.

– Боже правый! – сказала королева. – Вы образованная женщина, а значит, можете разговаривать не только о тряпках и мужчинах.

– Я не очень разбираюсь в моде, мадам.

– Ваш отец просил меня найти вам мужа. – Королева улыбнулась Эйден.

– Да, мадам.

– И вы хотите этого?

– Я хотела бы, ваше величество, быть хозяйкой самой себе, но знаю, что это невозможно.

В конце концов, я должна выйти замуж. Прошу только дать мне немного времени, мадам. Кроме того, поскольку мой отец был последним мужчиной в роду, он просил в своем завещании, чтобы мой муж принял фамилию нашей семьи, чтобы его баронетство не умерло вместе с ним.

– В таком желании нет ничего необычного, – сказала королева, – и, ценя преданность вашей семьи моей семье, я исполню его. А теперь Робин Саутвуд покажет вам, где вы будете жить здесь, в Гринвиче. Возвращайтесь с ним, как только устроитесь. Моя корзинка для рукоделия в беспорядке, госпожа Эйден Сен-Мишель, и теперь это ваша обязанность – следить за порядком в ней.

Эйден встала и, поклонившись королеве, вышла из комнаты вместе с Мег. За дверью гостиной королевы они обнаружили ожидавшую их графиню Линкольн. Молодой граф элегантно расшаркался перед ней.

– Куда вы отведете мою юную кузину, милорд? – требовательно спросила Элизабет Клинтон.

– Еще не знаю, миледи. Я должен найти мажордома и узнать, куда мы можем втиснуть госпожу Сен-Мишель. Как вам хорошо известно, дворец переполнен до отказа.

– В чердачном этаже есть дополнительные апартаменты, предназначенные для нас, которыми мы редко пользуемся, – сказала графиня. – Вы понимаете, что именно я имею в виду?

Робин, в обязанность которого входило знать такие вещи, кивнул.

– Знаю, – сказал он.

– Где ваш багаж, кухня? – спросила графиня.

– Во внутреннем дворе, в моей карете, – ответила Эйден. – Цвет ливреи моих слуг синий с зеленым, а семейный герб – корабль, дерево и на нем красный крест.

Робин быстро улыбнулся ей.

– Я найду ее, госпожа, и прослежу, чтобы вещи были благополучно доставлены вам. – И, еще раз улыбнувшись, он быстро поклонился и ушел.

– Пойдемте, – сказала графиня Линкольн своей родственнице, – и я покажу вам место, которое вы будете называть своим домом. Поначалу оно покажется вам странным, моя дорогая, но я приехала во дворец, когда мне было всего девять, меня называли сиротой из Килдэра. Я была маленькой, напуганной девочкой, но мне удалось выжить, как это предстоит сделать и вам.

– У меня еще не было времени, чтобы испугаться, – честно призналась Эйден. – Все очень интересно и так не похоже на Перрок-Ройял.

– Перрок-Ройял?

– Мой дом к западу от Ворчестера.

– Да, – сказала Элизабет Клинтон, – это место не похоже на Перрок-Ройял, моя дорогая Эйден. Могу я называть вас Эйден, правда? А вы будете называть меня Бет? – Не дожидаясь ответа, она продолжала: – Двор всегда переполнен теми, кто живет при нем, теми, кто наезжает сюда, теми, кто пытается устроиться здесь, и слугами всех этих людей. Мой муж, Нед, лорд-адмирал, имеет апартаменты везде, куда отправляется королева, но фрейлины обычно должны жить в комнатах для фрейлин, если только у них нет семьи и друзей, которые могут предоставить им место для проживания. Ужасно, когда не можешь побыть одна. Я рада предложить вам эту маленькую комнату, и она действительно маленькая, Эйден. Тем не менее я уверена, что вы и ваша служанка уместитесь в ней. Вы обручены?

– Нет, Бет. Я предпочитала жить с отцом. Он был стар и нуждался во мне. Перед смертью он просил королеву найти мне подходящего мужа. Сейчас, однако, я удовлетворена тем, что могу в силу своих возможностей служить королеве.

– Вы очень умны, моя дорогая, – пробормотала графиня с одобрением. – Тем не менее мы не должны позволить нашей госпоже забыть обещание, данное вашему отцу, а она легко может сделать это. Королева не любит, когда дамы покидают ее, выходя замуж. Полагаю, это объясняется тем, что она сама не замужем. Не знаю, может быть, это происходит от ревности или от невнимательности к другим людям. Сколько вам лет?

– В прошлом августе, девятнадцатого числа, мне исполнилось двадцать три, Бет.

– Господи, кухня! Вам не кажется, что вы несколько староваты? Лучше нам не мешкать, а искать вам мужа... Я поговорю с мужем, и мы посмотрим, есть ли подходящие для этого джентльмены. Вам, вероятно, придется выйти замуж за вдовца, но ведь и мой первый муж, и Нед были вдовцами, когда я выходила за них.

Болтая, графиня Линкольн вела Эйден и Мег вверх по одному пролету лестницы, потом по другому, и еще по одному, через путаницу коридоров, таких извилистых, что Эйден с отчаянием думала, найдет ли дорогу обратно. Наконец они остановились перед небольшой гладкой дубовой дверью.

– Ну, вот мы и пришли, дорогая. Входите и почувствуйте себя как дома. Молодой Робин скоро придет сюда с вашим багажом и проводит вас к ее величеству, – сказала Элизабет Клинтон. Она легко клюнула Эйден в обе щеки и исчезла за углом прежде, чем девушка успела открыть рот.

Более практичная Мег распахнула дверь в предложенную им комнату и ахнула в ужасе.

– Господи, прости меня, госпожа Эйден! Она такая маленькая, что сюда и кошку не засунешь!

Эйден встревоженно осмотрелась, и ее сердце упало. Мег ничуть не преувеличивала. В комнате не было ничего, кроме маленького окна, крошечного камина в углу и кровати, которая занимала большую часть комнаты. Она покачала головой.

– Если моя родственница говорит, что это все, что есть, я должна поверить ей, Мег, и быть благодарной за то, что мы получили такую комнату. Не бойся, на кровати можно спать вдвоем. Мы будем согревать друг друга по ночам, потому что в Гринвиче, боюсь, сыро.

Они вошли в комнату, и, пока ждали прибытия своих вещей, Мег внимательно осмотрелась и презрительно фыркнула.

– Здесь грязно. Уверена, что здесь не убирались много месяцев. Этот матрас нужно выбросить, госпожа Эйден. Не сомневаюсь, что в нем полно клопов и блох, противных созданий, от которых можно заболеть.

Эйден кивнула, молча соглашаясь со служанкой.

– Когда люди принесут багаж, Мег, мы заставим их унести старый матрас и принести воду. Действительно, здесь надо убратсья. Я не хочу разбирать вещи до тех пор, пока в комнате не будет чисто.

Они стояли, осматриваясь по сторонам, в течение, казалось, очень долгого времени. Потом в дверях неожиданно появился Робин Саутвуд с улыбкой на красивом лице.

– Вот и мы, госпожа Сен-Мишель, и ваш багаж.

Мег рванулась вперед.

– Прикажете вашим людям задержаться, милорд, – сказала она. – Я не позволю своей госпоже спать на этом заплесневелом матрасе. Пусть его унесут. Еще мне нужна вода, я хочу вымыть эту комнату. Не сомневаюсь, что тут полно паразитов!

Робин ухмыльнулся. Мег очень напомнила ему служанку его матери, Дейзи, но она была права. Его мать не выносила грязь и беспорядок, и он вырос тоже чистюлей, хотя многие их современники были совсем непривередливы. Повернувшись, он приказал лакеям, сопровождавшим его, поставить багаж на пол. Потом заставил их убрать старый матрас, разобрать резной остов кровати и принести воды для Мег, которая собиралась вымыть комнату.

– Оставьте плащ вашей служанке, – сказал он Эйден. – Я отведу вас в комнату фрейлин, где вы сможете умыться с дороги, а потом вернетесь к королеве. Ваша служанка будет в целости и сохранности. Я прослежу, чтобы в помощь к ней прислали какую-нибудь девушку. – Он повернулся к крепкому слуге.

– Ты! Принеси побольше дров в комнату госпожи Сен-Мишель и останься помочь этой женщине.

– Слушаюсь, милорд, – сказал человек и поспешил выполнить приказание юного графа.

– Вы хорошо отдаете приказы, – заметила Эйден.

– Я Саутвуд из Линмута, – гордо заявил он, как будто это объясняло все, и Эйден поняла, сколько ей еще предстоит узнать. – Я нахожусь при дворе с шести лет.

– Я должна вернуться назад с графом, – сказала Эйден Мег, которая едва кивнула и махнула ей рукой.

Эйден робко шла за мальчиком через путаницу коридоров и вниз по нескольким лестничным пролетам.

– Это место должно казаться вам очень странным по сравнению с вашим домом, – заметил Робин, – но не пугайтесь, госпожа Сен-Мишель, вы скоро научитесь разбираться в Гринвиче так, как будто жили здесь всю жизнь.

– Я еще не запомнила все повороты, – сказала Эйден, – но по крайней мере знаю, что нужно подняться по трем лестничным пролетам.

– Я помогу вам, ведь я хорошо помню свои первые дни здесь. Если бы один из пажей не помог мне, я бы заблудился.

Он провел ее в помещение, которое назвал комнатой фрейлин, и, сделав знак служанке, приказал ей принести воды, чтобы госпожа Сен-Мишель могла умыться. К смущению Эйден, в комнате оказались Алтея Тейлбойз и другая девушка. Было странно, что смещенная с должности девушка не проявляла недоброжелательности по отношению к Эйден.

– Ну вот, – сказала Алтея, – вы вскоре позавидуете мне, что я дома и в безопасности, госпожа Сен-Мишель. Служить этой суке королеве не так легко, как, я полагаю, вы себе представляете.

– Алтея! – выбранила ее другая девушка. – Не говори так о королеве.

Госпожа Тейллбойз пожалала плечами.

– Ни одна из вас не повторит мои слова, – сказала она, – и что еще она может мне сделать? Со мной все кончено! Только при дворе я могла найти хорошего мужа. Теперь отец наверняка выдаст меня за старого лорда Чарльтона. Старый развратник не спускает с меня глаз последние пять лет. – Она вздрогнула. – Вечно лезет мне под юбки, когда думает, что никто не видит. Ну, по крайней мере старому похотливому распутнику не достанется моя девственность. Она была отдана Генри Болтону! – закончила она с торжествующей ноткой в голосе.

– Алтея!

– О, не надо делать вид, что вы потрясены, Линнет Тальбот! Вы все так или иначе задирали свои юбки.

– Ну, я точно не делала этого, – заявила госпожа Тальбот, но Алтея Тейллбойз фыркнула, услышав слова подруги.

– Мне жаль, что вы потеряли место, – тихо сказала Эйден. – Однако в этом нет моей вины.

– Я знаю, – последовал ответ. – Примите мой совет, госпожа Сен-Мишель, и постарайтесь заслужить благосклонность старого чудовища. Она тщеславна и жестока, но это вы узнаете достаточно быстро.

Разговор продолжать не хотелось, и Эйден быстро вымыла руки и лицо в тазу с надушенной водой, принесенном служанкой, потом взглянула в зеркало, которое держала перед ней женщина, и вздохнула. Прическа оставляла желать лучшего! Она заправила выбившиеся пряди под чепец, потом снова посмотрела в зеркало и покачала головой. Если судить по тем немногим женщинам, которых она уже увидела здесь, при дворе, совершенно очевидно, что высказывание госпожи Тейллбойз было справедливым. Ее платье если не старомодное, то неинтересное. Черный бархат ничуть не подчеркивал красоту ее кожи, а закрытый вырез казался просто чопорным.

– Нам надо поторопиться, – деликатно обратился к ней Робин. – Не беспокойтесь о своем внешнем виде. Я скажу вам, кто обшивает мою мать.

По лицу ее пробежала быстрая усмешка, и Робин удивленно подумал, что госпожа Сен-Мишель вовсе не такая простушка-деревенщина, за которую он поначалу принял ее. Если ее прилично одеть, хорошо причесать и украсить драгоценностями, она будет выглядеть достойно.

Он повел ее обратно к королеве.

– Ага, моя деревенская мышка вернулась. – Елизавета, будучи в добром расположении духа, улыбнулась. – Вы устроились?

– Да, мадам, благодарю вас. Моя родственница, леди Клинтон, великодушно предоставила мне и моей служанке крошечную комнатку, принадлежащую ее мужу.

– Очень хорошо, – отреагировала королева, а потом отдала Эйден красивую корзинку для рукоделия. Открыв ее, Эйден нахмурилась.

– Это позор, мадам. В вашей корзинке не прибирались неделями. Мне понадобится несколько дней, чтобы привести все в порядок.

– Я хочу заняться вышиванием после ужина, – раздраженно бросила королева.

– Покажите мне вашу работу, мадам, и я подберу нужные вам нитки, – спокойно ответила Эйден.

Находящаяся в другом конце комнаты Элизабет Клинтон тихонько улыбнулась про себя. Госпожа Сен-Мишель определенно делает честь своей семье, и она была довольна этим обстоятельством. Нужно обговорить с мужем возможность найти этой девушке хорошую партию.

Такого мужчину, который сможет быть полезен их семье и сделает ее еще более могущественной. Она ломала себе голову, пытаясь вспомнить что-нибудь о семье Сен-Мишелей. У них должны быть деньги, ведь это богатая купеческая семья. Несомненно, должна быть и земля. Она вспомнила, что покойный лорд Блосс и его отец расширяли пожалованные владения. Она не была уверена – в конце концов, прошло двадцать четыре года с тех пор, как у них была последняя встреча с лордом Блоссом и его семьей, – но очень вероятно, что Эйден является наследницей значительного состояния. Она не торопилась добровольно выкладывать какие-либо сведения о себе, но герцогиня Линкольн решила, что у нее будет достаточно времени узнать все. А между тем ей нужно обсудить это с Недом.

Когда пришло время вечерней трапезы, Робин сделал незаметный знак Эйден и отвел ее в столовую, показав, где ее место среди других фрейлин.

– Вы останетесь с королевой, пока она не отпустит вас, – сказал он. – Я буду рядом, чтобы отвести вас в вашу комнату.

– Спасибо вам, Робин. Могу ли я называть вас Робин? Вы так добры.

– Конечно, вы должны называть меня Робин. Все мои друзья зовут меня так, а я уже понимаю, что могу считать вас своим другом, Эйден Сен-Мишель.

Неожиданно в конце коридора возникло какое-то волнение. Там шумно ссорились два молодых человека, и один из них вынужден был обнажить шпагу.

– Не в присутствии королевы! – громко прошипел другой. – Я принесу извинения прежде, чем позволю тебе погубить себя таким способом, приятель!

Глядя на говорившего мужчину, Эйден обнаружила, что не может повернуться и уйти. Без сомнения, он был самым красивым, самым прекрасным мужчиной из всех виденных ею за всю жизнь. Высокий, с совершенной фигурой. Лицо с высокими скулами и с ямочкой на подбородке. Какого цвета у него глаза? Ей отчаянно захотелось это узнать, но она стояла слишком далеко.

– Кто этот человек? – задала она вопрос Робину.

– Который? – спросил он, не обратив особого внимания на какую-то глупую ссору.

– Вон тот! – Эйден постаралась не слишком заметно указать на заинтересовавшего ее мужчину. – Высокий. Тот, который скорее извинится, чем будет драться в присутствии королевы.

Робин посмотрел в направлении, куда она показывала, а потом засмеялся:

– Это мой дядя Конн О'Малли.

– Ваш дядя? Он вовсе не похож на вас! – запротестовала она.

– Он самый младший сводный брат моей матери, а я в точности похож на своего покойного отца Джеффри Саутвуда, – последовал ответ.

– Я никогда в жизни не видела такого красивого мужчину, – почти шепотом призналась Эйден.

– Его зовут «самым красивым мужчиной двора», – сухо сказал Робин. – Все дамы сходят по нему с ума. Королева зовет его Адонисом.

– Это имя подходит ему, – тихо сказала Эйден.

Робин презрительно фыркнул.

– Вы бы видели его, когда он впервые приехал в Англию – дикарь с черной бородой и волосами до плеч. Он носил шерстяные клетчатые штаны и плед, не мог пристойно говорить по-английски, а когда раскрывал рот, его ирландский акцент был плотнее девонского тумана. Моя мать обстригла его как овцу, обучила приличным манерам и привезла ко двору. Через день вы бы решили, что он вырос здесь. Дядю Конна приняли при дворе как джентльмена благородного происхождения. Он – один из фаворитов королевы. Она назначила его в свою гвардию из дворян-наемников. Он сделал неплохую карьеру для человека, который у своего отца родился последним.

Эйден засмеялась:

– Я подумала, что королева зря хвалила вашу осмотрительность. Вы сплетничаете лучше любой хозяйки в базарный день.

– Я сказал вам это только для того, чтобы предупредить вас, Эйден, – ответил Робин слегка обиженно.

– Предупредить о чем?

– Мой дядя – самый большой повеса из всех, которые когда-нибудь были при дворе. Я уже говорил вам, что женщины сходят по нему с ума, и это действительно так. С тех пор как он появился при дворе, не было ни одной ночи, чтобы его холостяцкую постель не согрела какая-нибудь красивая крошка. Он может очаровать утку, плавающую по воде, и заставить ее насадиться на вертел, – сказал Робин с явным восхищением.

– Как мило с вашей стороны позаботиться обо мне, – сказала Эйден молодому графу, – но я сомневаюсь, что ваш дядя хотя бы взглянет в мою сторону, Робин. Я не отношу себя к придворным красавицам, да и никогда не буду такой. Однако говорится же, что и кошка может смотреть на короля, а он действительно великолепен!

Ее слова и мягкая манера вести себя в какой-то степени успокоили молодого графа Линмута. Заглянув в лицо Эйден, он рассмеялся, увидев ее веселые глаза.

– Ужасно, когда это слово произносят в адрес мужчины, – сказал он.

– Но он действительно великолепен, Робин Саутвуд!

Робин веселился от души.

– Полагаю, так оно и есть, – сказал он. Потом, посмотрев на других фрейлин, добавил: – Я вернусь за вами, когда королева отпустит двор, – и отошел, чтобы встать за креслом королевы, где во время трапезы было его место.

Минуту Эйден постояла, не вполне уверенная, что ей надо делать, но когда девушка по имени Линнет Тальбот, которую она видела раньше, освободила ей место на скамье, она втиснулась туда, заняв место за столом вместе с остальными фрейлинами.

– Благодарю вас, – сказала Эйден. – Мне жаль вашу подругу.

– В том, что произошло, не ваша вина, – сказала Линнет. – Рано или поздно Алтею отошлели бы домой за какой-нибудь дурной поступок. Она неразумна.

– Вы долго дружили?

– С тех пор, как она появилась здесь четыре месяца назад. Ее семья из Йорка. А вы откуда?

– Мое поместье около Ворчестера, – ответила Эйден.

– Я приехала из Кента, – сказала Линнет. – Моя семья связана дальними родственными отношениями с семьей графа Шрюсбери. Позвольте мне представить вас другим девушкам. Это Мэри Уорбертон, Дороти Сексон, Джейн Анна Боуэн и Кэтрин Болдуин. Остальных сейчас нет за столом, однако большинство из них родом из могущественных и знатных семей, а мы нет. Мы оказались здесь благодаря знакомствам наших семей, что дало нам возможность служить королеве, а еще лучше – самим себе. Мы все надеемся найти мужей, пока мы здесь... А вы?

– Я состою под опекой королевы, – сказала Эйден, – а королева обещала моему отцу, что выдаст меня замуж за хорошего человека, поэтому я тоже ожидаю, что найду при дворе мужа, как и остальные фрейлины.

– Вы старше нас, – заметила Линнет.

– Мне двадцать три, – честно призналась девушке Эйден.

– Двадцать три! – Линнет произнесла это таким тоном, как будто Эйден сказала «сто двадцать три». – Нам всем по шестнадцать, не считая Кэти. Ей четырнадцать. Почему вы еще не замужем? У вас нет приличного приданого?

Эйден протянула руку к булке, лежавшей на столе, и отломил кусок.

– Моя мать умерла, когда мне было десять. Отец был в годах, когда родилась я, он нуждался во мне, особенно после смерти матери. Я ведь его единственный выживший ребенок. Как я могла выйти замуж и оставить своего отца в одиночестве?

Она взяла крылышко каплуна с блюда, поданного слугой, где лежала аккуратно разрезанная птица. Другие девушки закивали в знак согласия и сочувствия к ее трудному положению. Они полностью понимали обязательства перед семьей. Ни одна порядочная девушка не оставила бы своего старика отца. Удовлетворив любопытство, они приступили к еде, к большому облегчению Эйден. Ну и компания маленьких кудахчущих цыплят, подумала она удивленно, а потом переключила свое внимание на еду. У нее с утра не было во рту ни крошки, и она умирала от голода. Эйден гадала, узнала ли бедняжка Мег, где можно поесть, и решила захватить с собой в салфетке ногу каплуна, немного хлеба и грушу. С успокоенной совестью она до краев наполнила собственную тарелку креветками, сваренными с травами, небольшим горячим пирогом с дичью, от корочки которого шел пар, ломтем сочной говядины и артишоками, тушенными в белом вине. Когда первое чувство голода было утолено, она повторно наполнила тарелку куском дуврского палтуса, хлебом, ломтем розового окорока и куском острого чеддерского сыра. Удивительно, но у нее еще осталось место для большого куска яблочного пирога, поданного с густыми, взбитыми девонскими сливками. Однако пила она умеренно, не испытывая склонности к вину.

Ее юные товарки наблюдали, как она справилась с тремя полными тарелками еды, даже не рыгнув. Их глаза расширились от изумления при виде ее аппетита. Ведь их учили, что леди должна брать немного еды и съесть только небольшую часть своей порции.

– Вы не потолстеете? – наконец спросила Кэти Болдуин, не в силах сдержать свое изумление.

– Нет, – сказала Эйден. – Я девушка рослая, и мне нужно есть. Вы же еще маленькие. Вы все.

Они дружно закивали. Все верно. Ростом они были чуть больше пяти футов, за исключением самой высокой, Дороти, рост которой был пять футов и три дюйма. Рост Эйден Сен-Мишель, если она стояла в одних чулках, составлял по меньшей мере пять футов и десять дюймов. В росте она могла сравниться со многими мужчинами. Каждая из фрейлин думала одно и то же. Бедная госпожа Сен-Мишель. Какой мужчина женится на такой громадине? Ее семья не из знатных, и у нее явно нет приличного состояния, иначе ее отец не поручил бы королеве заботиться о ней. Но по крайней мере она не будет им соперницей.

– Мы все должны быть друзьями, – сказала Линнет Тальбот, обращаясь к пятерым девушкам и чувствуя себя чрезвычайно милосердной.

– Как вы добры, – ответила Эйден. – Я должна по-настоящему дорожить вашей дружбой, ведь я совершенно ничего не знаю о дворе, о его обычаях. Я не хотела бы навлечь позор на свою семью глупым поведением в обществе.

Послышалось сочувственное бормотание пятерых девушек.

– Не бойтесь, – сказала Линнет. – Мы поможем вам пройти через лабиринт обычаев. Через несколько недель вы будете чувствовать себя так, как будто всю жизнь провели здесь. Все остальное бледнеет по сравнению с жизнью здесь, при дворе. Наверное, в целом мире нет более интересного места, чем двор. Нам всем очень, очень повезло, правда? – Она посмотрела на остальных, и все закивали.

После ужина, в конце которого подали блюда с тонкими, как бумага, сладкими вафлями и маленькие рюмки мальвазии, были танцы. Королева обожала танцы, и любой джентльмен, который надеялся добиться ее благосклонности, поступал мудро, освоив сложнейшие па в танце. Эйден застенчиво наблюдала со стороны за происходящим. Она отметила, что Конн О’Малли не принимал участия в танцах, пока не станцевал с королевой. Выполнив эту почетную обязанность, он ни разу не танцевал дважды с одной и той же дамой. В один момент две

красивые молодые женщины сцепились друг с другом, царапаясь и визжа, споря из-за того, кто должен танцевать с этим красивым мужчиной. Эйден никогда не узнала, что сказал им Конн, но они перестали ссориться и неожиданно обе расцвели улыбками, а одна из них терпеливо ждала в сторонке, пока другая танцевала с высоким ирландцем.

Никто не приглашал Эйден танцевать, хотя пять ее хорошеньких подружек были очень активны. Однако это не имело для нее никакого значения. Она ужасно устала от поездки и предпочитала наблюдать. Двор – это действительно пленительный мир. Скоро она будет в курсе всех сплетен, узнает в лицо тех, кто носит громкие имена, вот тогда этот мир станет еще более интересным. Тем не менее, каким бы увлекательным ни было все увиденное, она почувствовала облегчение, когда королева объявила об окончании вечера. Эйден вместе с остальными фрейлинами сопровождала ее величество в ее апартаменты. Там Елизавета Тюдор отпустила фрейлин, и Эйден обнаружила, что Робин стоит рядом с ней и готов проводить ее в маленькую комнату на чердаке дворца Гринвич.

– Сегодня вечером королева так и не нашла времени для вышивания, – озорно заметил Робин.

– Да, не нашла, – ответила Эйден, – но если бы она захотела, нужные нитки были наготове, милорд Саутвуд.

Он усмехнулся:

– Вы здесь приживетесь, Эйден. Моя сестра Виллоу, герцогиня Альсестерская, вернется ко двору к рождественским праздникам, и я представлю вас. Она немного моложе вас, но у вас есть много общего. Думаю, она будет вам хорошей подружкой.

– Может быть, леди столь высокого звания не захочет поддерживать дружбу с кем-то ниже ее.

– Виллоу получила титул, выйдя замуж, – заметил Робин, – хотя всю свою жизнь она вела себя так, как будто была особой королевской крови. По рождению она Виллоу Смолл и стала графиней, поймав Альсестера в свои маленькие сети.

– Значит, она старше вас?

– Виллоу исполнится семнадцать весной. Она встретила Альсестера здесь, когда была фрейлиной.

Эйден стало любопытно.

– Как так получилось, – спросила она, – что фамилия вашей семьи Саутвуд, а ее Смолл? Ваша мать была замужем дважды?

– У моей матери было шесть мужей, – спокойно сказал Робин, – и дети от всех, кроме пятого мужа.

– Сколько же всего детей? – Эйден была потрясена.

– Восемь. Семеро из них живы и по сей день. Мой отец и мой младший брат Джон умерли от горловой болезни. У меня есть два старших брата по фамилии О'Флахерти, один из которых живет в своих владениях в Ирландии, а другой – моряк и когда-нибудь будет капитаном собственного корабля. Оба женаты. Виллоу – моя старшая сестра, но у меня есть две младшие, леди Дейдра Бурк и Велвет де Мариско, а кроме того, у меня есть младший брат лорд Патрик Бурк. Патрик служит пажом в доме графа Линкольна.

– Где живет ваша мать, Робин? В Ирландии?

– Моя мать живет в поместье Королевский Молверн, которое граничит с вашим Перрок-Ройял.

– Это они въехали в прошлом году?

– Да.

– У меня не было времени нанести им визит и поздравить с переездом в наши места. А я должна была бы это сделать. В то время мой отец болел, и мы не могли развлекаться.

– Я уверен, – сказал Робин, – что моя мать знала это и поняла.

В этот момент они подошли к комнате Эйден. Робин вежливо поклонился ей со словами:
– Утром вам надо будет сопровождать королеву в часовню. Я приду за вами. Спокойной ночи, Эйден.

– Спокойной ночи, милорд. – Она открыла дверь и вошла в комнату. – О-о-о, – тихо сказала она, оглядывая преобразившуюся комнату. В угловом камине весело горели ярким оранжевым пламенем дрова, а рядом на стуле с высокой спинкой сидела Мег и клевала носом. На каминной полке стояли ее серебряные подсвечники, маленькие, украшенные камнями часы успокаивающе тикали. Пол под ногами устилал ее турецкий ковер, а единственное окно и кровать были завешены темными бархатными драпировками. Эйден увидела, что старый матрас исчез, а вместо него лежит ее собственный толстый матрас; кровать заново застелена пахнущими лавандой простынями, пуховым одеялом и подушками. Под окном стоял один из ее сундуков, но что случилось с остальной частью ее вещей, она не знала.

– Мег. – Эйден осторожно потрясла служанку, которая привычно быстро проснулась.

– Вы вернулись, мой цыпленок. Веселый был вечерок?

– Веселый, – последовал ответ. – Я принесла тебе кое-что поесть, Мег. – Эйден вынула из кармана платья ногу цыпленка, хлеб и грушу.

– Спасибо вам, моя душечка, но маленькая служанка, которую прислал молодой лорд, показала мне комнату, где едят слуги, и я уже поела.

– Тогда закушу-ка я сама, – сказала Эйден. – Я опять голодна, несмотря на хороший ужин. О, Мег! Какие чудеса ты сотворила с нашим маленьким гнездышком. Не могу поверить, что это та же самая комната! Благодарю тебя! Благодарю тебя! – Она села на кровать и с аппетитом уничтожила и ногу, и хлеб, и грушу.

– Это было не просто, душечка, но как только кровать унесли, я увидела, что нужно делать. Мы хорошенько отскоблили пол, прежде чем я позволила постелить ваш бесценный ковер. Я обнаружила шкаф, встроенный прямо в стену, и вы поверите – там было мышиное гнездо! Ну, больше его там нет, вот что я вам скажу! После того как ковер был постелен, я заставила их снова собрать кровать около стены, а не посередине комнаты. Это освободило место для сундука около окна и для стула около очага. Я развесила в шкафу ваши платья, там же ваши туфли, а менее необходимые вещи снова убрала в сундук. Все остальное я отослала обратно в Перрок-Ройял с кучером. Нам просто не хватает места, душечка.

– Понимаю, – сказала Эйден. – Наверное, мне придется пошить новые платья, Мег. Те, что я привезла с собой, старомодны. Молодой граф обещал свести меня с модисткой его матери.

– Вы же не будете носить эти бесстыдные платья, из которых сиськи вываливаются целиком наружу? Что бы сказал ваш отец!

– Я не хочу быть белой вороной, Мег, а поэтому мне надо сменить гардероб. Не бойся. Я могу быть модно одетой, не будучи при этом нескромной.

Она разделалась с цыпленком, и Мег открыла окно и выкинула кость наружу.

– Я не потерплю мышей в нашей комнате, – объявила она. – Следующее, что они будут грызть, это ваши туфли!

Эйден усмехнулась.

– Надеюсь, что нет, ведь у меня нет другой пары!

Мег засуетилась, готовя свою госпожу для сна. К удивлению Эйден, появилась лохань с теплой водой, и она смогла вымыть руки и умыться. После этого окно снова было открыто, и вода последовала вслед за куриной костью.

– Это не так, как дома, – кисло заметила служанка, – но нам же надо куда-то вылить ее. Надеюсь, нам не придется жить здесь долго. – Она помогла госпоже надеть белую шелковую ночную рубашку и такой же ночной чепец с красивыми розовыми лентами. Потом уложила ее в кровать.

Чувствуя под собой мягкий матрас, наслаждаясь теплом и сухим одеялом, вдыхая запах лаванды, Эйден сонно наблюдала, как Мег убирала ее одежду. Она подумала, что сейчас не время объяснять служанке, какую высокую честь оказала ей королева, назначив фрейлиной. Маловероятно, что они попадут домой в ближайшем будущем, но она знала, что Мег смирится с этим. Как только она сориентируется и найдет свое место среди остальных себе подобных, она почувствует себя лучше. Каждому кто-то нужен. Она зевнула, веки сомкнулись. «Интересно, кому нужна я?» – подумала она, проваливаясь в сон.

Глава 2

Золотисто-красные языки пламени от огромного камина отбрасывали беспорядочные тени по всей комнате в Гринвуд-Хаусе. На огромной кровати в страстной схватке сплелись две обнаженные фигуры. Крупный мужчина возвышался над женщиной, лежащей под ним, ловко обхватив ее своими мускулистыми бедрами, входя в мягкое тело своей партнерши снова и снова, с возрастающей быстротой, пока она внезапно не застонала, и через секунду оба ослабли в изнеможении.

Некоторое время в комнате было слышно только потрескивание дров в камине, а потом хриплый женский голос промурлыкал:

– Боже, Конн! Ты самый лучший любовник на всем свете! Как жаль, что это наша последняя встреча.

Конн О'Малли был удивлен. Обычно его любовные романы кончались по его инициативе, а Леттис Кноллиз, по сути, даже не была его любовницей. Она никогда не была ею, но с тех пор, как два года назад он появился при дворе, их тянуло друг к другу. За это время они несколько раз сливались в сладкой схватке, хотя делали это тайком и осмотрительно, потому что ни Конн О'Малли, ни Леттис Кноллиз совсем не собирались ставить под угрозу свое с трудом завоеванное положение при великолепном дворе Елизаветы Тюдор. Леттис приходилась королеве кухней, и поскольку она была гораздо красивее Елизаветы, королева всегда ревновала ее. Что касается Конна, то он был обязан ее величеству своим местом среди дворян-наемников и пользовался ее большой благосклонностью. Елизавета обожала своего Адониса, как она прозвала Конна, не только за его физическую красоту, но и за острый язык. Никто не мог отпустить такой изящный комплимент или рассказать очаровательную историю, как это делал Конн О'Малли.

– Ты огорчила меня, Леттис, – сказал он в ответ на ее замечание. – Разве я чем-нибудь обидел тебя, милочка?

Леттис Кноллиз приподнялась на локте и посмотрела сверху на любовника прищуренными янтарно-золотистыми глазами.

– Не хочешь ли ты сказать, что это волнует тебя, Конн? – пробормотала она.

Он усмехнулся.

– Я любопытен. Сначала ты говоришь мне, что я самый замечательный любовник в мире, а потом заявляешь, что больше мы не будем встречаться. Это озадачивает, милочка, разве нет?

– Итак, я задела твое любопытство, Конн, а не твое тщеславие. Что ты за человек! Я завидую женщине, которая однажды станет твоей женой.

Он засмеялся.

– Я не собираюсь жениться в ближайшее время, Леттис. Женщины похожи на сласти, а я, боюсь, ужасный сладкоежка. Я не успокоюсь, пока не перепробую все вкусные вещи. Ну а теперь скажи, почему ты не будешь встречаться со мной?

– Потому что собираюсь выйти замуж, – сказала Леттис Кноллиз.

– Замуж? Я не слышал об этом.

– Это секрет, и ты должен поклясться, что никому о нем не скажешь.

– Под словом «никому» ты подразумеваешь королеву. Разве тебе не нужно ее разрешение, чтобы выйти замуж, Леттис? Она же родня тебе.

– Я вдова, Конн, а не какая-то девушка, краснеющая от первого взгляда. Ни я, ни мои дети никогда не будут представлять угрозы для трона моей кухни, но ты же знаешь, какова она, Конн! Она откажет мне просто из-за злорадства.

– Верно, – согласился Конн, который не питал никаких иллюзий относительно королевы, хотя лично ему она нравилась.

– Обещай мне, что ничего не скажешь, – настаивала Леттис и, наклонившись, укусила его за мочку уха.

Потянувшись, он сжал одну из ее белоснежных грудей своей большой рукой.

– Скажи мне сначала, кто этот счастливый жених.

– Не скажу, пока ты не пообещаешь мне хранить молчание, – сказала Леттис.

– Леттис, к чему ты клонишь? – У Конна О’Малли неожиданно возникло предчувствие несчастья.

– Сначала поклянись!

– Сейчас я не уверен, нужно ли мне знать это или хочу ли я это знать, – сказал Конн.

Ее хорошенькое личико склонилось к его лицу, рыжие волосы рассыпались по плечам.

– Конн, прошу тебя! Ты не просто хороший любовник, ты друг, и, говоря откровенно, единственный друг, которому я доверила бы эту новость. Должна же я кому-то рассказать! – закончила она с отчаянием.

Он вздохнул. Он всегда был мягкосердечен, и ее мольба тронула его. Нет, если быть честным перед самим собой, ему льстила ее просьба.

– Ладно, Леттис, клянусь, что никому не скажу ни о твоих планах, ни о личности твоего жениха, но предупреждаю, что, когда королева узнает о твоем поступке и спросит меня, я буду отрицать, что ты говорила мне об этом.

– Справедливо, Конн. – Она помолчала и объявила театрально: – Я выхожу замуж за Роберта Дадли!

– Боже правый! – Отодвинув ее, он сел на кровати. – Я не слышал тебя, женщина! Ты понимаешь? Я не слышу тебя! Бог да пребудет на небесах, Леттис, ты что, совсем рехнулась? Граф Лестерский? Любимец королевы? Ты хочешь получить смертный приговор? Бесс не будет приглашать палача из Франции, чтобы снести тебе голову с плеч, она сама поработает чертовым топором!

– Я люблю его! – воскликнула с волнением Леттис.

– Если ты любишь его, почему тогда ты здесь, в моей постели? Любишь Дадли? Только Бесс способна разглядеть нечто привлекательное в этой змее! Признаешься ты в этом или нет, Леттис, но ты выходишь замуж за пассию королевы для того, чтобы досадить ей!

– Он хочет иметь детей!

– Тогда он должен был бы поступать мудро и не убивать свою первую жену. Но от бедной Эми Робстарт пришлось избавиться, чтобы Дадли мог жениться на королеве. К несчастью для Англии, ему не хватило ловкости, и он вызвал такой скандал своим поступком, что даже Бесс не осмелилась пренебречь общественным мнением и выйти за него замуж.

– Не было доказано, что Роберт убил свою первую жену! – сердито заявила Леттис Кноллиз. – В тот день его даже не было дома, и они не виделись неделями. Она умирала от язвы в груди, а покончила с собой, чтобы больше не мучиться.

– Какой бы ни была правда в этом деле, Леттис, Роберт Дадли – личная собственность Елизаветы Тюдор. Если ты выйдешь за него замуж, ты подвергнешь риску и его, и свою жизнь. Хотя Бесс и не может сама выйти за него, она не желает, чтобы он женился на ком-нибудь еще.

– Мы поженимся завтра, Конн. Роберт хочет наследника. Наследника, которого я уже ношу!

– У него двое наследников от леди Дуглас Шеффилд, и ему остается только признать этот брак, который, как она заявляет, имел место несколько лет назад.

– Роберт не любит Дуглас Шеффилд. Он любит меня! Любит меня так сильно, что бросает вызов этому дракону на троне, беря меня в жены. Кроме того, он клянется, что никогда не женился на Дуглас Шеффилд.

– Вряд ли можно сказать, что он бросает вызов Бесс, если она ничего об этом не знает, – кисло заметил Конн, – но ведь Дадли всегда был из тех, кто ничего не делает в открытую.

– Ты думаешь о нем так под влиянием твоей сестры Скай, – сказала Леттис. – Она так и не простила Роберту, что он бросил ее.

– Леттис, неужели ты веришь в это? Это даже большая глупость, чем твое намерение выйти замуж за графа Лестерского. Твой будущий муж изнасиловал мою сестру, когда она носила траур по своему третьему мужу. Королева знала об этом и спустила это ему с рук, чтобы не портить настроения своему любимчику. Тогда она еще верила, что сможет сама выйти за него замуж.

– Не останусь здесь ни минуты, не желаю слушать, как оскорбляет моего жениха какой-то ирландский выскочка! – негодуяще крикнула ему Леттис.

– Нет, – сказал Конн с озорной улыбкой, – ты останешься здесь, рыжеволосая мегера. Ведь никто, кроме меня, не доставит тебе такого удовольствия. Разве не так? Это последняя ночь, которую мы проведем вместе, если ты быстренько не овдоеешь. Я не собираюсь подбирать остатки после Дадли, но меня радует, что он никогда не узнает, что ему предстоит спать с тем, что осталось после меня.

– Сукин сын! – взвизгнула Леттис и ударила его по лицу изо всех сил.

Он звонко хлопнул ее в ответ и попытался обнять. Они яростно боролись на огромной кровати.

– Сука! – прошипел он. – Ты не больше чем течная сука, Леттис!

– А ты, Конн О’Малли, ублюдок с вечно неудовлетворенным желанием! Надеюсь, ты никогда не найдешь женщину, которая бы удовлетворила это желание! – Она вцепилась ногтями в его широкую спину.

«Она права, – подумал он, – и будь она проклята за это!» Он обожал женщин, обожал заниматься с ними любовью, обожал доставлять им удовольствие, и хотя, занимаясь любовью, он всегда получал физическое удовлетворение, тем не менее он никогда не встречал женщину, которая по-настоящему удовлетворяла бы его. Он никогда никого не любил. Со злостью Конн просунул колено между ее мягкими белыми бедрами, заставив их раздвинуться, и грубо вошел в нее, снова и снова таранил ее, желая сделать ей больно, – ее пронизательность обидела его.

Раскалившаяся добела от желания, Леттис подгоняла его стонами.

– А-а-а, черт возьми, Конн! Давай! Давай! Дава-а-ай! – Она похотливо извивалась под ним, поощряя его полнее отдаться страсти. – Наполни меня до конца, мой необузданный ирландский возлюбленный! Набей меня так, чтобы я взорвалась! А-а-а-а! Боже, Конн! Этого мало! Не останавливайся! Не останавливайся! – Она в быстром ритме подбрасывала свои бедра навстречу ему, не прекращая ни на секунду похотливых причитаний. – Давай, Конн! Сильней! А-а-а! О-о-о! Давай! Еще! Еще... е... е! – Последнее слово оборвалось на высокой ноте, которая почти переросла в визг, а потом Леттис на секунду замерла, и он почувствовал, как взрывается ее желание, когда он излил в ее разгоряченное тело свою страсть в яростных быстрых толчках, которые на мгновение оставили его без сил.

Потом неожиданно Леттис сказала:

– Боже, я буду скучать по тебе, похотливый ублюдок! Дадли воображает себя великим любовником. Но, Конн, он не может и половины этого! – Она хрипло засмеялась ему в лицо, и, не сдержавшись, Конн и сам засмеялся.

– Какая же ты страстная сука, Леттис, – выдохнул он. – Слава Богу, что королева – Елизавета Тюдор, а не ты!

Скатившись с нее, он встал с кровати и, подойдя к буфету, налил себе и ей по кубку темного, сладкого красного вина. Затем вернулся к кровати и протянул ей один из кубков.

– На какое время назначена церемония? – требовательно спросил он.

– Перед рассветом, в моей семейной часовне.

Он снова засмеялся.

– Ты из моей кровати отправляешься на бракосочетание с другим мужчиной? Есть ли у тебя совесть, женщина?

– Конечно, есть, – негодуяще сказала она, – но Роберта не касается, что я делаю до моего брака с ним.

– Надеюсь, у тебя есть надежные свидетели, – заметил он. – Не забывай, что Дуглас Шеффилд утверждала, что Дадли был женат на ней, тем не менее священника, венчавшего их, не смогли отыскать, когда она пыталась узаконить своего первого ребенка.

– Мой отец, граф Варвик, граф Линкольн и лорд Порт будут свидетелями на брачной церемонии, которую будет отправлять семейный капеллан, – хитро улыбнулась Леттис Кноллиз. – Они все поклялись сохранить это в тайне. Так что можно не сомневаться в истинности моего свидетельства о браке и в том, что мои дети будут законными.

– Я недооценил твою решимость, душечка, – ответил он.

– А я решительно намерена, дорогой, любить тебя этой ночью по крайней мере полдюжины раз, – призывно пробормотала она, ставя кубок на столик и откидываясь на подушки.

– Ах, Леттис, любимая, ты всегда отличалась необыкновенной жадностью к приятным вещам, которые дарит нам жизнь, не так ли? Я не уверен, что на этот раз у нас достаточно времени. Меня печалит, что приходится разочаровывать даму.

Его палец дразняще обвел один из ее сосков.

– Только миновала полночь, – сказала она, – а я могу пробыть до пяти. – Потом она нагнула его голову, чтобы поцеловать его.

Он хрипло хохотнул.

– Леттис, я могу попытаться. Меня глубоко огорчит, если я разочарую такого достойного противника.

И он отдался ее жадным губам.

Одна минута сменяла другую, проходила ночь. Конн даже не помнил, когда уснул, но, внезапно проснувшись, обнаружил, что лежит один. Место, где она лежала, было еще слегка теплым, значит, Леттис ушла недавно. Он натянул одеяло и уютно устроился в теплой постели. «Удачи тебе, Леттис, – подумал он сонно. – Тебе она понадобится, особенно когда Бесс узнает о том, что ты натворила. Вину за случившееся она возложит не на своего драгоценного лорда Роберта, виноватой во всем будешь ты, моя лапочка». И он погрузился в сладкий сон.

Когда он открыл глаза, Клуни, его личный слуга, раздергивал портьеры в спальне.

– Доброе утро, милорд Конн. Бог даровал вам добрую ночь, и, судя по всему, вы хорошо провели ее. – Карие глаза Клуни на морщинистом лице озорно мигнули. Он был похож на ребенка.

– Сколько раз можно говорить тебе, что я не милорд, Клуни?

– Ну, вы станете им со временем, в этом я уверен. – Клуни всегда одинаково отвечал на этот вопрос Конна, и последний обычно смеялся.

Однако этим утром смеяться ему не хотелось. Во рту было сухо. Все тело было и вправду выжато его жадной партнершей по прошлой ночи.

– Принеси-ка мне вина, – простонал он. – Эта стерва почти убила меня.

Клуни понимающе закудахтал и выполнил приказание своего хозяина, но, передавая кубок, он ласково выбранил его:

– Вы не можете заниматься этим вечно, растрачивая свою молодость, выбиваясь из сил на белых бедрах англичанок, милорд. Уже давно вам следовало бы жениться. Посмотрите на своих братьев. Они все женаты.

– Клуни! – Резкость собственного голоса заставила его поморщиться. – Черт побери, приятель, не тычь мне в нос замечательными примерами Брайдана, Шона и Симуса. Ты видел их жен? Ни одной из них еще не исполнилось и двадцати, а они уже поистаскались и поблекли. Спасибо, но я на такое не согласен!

– Жизнь на Иннисфане не простая штука, – напомнил ему Клуни.

– Да, это так, поэтому я и приехал в Англию. Мне совершенно не хотелось отправляться пиратствовать со своими братьями, а что еще мне оставалось? Здесь, в Англии, у меня уважаемая должность в личной гвардии королевы. Мои вложения в торговую компанию моей сестры сделали меня богатым человеком. Сегодня меня все устраивает.

– Богатому человеку необходима жена, которая родит ему сыновей. У вас есть деньги, но нет земли, которую вы могли бы назвать своей. Даже этот дом, в котором вы живете, принадлежит вашей сестре, и если бы ей не запретили появляться при дворе королевы, у вас бы не было даже этого, милорд.

– Ты начинаешь говорить, как моя мать, – проворчал Конн.

– Ваша мать – добрая женщина, а ваш отец, да упокоит Господь душу Дубдхара О’Малли, благословенна будет его память, женился молодым и смог стать отцом многих славных сыновей.

– И не остановился до тех пор, пока не убил одну жену своей невоздержанностью и не подарил моей матери четырех сыновей. Если бы он не умер в положенный срок, моя мать могла бы не дожить до сегодняшнего дня. Черт побери, Клуни, разве мои братья не дали семейству О’Малли достаточно наследников для продолжения рода? – Он усмехнулся. – Мне хочется, чтобы мой отец был жив и посмотрел бы на них. В конце концов, он вскормил пятерых сыновей. Один священник, трое не лучше, чем он сам, – пиратствующие наглецы, и я! Самый красивый мужчина при дворе!

Он расхохотался.

Однако Клуни на этот раз не засмеялся вместе со своим хозяином. На его лице появилось выражение неодобрения, и он сказал:

– Вы не похожи на своих братьев, милорд. Вы похожи на свою сестру, леди Скай. А она совсем не такая, как ее сестры. Вы – редкие пташки в гнезде Дубдхара О’Малли.

– Как насчет преподобного Майкла и монашенки Эйбхлин, Клуни? Ты, конечно, неставишь их на одну доску с другими, с тремя пиратами и четырьмя малоприятными женщинами, которых наплодил наш отец?

Клуни покачал головой.

– Они служат церкви, милорд, – сказал он так, как будто это объясняло все. – Служители церкви всегда отличаются от других. А я имел в виду, что у вас и у вашей сестры, леди де Мариско, есть честолюбие. Посмотрите, чего достигла эта женщина!

«Восхищение в голосе Клуни, когда он говорит о Скай, граничит с поклонением», – подумал Конн, но он не осуждал своего слугу. Он тоже обожал свою старшую сестру. Она умная, мудрая и любящая. Самая невозможная и самая невероятная из всех женщин, которых создал Бог. Она встречала жизнь во всеоружии, что, как он сам вынужден был признавать, ему не удавалось. Он более осторожный, больше надеется на удачу и проворно использует ее, если такая подворачивается. Он человек, конечно, не глупый, но в жизни больше полагается на свою внешность и обаяние. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, он напрасно так надеется на эти свои достоинства. Однако так же быстро он отбросил эту мысль и сказал беззаботно:

– Я постараюсь исправиться, Клуни, но не сегодня. Сегодня я собираюсь отоспаться от излишеств нескольких последних ночей. Я не должен возвращаться ко двору до завтра. А появиться я обязан в хорошей форме. Королева любит бодрых и остроумных молодых людей, а наши судьбы, в конце концов, связаны с судьбой нашей Великолепной.

Клуни кивнул. Он тоже был совсем не глуп и понимал, что его хозяин говорит правду. Тем не менее ему хотелось, чтобы Конн женился и остепенился. Он может погубить себя, если будет и впредь заниматься такими убийственными делами. Клуни был многим обязан Конну О’Малли. Конн взял его в услужение после того, как в сухом доке, где Клуни работал плотником, на него упала корабельная мачта. Покалеченная рука не позволяла ему заниматься своим

ремеслом. Он умер бы от голода вместе со своей матерью, если бы не Конн О'Малли. Конн убедил его, что рука, потерявшая силу, не будет мешать ему служить камердинером молодого О'Малли, и принял его на службу. Его престарелая мать вскоре умерла, но ее смерть была мирной и спокойной благодаря Конну О'Малли. Клуни без сожаления расстался с Ирландией и отправился вместе со своим хозяином в Англию, куда Конн с сестрой переехал несколько лет назад.

Клуни вырос на острове Иннисфана, где царила семья Дубдхара О'Малли. Они были его семьей. Он был их человеком. Как и Конн, он использовал любую возможность, когда она подворачивалась, а служба у Конна О'Малли в Англии открывала ему такой мир, которого он никогда раньше не видел. Сама Англия с ее плодородными, орошаемыми родниками долинами и своей огромной столицей Лондоном явилась для него откровением. Он бывал при дворе вместе со своим хозяином и знал всех знатных людей в лицо. Он был в хороших отношениях, а иногда и выпивал со слугами старейших и знаменитейших семей в Англии. Его положению можно было позавидовать. Он сожалел, что не мог написать обо всех этих чудесах своим друзьям домой. Но даже если бы он и сделал это, они все равно не смогли бы прочесть его письма. Клуни хотел бы рассказать им, как в этом году на празднике Всех Святых ее величество назначила его хозяина распорядителем увеселений на весь сезон праздников, которые начинаются в ночь на 31 октября и длятся до праздника Сретения, до 2 февраля.

Двор не помнил более веселого распорядителя увеселений, чем Конн О'Малли. Он постоянно изобретал замечательно веселые игры и штрафы, которыми облагал двор. Будучи должным образом «коронован» ее величеством, он собрал эскорт из двадцати пяти придворных джентльменов и одел их за свой счет в зеленые с красным ливреи с золотыми лентами на рукавах и позванивающими бронзовыми колокольчиками, привязанными к ногам. Их снабдили палочками с весело разрисованными головами лошадей или драконов, и куда бы Конн ни отправлялся, за ним и его эскортом следовала группа музыкантов, нанятых распорядителем увеселений на период праздников.

Однажды воскресным утром Конн и его эскорт вместе с музыкантами, бьющими в барабаны и играющими на дудках, ворвались в часовню королевы во время службы. Увенчанного мишурной короной Конна несли на носилках, тогда как его спутники дурачились, прыгали и танцевали в нефе часовни и поднялись бы на алтарь, если бы королевский капеллан и сама королева не потребовали, чтобы они вели себя почтительно.

– Конн О'Малли! – выбранила его Елизавета Тюдор. – Ты осмеливаешься насмехаться над нашим Господом?

Конн соскочил с носилок и, возвышаясь над королевой, посмотрел на нее сверху вниз, говоря:

– Нет, Великолепная. Я просто издаю шум радости, как велит Библия!

Вокруг них захихикали молящиеся, торжественность службы была нарушена. Даже Елизавета улыbnулась, не сумев сдержаться, и ударила его по руке маленьким, украшенным камнями зеркалом, которое висело на золотой цепочке у нее на поясе.

– Ты непочтительный проказник, Конн!

– Нет, Великолепная, это вы проявили неуважение к распорядителю увеселений, и в качестве штрафа я требую вашего поцелуя.

И прежде чем королева сумела возразить, Конн наклонился и поцеловал ее в губы пыльным длительным поцелуем.

Елизавета на минуту онемела, в то время как люди вокруг нее ахнули, удивленные и потрясенные. Однако она не отпрянула от него, а когда наконец поцелуй кончился, она порозовела от смущения и покраснела еще сильнее, когда Конн прошептал ей на ухо так, что только она одна могла слышать:

– Разве не приятно узнать, что вы все еще живы, Бесс?

Королева расхохоталась, но Роберт Дадли, граф Лестерский, прорычал:

– Ты зашел слишком далеко, О’Малли! Может быть, Тауэр поможет тебе уgomониться.

– Поскольку вам никогда не быть королем, Дадли, не вам и принимать решение, не так ли? Во мне Бесс нашла по крайней мере честного человека.

– Джентльмены, достаточно! – Голос королевы был резким. Этот дурак Лестерский разрушил все очарование. Конн О’Малли мужественный и красивый молодой человек. Ей понравился его дерзкий поцелуй, которым он никогда не наградил бы ее, если бы не его должность.

– Сейчас время веселья и изъявления доброжелательства, джентльмены, и я не позволю устраивать перебранки из-за меня. Что касается тебя, Конн О’Малли, ты слишком дерзок.

– А я другим и не буду! – быстро нашелся Конн, вскакивая обратно на носилки. Он быстро сделал знак носильщикам, и его вынесли из часовни, а за его спиной королева от души хохотала над проказником.

Одиннадцатого ноября – День святого Мартина. Согласно преданию, преподобный святой приказал зарезать шумливого гуся, который прервал его проповедь. Именно поэтому во всех лучших домах к столу подавали гуся. В этот день Конн нашел проступки почти у каждого знатного лица при дворе и, собрав их всех вместе, приказал своим помощникам гнать их стадом, заставляя идти вразвалку, как гуси, и вдобавок гоготать. Остальные придворные корчились от смеха. Наказуемые тоже еле сдерживались.

Двадцать пятого ноября праздновали День святой Екатерины. В это время в садах шел сбор яблок, а в столовых подавали кушанья из яблок и сидр. Были танцы и травля медведей. Конн пугал придворных дам, натянув медвежью шкуру и носясь среди них с яростным рычанием. Они визжали и пронзительно вскрикивали, а он с азартом гонялся за ними, а поймав, целовал и щекотал.

Шестого декабря – День святого Николая, одиннадцатого – святой Люси, а двадцать первого – святого Томаса. Конн надзирал за проведением всех празднеств и гуляний сезона с прилежанием, отличавшим его от ранее занимавшего этот пост распорядителя увеселений. В его обязанности входило придумывать и следить за выполнением всех масок, пантомим и приемов во время праздников. Гринвич украсили зелеными гирляндами из листьев плюща и лавра, пересыпанных красными ягодами. Огромные свечи из чистого свечного воска расставили на каминных полках и на буфетах, изящные столбики свечей из желтого воска вставили в серебряные подсвечники и канделябры.

Елизавета от души смеялась, когда в зал было внесено святочное бревно, и Конн, одетый в алое, шитое золотом платье, взгромоздился на него, громко распевая популярную песню:

Руки вымой, иначе пламя
Противно будет твоему желанию.
Немытые руки, не забывайте,
Огонь погасят, так и знайте!

Все бросились помогать нести бревно: и лорды, и дамы, и их слуги. Считалось, что наступающий год будет счастливым, если помочь нести святочное бревно. Хотя Елизавета обычно предпочитала, чтобы в рождественских праздниках участвовали другие, а она бы просто наблюдала, неудержимое веселье Конна напомнило о ее детстве при дворе ее отца со всем его необузданным весельем. Она от души наслаждалась праздником. Конн, ее буйный ирландец, был интересным человеком и вовсе не таким сложным, как старшая сестра, ее враг и ее друг.

День Рождества начался с посещения всем двором службы в королевской часовне. Многие провели на ногах всю ночь, помогая звонить в колокола в честь рождения Христа при наступлении полуночи, и по всей Англии раздавался радостный перезвон. После этого пришел

черед неумеренному питию, и незаметно подошло время идти в часовню. У королевы хватило здравого смысла поспать несколько часов, так же поступили и некоторые из ее дам.

За Рождеством наступил день святого Джона, праздник невинных младенцев, канун Нового года, новогодний день и, наконец, праздник Двенадцатой ночи. Каждый вечер были танцы, пирушки, маскарады и игры, во время которых двор веселился от души. В новогодний день Конн О'Малли, королевский распорядитель увеселений, подарил королеве брошь, такую изумительную, что о ней говорили в течение нескольких дней. Брошь представляла собой поющего петуха, вырезанного из целого рубина. Крылья и грудь птицы были окантованы золотом, на месте глаза сверкал бриллиант, кончики золотого хохолка также украшали бриллианты. Петух помещался на круглом золотом солнце с лучами, утыканными маленькими бриллиантами. Брошь была преподнесена в резной шкатулке из слоновой кости, вложенной в футляр из серебряной парчи.

Елизавету изумил и обрадовал щедрый подарок. В тот день королева находилась в особенно хорошем настроении. В течение нескольких месяцев она страдала от болезненной язвы на ноге, которая исчезла так же внезапно, как и появилась. Минуту она не могла прийти в себя, а потом сказала:

– Ты повеса, Конн, но повеса с изысканным вкусом.

Он улыбнулся.

– Этот рубин с португальского галиона, который захватили мои братья. Они решили, что мне понравится камень, поэтому и прислали его мне. Однако замысел мой, и я заставил своего ювелира выполнить его. Я петух, но вы, моя Великолепная, солнце, без которого я не мог бы кукарекать. Вспоминайте обо мне всегда, когда будете надевать брошь.

Королева кивнула, одновременно подумав о том, что она не может вспомнить ни одного из всех льстецов, обращавшихся к ней, кто говорил бы с такой искренностью. В характере Конна не было ничего скрытного, и ей была приятна эта его черта.

Когда пришла Двенадцатая ночь, Конн подарил королеве скромную золотую цепь с бриллиантами, к которой можно было прикрепить брошь. Тем самым это драгоценное украшение могло быть использовано двояко. Брошь можно приколоть или подвешивать как кулон. Королева была довольна, а другие мужчины-придворные завидовали вниманию, которое королева уделяла Конну О'Малли.

– Можно подумать, что он родился в господском поместье, этот невежественный ирландец с болот, – презрительно усмехаясь, заметил граф Лестерский лорду Берли.

Уильям Сесил улыбнулся Роберту Дадли ледяной улыбкой.

– Я считаю господина О'Малли совершенно безобидным с точки зрения политики и его претензий. Он доставляет королеве удовольствие своими проделками и ничего не просит взамен. Это ново и необычно для джентльмена нашего двора. За что же можно не любить этого человека, милорд?

– Он простолюдин! У него нет права находиться здесь, при дворе, отираясь среди более знатных людей и насмехаясь над ними, используя свое высокое положение.

– Вы ревнуете, – отметил лорд Берли, – но, чтобы ревность не затмила вам память, помните, кто сделал вас графом Лестерским, Роберт Дадли. Здесь правит всемогущая королева, и она решает, кому приходиться, кому оставаться и кто может быть графом. Она так же просто может сделать нашего красавца ирландца герцогом. – Уильям Сесил, улыбаясь, стал следить за шумной игрой в жмурки, в которую играли в присутствии королевы.

Конн О'Малли с завязанными глазами, спотыкаясь, ходил с вытянутыми руками среди королевских фрейлин, которые с визгом убегали от него. Он на мгновение остановился, прислушиваясь и пытаясь определить ближайшую жертву. Потом неожиданно быстро повернулся и, вытянув вперед руки, обнял чью-то гибкую талию. Даже не сорвав с глаз повязку, он притянул девушку к себе и нашел губами ее губы. К его великому удивлению, полный рот под его

губами оказался непривычным к поцелуям, но его пленница не сделала попытки вырваться из его рук. Это, должно быть, была одна из молоденьких девушек, прислуживающих королеве. Однако он не припомнил, чтобы кто-то из них был так высок. Привычным движением он прижался к ней одновременно и телом, и губами и почувствовал, как ее губы становятся мягче, а сама она начинает дрожать. Такая реакция немедленно вызвала в нем защитный инстинкт. Кто она, эта девушка?

Он слегка ослабил объятия и пробормотал, прижимаясь к ее губам:

– Не пугайся, душечка. – И, протянув руку, сорвал повязку, чтобы посмотреть на девушку. Она оказалась незнакомой ему.

Когда его зеленые глаза встретились с ее серыми, она стала пунцово-красной и, тихонько вскрикнув, убежала к королеве. Другие девушки захихикали. Он спросил одну из них:

– Кто эта мисс?

– Госпожа Сен-Мишель, с недавних пор подопечная королевы. Королева сделала ее фрейлиной вместо Алтеи Тейлбойз, которую уволили со службы и отослали домой.

Он посмотрел на девушку, которая сейчас сидела на скамейке около кресла королевы и деловито, даже слишком деловито распутывала тонкими пальцами разноцветные нитки в королевской корзинке для рукоделия. Он даже не мог вспомнить, видел ли он ее раньше, но в ней не было ничего, что выделяло бы ее из других. В одном он был уверен: раньше ее никогда не целовали. Тем не менее он заметил, что она совсем не такая молоденькая девушка, как остальные фрейлины королевы. Как получилось, что ее еще никто не целовал? Ее губы были невероятно сладкими. Он предположил, что причиной тому была ее невинность, хотя, думалось ему, она слишком стара, чтобы быть невинной. Пожав плечами, он снова завязал себе глаза и снова начал игру в жмурки с хихикающими девицами из ближайшего окружения королевы.

Он забыл о госпоже Сен-Мишель и вспомнил о ней, когда леди Глита Холден поцеловала его с такой страстной опытностью, что он почти задохнулся. «Как различны, – подумал он, распуская шнуровку корсета своей любовницы, чтобы ласкать ее груди, – как различны поцелуи Глиты и поцелуи той девушки, которую я поцеловал раньше».

Глита заворчалась в его объятиях.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Я думаю, что у тебя прекрасные груди, – ответил он, наклоняясь, чтобы поцеловать каждый сосок на крепких грудях, которые она подставила ему. Она на самом деле была красивой женщиной: изящная и не очень высокая, с прекрасной белой кожей и золотистыми волосами, слегка отливающими рыжиной, и глазами, голубыми, как вода в озере. Ее муж, благочестивый пуританин, получив от нее сына-наследника и дочерей-близнецов, предпочитал проводить время в молитвах, а не предаваться чувственной страсти с женой. Хотя ее дочери уже созрели для замужества, а ей самой было за тридцать, она по-прежнему сгорала от похоти. Конн не первый ее любовник, и ему не суждено стать последним. Они стали надоедать друг другу, и Конн недавно заметил, какими прелестными и зрелыми миниатюрными копиями своей матери были Грейс и Фейт Холден.

– Ты лжешь, – сказала Глита обидчиво. – Ты думаешь о другой женщине, разве не так?

– Какой? – возразил он.

Глита презрительно фыркнула.

– Не знаю, о какой, но не обо мне, Конн. Каждая сучка при дворе нюхает у тебя под хвостом. Как я могу надеяться сохранить твою привязанность, если остальные вьются вокруг тебя, как пчелы возле сладкого цветка?

Это была необыкновенно благоприятная возможность, и он использовал ее.

– Ты хочешь сказать, что бросаешь меня, Глита?

– Думаю, это самое лучшее, Конн.

Той ночью они занимались любовью, а утром расстались по-хорошему. Однако Глита Холден пришла бы в ярость, узнав, что ее дочери-близнецы, быстро догадавшись, что их мать бросила еще одного любовника, начали подбираться к красивому ирландцу. У близнецов была внешность ангелов, но они потеряли свою девственность в тринадцать лет, спутавшись со своими кузенами, которые с радостью обнаружили, какими похотливыми и охочими до любовных игр оказались госпожа Грейс и госпожа Фейт.

Воспитанные в деревне по настоянию их отца, страшившегося порочного окружения, близнецы и их брат были брошены на попечение небрежных слуг. Лорд Эдвин Холден, барон Марстон, был кудесником в денежных делах, чьи советы были необходимы Елизавете Тюдор. Когда его сыну Эдварду исполнилось семь лет, а близнецам пять, мальчик был отдан на воспитание в другую знатную семью для получения образования. Его сестры, однако, оставались в деревенском доме в Кенте. Но два года назад их мать поняла, что им пора появиться при дворе, где легко найти подходящего мужа. Ведь рядом с их поместьем в Кенте нет молодых людей из аристократических семей.

Грейс и Фейт легко прижились при дворе. Всю свою жизнь они готовились к этому, и поэтому смена обстановки прошла без особых трудностей или неудобств. Молодые придворные джентльмены обнаружили, что девушки исключительно сведущи в разврате. Они были умны и не заходили слишком далеко, чтобы не потерять возможность заполучить мужей. Однако с Конном О'Малли дело обстояло по-другому. Он не был человеком, которого их отец мог бы считать подходящим женихом для любой из них. Ведь он – ирландец и в придачу католик. Дамы любили поговорить о нем, но они никогда не слышали, чтобы Конн рассказывал о своих победах. Они были уверены, что могут весело провести с ним время и никто ничего не узнает. Прошло два года с тех пор, как они позволили себе удовольствие поиграть в плотские игры со своими кузенами. Близнецы со знанием дела могли доставлять удовольствие друг другу, но, по их общему мнению, это было несравнимо с ощущением, когда в тебя погружается мужчина. Они решили, что лучше всего действовать напрямую. Конн, прибыв домой после трехдневного дежурства, в дополнение к своим обязанностям распорядителя увеселений обнаружил в своей постели двух обнаженных нимф.

– Черт возьми! – тихо ругнулся он, и его зеленые глаза загорелись от предвкушения, а усталость неожиданно улетучилась.

– Клуни, отправляйся спать!

Камердинер крикнул и без слов исчез из спальни, плотно закрыв за собой дверь.

Конн почувствовал, как улыбка расплывается по его лицу.

– Госпожа Грейс и госпожа Фейт, – сказал он. – Как мило, что вы обе пришли навестить меня. Однако мне интересно, знают ли ваши родители, где вы находитесь.

Близнецы хихикнули, а Грейс сказала:

– Мы не девственницы, и с нами не занимались любовью с тех пор, как мы появились при дворе.

– Мы не осмеливались делать это из страха перед отцом. Узнай он, нам не видать хороших мужей, – вступила в разговор Фейт. – Вы ведь не выдадите нас, правда?

– Нет, милая, – сказал Конн, стаскивая с себя одежду и присоединяясь к ним. – Я весьма польщен, что вы считаете меня мужчиной, способным удовлетворить вас обеих.

– О, мы знаем, что нужно делать, чтобы мужской член оставался твердым, – прозаично сказала Грейс.

– Наши кузены научили нас этому, и мы достаточно долго упражнялись с ними, прежде чем приехали ко двору. Вас хватит на нас обеих.

Его несколько озадачили такие речи. Но он не стал раздумывать и, притянув к себе Фейт, жадно поцеловал ее, погрузив язык в ее рот, а в это время Грейс взяла его член в свой теплый рот и возбудила его.

Под руками Конна была теплая плоть, но Фейт отодвинулась от него и стала тереться о его лицо своими грудями с розовыми сосками. Он застонал, поймал сосок и стал сосать его. Потом Грейс взгромоздилась на него и, подавшись вниз, ввела его член в свою горячую глубину, в то время как Фейт, широко расставив ноги, накрыла его голову, предлагая ему угощаться своей сокровенной плотью.

Близнецы не лгали, когда говорили о своей опытности в любовных утехах. Всякий раз, когда он был близок к тому, чтобы излить себя, они, казалось, чувствовали это и отступали, меняя позы и начиная все сначала до тех пор, пока ему не стало казаться, что он взорвется, настолько неистовой была его страсть. Он понял, что не может управлять положением, и чувствовал себя неловко, потому что его состоянием умело руководили Грейс и Фейт. Только тогда, когда они посчитали это возможным, ему разрешили излить свою страсть.

Возбужденные, они превратились в бешеных фурий, для которых не было ничего запретного. Сначала Конн пришел в восторг от своей удачи, но потом, по мере того как шли часы, понял, что они убьют его своими любовными играми, если он не овладеет положением. Он начал отталкивать от себя Грейс, когда та снова пыталась вскарабкаться на него.

– Нет! Теперь, милая, я буду делать по-своему, – сказал он, а когда она запротестовала, он сел и, перекинув ее через колено, похлопал ее по пухлым ягодицам и столкнул с кровати на пол. Удивленная Грейс начала хныкать, но Конн не обратил на нее внимания и, оседлав с размаху более уступчивую Фейт, резко вошел в нее и яростно скакал на ней, пока наконец не извергнул свое семя в великолепном бурном взрыве, после которого почувствовал себя измученным и опустошенным.

– Принеси-ка мне вина, Грейс, – распорядился он, и она бросилась исполнять его приказ. Спустя несколько минут он ожил и подарил Грейс то же самое, что и ее сестре. Потом, решительно отослав обеих девушек домой, крепко заснул.

Утром Конн поклялся, что никогда не будет развлекаться с госпожой Грейс и госпожой Фейт Холден. Он чувствовал себя так, как будто его избили, а его длинное и худое тело было покрыто укусами и царапинами от ногтей. Он вымылся и встал нагишом перед зеркалом, в потрясении разглядывая себя. Он не чувствовал, когда они оставляли на нем отметины. Его красивое лицо не тронули. На него из зеркала смотрели зеленые глаза из-под густых черных бровей. «Самый красивый мужчина двора», – подумал он, пристально разглядывая себя так, как будто ожидал увидеть нечто новое или необычное. Он знал, что красив, так как не был ни глупцом, ни скромником. Он был гладко выбрит, что позволяло лучше видеть его точеный, прямой подбородок с ямочкой. Длинный, прямой нос был пропорционален его росту, равному шести футам и четырем дюймам. Высокие, четко высеченные скулы и высокий лоб. Рот с тонкими губами можно было бы признать слишком изящным для такого крупного человека. Для мужчины его кожа была очень светлой, отчего его черные волосы казались еще темнее, особенно когда одна выбившаяся прядь упорно спадала на бровь, придавая ему мальчишеский вид, что ему очень не нравилось. Длинные ноги, длинное туловище, широкая грудь и плечи. Он неотразим. Его зять, Адам де Мариско, сказал, впервые увидев Конна в приличном платье:

– Клянусь Богом, женщины будут кидаться к его ногам.

Заявление, которое быстро стало истиной. Он также сказал, что женщины рассорятся со многими придворными из-за красивой внешности Конна.

Однако Конну удавалось избегать дуэлей с разъяренными мужьями и отцами благодаря величайшему благоразумию в сердечных делах. Он был достаточно умен и сразу понял, что скандалы, особенно скандалы публичные, лишат его расположения королевы. Он знал, что из-за денег он не смеет преступать границ. Он обязан своему положению Елизавете Тюдор, но то, что Бесс легко давала, она могла так же легко и отнять. Он приехал в Англию в поисках удачи, как и многие ирландцы до него. Поскольку он младший сын, ему нечего ждать в Ирландии, особенно в Ирландии, управляемой англичанами. Он знал, что его судьба здесь, и он не собирался

подвергать опасности свое будущее. Следовательно, близнецов Холден нужно забыть. Он подсознательно чувствовал, что любвеобильная пара представляет для него опасность, особенно после того как он недавно волочился за их мать. Он должен поискать для себя что-нибудь менее заметное – двор полон красивых и готовых на все дам. Дам, подобных сеньоре Эудоре Марии де Карло, жене посла Сан-Лоренцо. Весьма приятная женщина, которая целые недели после своего появления в Англии таранилась на него своими замечательно выразительными янтарными глазами и слегка прикасалась к нему, когда проходила мимо. Жена посла была маленькой и пухлой, и он не сомневался, что она восхитительно опытна в любви. От мысли о предстоящей охоте у него по спине побежали мурашки. Прошлая ночь вызвала у него отвращение к наглым и напористым женщинам. Ему гораздо больше нравились ласковые, уступчивые и чувствительные чаровницы, чем требовательные дочери барона Марстона. Он решил, что будет избегать их, насколько это возможно вообще, но если это окажется невозможным, он, конечно, не должен послужить причиной скандала. Положение трудное, но ведь до этого он умело избегал неприятностей.

Глава 3

– Сейчас ничем уже нельзя помочь, – сказал лорд Берли королеве. – Скандал разгорелся, и вы должны наказать господина О’Малли, иначе все решат, что на его поступки вы смотрите сквозь пальцы. Вы можете быть вымазаны тем же дегтем, которым вымажут его. Вспомните скандал с Дадли. Вы не можете позволить себе это, мадам.

Королева глубоко вздохнула.

– Я знаю, что вы правы, мой дорогой друг. Вы от всего сердца пытаетесь действовать в моих интересах, но я не могу справиться со своей грустью. Мне нравится господин О’Малли!

– Я знаю это, мадам, и признаюсь, что мне он тоже нравится. Это по-настоящему беззлобный человек, и то, что он попал в такое положение, – просто невезение. К тому же при дворе есть люди, которые ежедневно совершают худшие поступки, но никогда не попадают. Конн О’Малли – молодой человек с добрым сердцем, но он не научился, простите мою прямоту, мадам, держать свой член в застегнутом гультфике, и именно этот грех привел нас к сегодняшней истории. Посол Сан-Лоренцо взбешен и имеет для этого все основания. Несомненно, он оскорблен, а это означает оскорбление его маленькой, но важной для Англии страны. Мы не можем допустить, чтобы он уехал из страны, мадам, и не можем допустить, чтобы были разорваны отношения с нами.

– Что же мне делать? – встревожилась Елизавета Тюдор. – Я посадила Конна в Тауэр, но нельзя же держать его там бесконечно только потому, что он был пойман, когда в укромном уголке целовал жену посла.

Это, конечно, было не так, подумал Уильям Сесил, и королеве известно об этом. Конна застигли, когда он пылко обнимал Эудору Марию де Карло, чья необъятная грудь была открыта его ласкам, и дама пылко ласкала ирландца. На самом деле первоначально внимание к темному уголку привлекли довольные вскрики посольской жены.

Стук в дверь личного кабинета королевы предварил появление одного из ее секретарей.

– Мадам, в приемной барон Марстон и его семья. Барон утверждает, что ему срочно необходимо поговорить с вами. Это касается, по его словам, дела Конна О’Малли.

Лорд Берли удивленно поднял бровь. В чем дело? Неужели с молодым О’Малли связаны еще какие-то неприятности?

– Пусть войдут лорд Холден и его семья, – приказала королева и повернулась к Сесилу. – Не думаю, чтобы это было хорошим предзнаменованием.

Она уселась поудобнее, потому что лорд Холден грешил многословием. Одета в белое бархатное платье с широким воротником из золотистого кружева, с корсажем, украшенным драгоценными камнями и расшитым золотой нитью узором в виде виноградных лоз, с рукавами, в прорезях которых была видна золотистая подкладка, Елизавета выглядела воистину царственной. На голове красовался золотисто-рыжий парик, так как ее собственные волосы начали редеть и терять цвет. Но она по-прежнему оставалась красивой женщиной. Изящную шею украшали цепь с брошью, подаренные ей Конном, а в ушах мерцали большие круглые жемчужины.

Лорд Холден так быстро вошел в комнату, как будто за ним гнались все черти преисподней. Следом вплыла его жена, выглядевшая на этот раз хмурой, и его славненькие дочери-близнецы, на чьих почти одинаковых лицах были следы недавних слез. Все три женщины надели гладкие черные бархатные платья с простыми белыми кружевными манжетами, что, как подумала королева, так необычно для них, любящих броские туалеты. Лорд Холден, дородный джентльмен, также облачился в строгий черный костюм. Все четверо почтительно склонились перед королевой.

Она кивнула в ответ, едва скрывая неодобрение.

– Говорите, милорд! Вы сказали, что хотите говорить со мной по делу О’Малли!

– Мне больно, мадам, огорчать вас, потому что мне известна ваша привязанность к ирландцу. Тем не менее я должен рассказать вам то, что случилось, хотя, делая это, я подвергаю позору себя и свое имя.

Он остановился и сверкнул глазами в сторону жены и дочерей.

– Когда стал известен скандал с женой посла де Карло, моя жена более не смогла скрывать свое бесчестье. Она призналась мне, что господин О’Малли соблазнил ее. Поскольку было необходимо, чтобы она преподнесла предметный урок нашим дорогим впечатлительным дочерям, она призналась им в своем грехе. Вы можете представить наше изумление и ужас, когда мы узнали, что тот же господин О’Малли совратил наших невинных девочек! Я требую, чтобы вы наказали этого совратителя добродетельных жен и дочерей! Я бы предпочел не выносить на люди свое унижение и обиду, но я сделаю это, если вы не накажете распутника. Я сделаю посмешище из своей жены и обреку своих драгоценных девочек на вечное девичество, но увижу, что Конн О’Малли наказан.

– Проклятие! – Лицо королевы выдало ее гнев, но лорд Берли не был уверен, был ли он вызван поведением Конна или тоном лорда Холдена.

– Его необходимо удалить от двора! – величественно объявила королева. – Я не потерплю такого человека рядом с собой! Что касается вас, милорд, то лучше всего, если вы увезете жену и дочерей в Кент до конца зимы. Их пригласят вернуться в Уитсангайд, но пока им лучше всего уехать в деревню, чтобы поразмыслить о своих многочисленных женских слабостях. Молитвы и пост помогут им свернуть с греховного пути. Мы поможем вам устроить подходящие браки для близнецов, и чем скорее, тем, я думаю, лучше.

Лорд Холден упал на колени и, схватив подол платья королевы, почтительно поцеловал его.

– Мадам, – сказал он, – вы – воплощение мудрости и доброты! Я самым сердечным образом благодарю вас за это справедливое решение. Мы сегодня же немедленно уедем в Марстон, но я вернусь так быстро, как только смогу, чтобы служить вам.

Елизавета улыбнулась.

– Оставайтесь со своими дамами, милорд, до начала марта. Я чувствую, им понадобится ваше руководство, если они собираются по-настоящему раскаяться. Непременно хорошенько поколотите их, чтобы направить на путь истинный, а потом возвращайтесь ко мне.

Она протянула руку, чтобы он мог поцеловать ее кольцо.

Лицо лорда Холдена выражало восхищение королевой. Поцеловав протянутую руку, он кое-как встал на ноги и грубо погнал своих женщин из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Минуту в комнате было тихо, а потом королева выругалась:

– Будь он проклят! Будь он проклят! Я не смогу по крайней мере год держать его при дворе, Уильям, а без него здесь будет невыносимо скучно. Как он мог? Леди Холден и ее дочери? Это совершенно непростительно!

– У леди Холден, – начал лорд Берли, делая попытку успокоить чувства своей повелительницы, – репутация дамы, которая имеет любовников, мадам. Она осторожна, но я не могу поверить, что ее муж ничего не знает о ее поведении. Что же касается дочерей, говорят, что это парочка соблазнительных шлюшек, и хотя их отец и может быть введен в заблуждение, но ко двору они явились не невинными, и не молодой О’Малли совратил их, в этом я уверен. Он гуляка и невероятный озорник, но он не такой развратник, чтобы лишать девушек невинности, мадам.

– Принесите мне пяльцы, Эйден, – обратилась королева к фрейлине, которая тихо и незаметно сидела на скамье в углу возле камина.

Эйден Сен-Мишель поспешила выполнить приказ королевы, а потом, подставив скамейку ближе к Елизавете, села и приготовилась подавать ей нужные нитки.

– Тем не менее сам дьявол в аду подтолкнул леди Холден и ее потомство признаться в их грехе с Конном, возложив, естественно, весь груз вины на него. Я не сомневаюсь, что этой троицей руководила ревность. У лорда Холдена не было иного выхода, как прийти ко мне, использовав случай с женой посла, – продолжила королева. – Раньше я думала удалить Конна от двора на несколько недель, возможно, на время поста. Сейчас я должна отослать его на длительный срок, но куда? Не в Ирландию же. Это слишком далеко, и что там делать бедняге Конну? Готова побиться об заклад, что он совершенно не похож на своих старших братьев-пиратов, хотя я никогда не видела их. Можно было бы отправить его к де Мариско, но вряд ли они вынесут его присутствие в течение целого года...

– Его нужно женить, мадам, – спокойно сказал Уильям Сесил.

– Женить? Конна? Нет!

– Ничего другого не остается, мадам, – терпеливо внушал лорд Берли. – Он вернется ко двору, когда срок его наказания истечет, переполненный до краев еще большим озорством. Кто знает, причиной каких скандалов он станет тогда? Вы должны женить его на почтенной женщине еще до того, как он покинет двор, а потом отослать в его поместье по крайней мере на год. Пусть он произведет законного наследника, упражняясь со своей женой, чтобы охладить свой невыносимо жаркий темперамент.

– У него нет своего дома, куда я могла бы отослать его, – сказала королева.

– У него есть деньги, мадам, и он родом из хорошей ирландской семьи. Он член вашей личной гвардии. Он выгодный жених. Найдите ему жену, у которой есть недвижимость.

– Это легче сказать, чем сделать, Уильям. Женщина из знатной семьи не пойдет за него, потому что сам он недостаточно знатен. Какая-нибудь безвестная девушка не годится, он для нее слишком хорош. Это не может быть девушка, воспитанная в протестантской вере, потому что он принадлежит к римской церкви, хотя я не замечала, чтобы за время пребывания в Англии ему был нужен священник. Он, кажется, согласен следовать англиканской церкви, но наверняка нельзя быть уверенным в этом. Каждое из этих обстоятельств ограничивает возможности поиска, и я не могу предложить девушку, которая была бы подходящей женой для Конна О'Малли, – закончила королева.

– Я могу.

В первый момент и королева, и лорд Берли решили, что им померещился голос, сказавший эти слова. Потом их взгляды переместились на девушку, сидящую в ногах королевы.

– Это сказали вы, Эйден Сен-Мишель? – требовательно спросила королева.

– Да, мадам.

– Кто эта молодая женщина, мадам? – спросил лорд Берли. В его глазах зажегся интерес.

– Она дочь покойного лорда Бласса и одна из девушек, состоящих под моей опекой, – сказала королева, сурово глядя на Эйден.

Эйден покраснела, ее сердце бешено стучало, но взгляд не дрогнул.

– Скажите нам, госпожа Сен-Мишель, кто, по вашему мнению, годится в жены Конну О'Малли?

– Я, мадам.

Вот так! Это она произнесла эти слова. Ничто не могло заставить ее отрешиться от этих слов, и не важно, как отнесется к ним королева.

– Вы?! – Вид у королевы был удивленный.

– Скажите-ка мне, госпожа Сен-Мишель, – ласково сказал лорд Берли, – почему вы считаете себя подходящей партией для Конна О'Малли? Вы знаете его? Быть может, вы влюблены в него?

– Я из хорошей семьи, милорд, но мое происхождение не очень знатное. Моему прадеду дворянство было пожаловано дедом ее величества. Моя мать была ирландкой, кузиной герцогини Линкольн, и поэтому я тоже наполовину ирландка. Хотя по рождению и принадлежу

к святой ортодоксальной церкви, после смерти моей матери я и мой отец выяснили, что мы предпочитаем новую церковь. Я наследница значительного состояния, и мои земли граничат с землями сестры господина О'Малли, леди де Мариско. Мне кажется, я обладаю всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать женой господина О'Малли, и хотя мне интересен двор, я очень хочу вернуться домой. Я и в самом деле «деревенская мышка», как зовет меня ее величество.

Лорд Берли посмотрел на королеву.

– Фрейлина права, мадам. Она – идеальный выбор!

– Не знаю, – уклонилась от прямого ответа королева. – Неужели вы действительно хотите покинуть меня, Эйден Сен-Мишель? Мне казалось, что вы счастливы здесь.

– Как я могу быть несчастлива, будучи с вами, мадам? Вы для меня как мудрая старшая сестра.

Лорд Берли подавил улыбку. Елизавета Тюдор по возрасту годилась девушке в матери. Однако он заметил, что девушка полна решимости добиться своего, и ему стало интересно, что толкает ее к этому.

– Тем не менее, – продолжала Эйден, – искушенность вашего двора угнетает меня. Кроме того, я нужна своим людям. Никакой бейлиф не может полностью заменить хозяйку или хозяина земли. Потом, прошу вас, вспомните, что вы обещали моему отцу найти мне мужа. Найдете ли вы другого мужчину, за которого можно было бы выдать меня, мадам? Это верно, что я мало знаю господина О'Малли, но он кажется мне добрым человеком.

– Этого отрицать я не могу, – сказала Елизавета.

– Значит, может статься, что я буду довольна, а может быть, и счастлива в браке с ним. О, мадам! Простите мою дерзость, но вы видели в своей жизни много браков, устроенных таким образом, и некоторые из них были счастливыми, некоторые нет. Возможно, у меня с господином О'Малли получится удачный брак, но, если назовете другого мужчину, которому вы предпочитаете отдать меня, я покорюсь вашему решению.

«Умно, – подумал лорд Берли. – Она напомнила королеве о ее обещании покойному, а честь для королевы превыше всего. Королева в ловушке, ведь она должна найти невесту для О'Малли и не может назвать, я в этом уверен, другого жениха для госпожи Эйден Сен-Мишель».

Несколько долгих минут королева хранила молчание, а Эйден затаила дыхание. Она влюбилась в Конна О'Малли на Двенадцатую ночь, когда он поцеловал ее. Конечно, она понимала, что поцелуй этот ничего не значил для него. На самом деле она не была знакома с ним, а он не проявил никакого желания познакомиться с ней. В каком-то смысле получается, что она вешается ему на шею. Тем не менее, когда лорд Берли сказал, что Конну нужно жениться, Эйден поняла: она не вынесет, если гигант ирландец станет мужем другой женщины. Голос королевы заставил ее вздрогнуть.

– Каково ваше мнение, милорд Берли? Следует ли мне женить господина О'Малли на госпоже Сен-Мишель? Решит ли это наши вопросы? Он многое приобретает благодаря такому браку.

– Кроме миленькой жены, мадам, что же еще? – Лорд Берли посмотрел на Эйден почти отеческим взглядом.

– Он приобретает большое поместье, половину состояния, оставленного ее отцом, и это само по себе важно. Кроме того, есть еще последняя просьба Пейтона Сен-Мишеля ко мне, на которую я согласилась. Покойный лорд Блисс, да упокоит Господь его душу, был последним мужчиной в роду.

Он просил, чтобы любой джентльмен, который женится на его дочери, взял бы его имя и получил разрешение на ношение титула лорда Блисса. После брака Конн О'Малли стал бы Конном Сен-Мишель, лордом Блиссом.

Уильям Сесил, лорд Берли, после минутного раздумья кивнул.

– И, становясь английским дворянином, уменьшает на одного человека число ирландских бунтарей, мадам. Этот брак еще теснее привяжет к вашей стране его сестру, леди де Мариско.

– Значит, быть посему, Эйден Сен-Мишель. Я сдержу обещание, данное вашему отцу, и вы получите в мужа Конна О’Малли. Однако вы понимаете, что никакой суеты и шума не должно быть в связи с вашим венчанием? Из-за проступка господина О’Малли вы должны быстро обвенчаться и немедленно удалиться от двора. Какое сегодня число, милорд?

– Двенадцатое февраля, мадам.

Лицо королевы расплылось в улыбке.

– Это просто Божья воля! – сказала она. – Может быть, действительно браки заключаются на небесах. Вы будете обвенчаны через два дня, четырнадцатого февраля, в день святого Валентина, Эйден Сен-Мишель. Тайная церемония будет происходить в моей личной часовне, и на ней буду только я и лорд Берли. Решено?

– Я приведу с собой мою служанку и молодого лорда Саутвуда, мадам. Я не возражаю, что церемония должна быть тайной, но предпочла бы, чтобы свидетелей было больше.

– Очень мудро, госпожа Сен-Мишель, – сказал Уильям Сесил. – Особенно хорошо, что вы выбрали юного графа.

Он повернулся к королеве.

– Племянник господина О’Малли – идеальный свидетель, мадам. Он, конечно, известит об этом браке свою мать и отчима. Надеюсь, вы позволите ему проводить новобрачных до Королевского Молверна. Он отвезет личное послание вашего величества семейству де Мариско, в котором будет объяснено случившееся. Леди де Мариско должна быть вполне довольна вашим решением в отношении ее брата.

– Отлично! – воскликнула Елизавета Тюдор и потом обратилась к Эйден: – Сейчас идите, дитя, и собирайтесь. Вы будете обвенчаны рано утром в День святого Валентина, так что для сборов у вас будет целый день. Чтобы добраться до дома, вам понадобится несколько долгих дней. Можете сказать вашим подругам здесь, что я позволила вам посетить Перрок-Ройял. Придумывать другое объяснение нет нужды.

– Мой брак должен быть тайной, мадам?

– Его не скрывать от семьи господина О’Малли, Эйден, но лучше, если двор останется в неведении в настоящее время. Мне будет трудновато объяснить послу Сан-Лоренцо и лорду Холдену, что я наказываю Конна О’Малли, заставляя его жениться на богатой наследнице и жалую ему титул лорда Блисса.

Королева фыркнула, и даже лорд Берли слегка усмехнулся.

– Могу ли я попросить вас об одном одолжении, мадам? – спросила Эйден.

– Конечно, дитя!

– Прошу вас, мадам, не говорить господину О’Малли, что я сама предложила вам выдать меня замуж за него. Я знаю его только в лицо, а он меня не знает, но я буду очень обижена, если он примет меня за еще одну глупышку, которая охотится за ним. Я знаю, вы поймете меня, мадам.

Королева закивала головой.

– Хорошо, Эйден Сен-Мишель. Нет нужды давать понять Конну О’Малли, что у него есть какое-то иное преимущество перед вами, чем у любого другого мужа перед своей женой. Вы можете быть спокойны, что происшедшее сегодня между нами останется тайной. Даю вам свое слово.

Эйден склонилась перед ее величеством и почти бегом выскочила из королевского кабинета. Она не могла поверить в то, что случилось. Она должна выйти замуж через два дня! Она должна выйти замуж за Конна О’Малли, самого красивого мужчину двора. Она возвращается в Перрок-Ройял. Потом она внезапно остановилась и зажала рукой рот. Что она наделала?

Ведь она совсем не знает Конна О'Малли, известна лишь его довольно красочная и скандальная репутация. Что, если она не понравится ему? Она дерзко связала свое будущее с человеком, которого не знала, и все на основании одного поцелуя! Не растеряла ли она последние капли разума? В конце концов она оказалась не лучше, чем те глупые женщины, которые пытались привлечь внимание господина О'Малли. Неожиданно, потрясенная своими собственными дерзкими действиями, она споткнулась на бегу и на кого-то налетела.

– Эйден? Эйден Сен-Мишель, с вами все в порядке?

Молодой граф Линмут взял ее за руку.

Она медленно взглядела на юношеское лицо.

– Я выхожу замуж, Робин, – прошептала она. – Королева выдает меня замуж за вашего дядю Конна, и это должно храниться в тайне.

– Что? – спросил он изумленно. – Что вы мне говорите?

– Идите к королеве, – сказала Эйден, отодвинувшись от него, и торопливо зашагала по коридору.

Робин последовал ее совету, и был допущен к королеве. Он поклонился, а потом, быстро перейдя к делу, сказал:

– Только что в коридоре я встретил Эйден Сен-Мишель. Верно ли то, что она говорит, мадам? Неужели она в самом деле должна выйти замуж за моего дядю?

– Конн О'Малли вызвал скандал, который грозит возможными международными осложнениями для двора, если я не удалю его от себя, лорд Саутвуд, – сухо объяснила королева. – Милорд Берли предположил, что жена сумеет обуздать сильные страсти вашего дяди. Я согласна с этим. Покойный отец госпожи Сен-Мишель на смертном одре попросил меня найти хорошего мужа для его дочери. Эйден – отличная пара для Конна. Он возьмет себе ее семейное имя, как просил Пейтон Сен-Мишель, и таким образом станет лордом Блиссом, владельцем Перрок-Ройял. Ему запрещено появляться при дворе по крайней мере в течение года за его возмутительное поведение не только с Эудорой де Карло, но также и с леди Глитой Холден и ее дочерьми-близнецами. Барон Марстон уже побывал у меня со своими жалобами. Теперь вы поняли, как серьезно это дело, Робин?

– Да, мадам, но почему Эйден? Эйден – необыкновенная девушка. Она нежная и любящая, и я не знаю, достоин ли ее мой дядя.

Лорд Берли отвернулся, чтобы юный лорд Саутвуд не увидел его улыбки. Мальчик явно охвачен муками юношеской любви к госпоже Сен-Мишель. Уильям Сесил вспомнил свою давно ушедшую молодость и неожиданно воскресил в памяти какую-то свою старшую кузину, с которой делил муки взросления. Какое-то мгновение он пытался сдержать навернувшиеся на глаза слезы. Его кузина вышла замуж в семнадцать и умерла при родах в двадцать лет, когда ему было только четырнадцать.

– Наверное, вы правы, мой Робин, – сказала Елизавета Тюдор. – Возможно, сейчас Конн О'Малли и недостоин Эйден Сен-Мишель, но когда-нибудь он исправится, и Эйден поможет ему стать прекрасным человеком. А он такой и есть, но прячется под маской веселого повесы. Эйден не будет страдать в этом браке, поверьте мне. Сейчас, малыш, у меня есть другие новости. Вы будете свидетелем на свадьбе, которую предстоит сыграть рано утром четырнадцатого, через два дня. Потом я хочу, чтобы вы поехали с Эйден и Конном в Королевский Молверн, чтобы лично известить вашу мать и отчима об этой свадьбе. Побудьте несколько недель с семьей, мой Робин, а потом возвращайтесь ко двору.

Решение принято, а Робин Саутвуд, четырнадцатилетний граф Линмут, был слишком опытным придворным, чтобы спорить или задавать лишние вопросы своей повелительнице. Вместо этого он элегантно поклонился и сказал:

– Вы, ваше величество, не могли принять неверного решения, и я буду рад видеть Эйден в нашей семье в качестве моей тетки.

Королева оценила воспитанность мальчика. «Как же он похож на своего отца», – думала она, вспоминая Джеффри Саутвуда, «Ангельского графа», как его называли.

– Сейчас, Робин, – сварливо сказала она, чтобы избавиться от сентиментальных воспоминаний, – я пошлю вас с приказом к начальнику Тауэра, и он передаст вам вашего дядю. Привезите ко мне Конна О’Малли как можно быстрее. Надо дать ему возможность подготовиться к своей судьбе. – И она хихикнула. – Я не могу дождаться, чтобы услышать, что он скажет о моем умном решении.

* * *

– Нет! – воскликнул Конн О’Малли. – Нет, Бесс! И еще раз повторяю, нет! Жениться на какой-то девушке, которую я даже не знаю.

– Я не спрашиваю вас, хотите ли вы жениться, господин О’Малли, – рявкнула королева. – Я говорю вам, что вы будете обвенчаны четырнадцатого числа с госпожой Эйден Сен-Мишель и что вы и ваша жена уедете в ее поместье. Вы явились причиной ужасного скандала, Конн!

– Ради Бога, Бесс, все, что я сделал, это поцеловал и поласкал женщину. Нас не застали *in flagrante delicto*².

– Только потому, что вам не достало времени! – закричала королева. – Расскажите-ка мне о леди Глите Холден и ее дочках-близнецах, Грейс и Фейт, так, кажется, их зовут! Вы взяли их обеих, не так ли, грязный развратник? О, я все знаю о вашем распутстве с этими тремя шлюхами! Барон Марстон был здесь сегодня с целым набором жалоб относительно того, что вы соблазнили его жену и дочек!

– Соблазнил! Этих троих? Нет, Бесс, я их не соблазнял.

– Но ведь вы не будете отрицать своей связи с ними, Конн, верно?

Он покраснел и пробормотал:

– Нет.

– Я могла бы оставить вас в Тауэре, Конн. Оставить вас там до скончания века, но вместо этого даю вам в жены наследницу с богатым приданым, богатым поместьем и титулом. Многие скажут, что я обошлась с вами слишком мягко.

– С титулом? – вдруг заинтересовался Конн, а лорд Берли не сумел сдержаться и ухмыльнулся, глядя на великана ирландца.

– Пейтон Сен-Мишель был последним в своем роду. Его семья получила дворянство во время правления моего деда, и, хотя они многого достигли, в одном деле они потерпели неудачу. В каждом последующем поколении рождался только один сын до тех пор, пока в этом поколении из рода Сен-Мишелей в живых осталась только одна дочь. Просьба умирающего лорда Блисса, обращенная ко мне, состояла в том, чтобы мужчина, которого я выберу для его дочери, взял фамилию его семьи вместе с семейным титулом.

– Изменить фамилию? – Конн был взбешен. – Я ведь О’Малли!

– У вас четыре старших брата. Сколько сыновей у троих из них, Конн?

– Одиннадцать, – честно ответил он.

– Судя по этому количеству, мой Адонис, на земле всегда будет полно О’Малли. Подумайте об этом, Конн. Вы младший сын своего отца, который, в сущности, был пиратом, – сказала королева. – Один ваш брат священник, однако остальные – морские разбойники, которые, вероятно, до старости не доживут. Зачем вы приехали в Англию, если не искать свою удачу? Вы разбогатели благодаря торговой компании своей сестры, у вас есть мое покровительство и моя дружба. Теперь я пытаюсь, чтобы вы сделали еще шаг вверх по социальной лестнице. Почему вы сопротивляетесь?

² На месте преступления (*лат.*).

– Проклятие, Бесс, что я буду делать в деревне? Вы говорите, госпожа Сен-Мишель владеет большими земельными угодьями. Я совершенно не умею управлять большим поместьем. Я придворный по сути и по наклонности.

– Если вы женитесь на женщине, имеющей землю, вам необходимо выучиться управлять поместьем, чтобы сохранить эти земли для своего сына, – спокойно сказала королева.

– Моего сына? – тихо спросил он.

– Да, Конн, вашего сына. Следует надеяться, что во время вашего изгнания в деревню вы сделаетесь отцом наследника. Разве не этого хотят все мужчины?

– Я еще долго не собирался жениться, Бесс. Я думал, что сам выберу себе жену.

Он сильный противник, размышлял лорд Берли. Такой же твердый, какой была его красавица сестра, когда имела дело с Елизаветой Тюдор. Однако он сложит оружие перед королевой так же, как была вынуждена сделать его сестра.

– Вы не могли бы, мой Адонис, найти себе более подходящую жену, чем Эйден Сен-Мишель. Ее мать была Фитцджеральд, кузина графини Линкольн. Она богата, образованна и, более того, умна и остра на язык. Эйден станет гораздо более интересной женой для вас, чем любая, которую вы могли бы выбрать. Вас, как я заметила, тянет к тупицам или к жеманницам.

Конн усмехнулся. Он не мог сдержаться. Но хуже всего, что королева права. Он никогда серьезно не относился к женщине, лишь бы без особых хлопот завалить ее на спину. Вряд ли это был подходящий способ найти себе жену. Он вздохнул.

– Значит, вы настаиваете, чтобы я женился на этой девушке, Бесс?

– Да, – сурово ответила королева, но ему почудилась мимолетная слабая улыбка.

– Ну хорошо, Бесс, я подчинюсь вам, хотя вы все же оказываете мне плохую услугу. Будь у меня выбор, я сказал бы вам «нет».

– Но выбора у вас нет, Конн О’Малли. Я повелеваю, чтобы четырнадцатого дня февраля тысяча пятьсот семьдесят восьмого года вы взяли в жены Эйден Сен-Мишель. Теперь налейте нам вина, мой Адонис, и мы поднимем тост за ваше счастье и за счастье вашей жены.

Подойдя к буфету, где стояли тонкие стеклянные кубки и графины с вином, Конн выбрал золотистое виноградное вино и налил три кубка, два из которых передал королеве и лорду Берли.

– За ваше будущее, мой Адонис, – сказала королева, поднимая кубок.

– За процветание и многих сыновей, – подхватил лорд Берли, поднимая свой.

– За мою жену, – продолжил Конн. – Да поможет Бог нам обоим. – И тремя быстрыми глотками выпил вино. – Теперь, Бесс, с вашего разрешения я оставляю вас, чтобы увидеться с моей нареченной. Не подскажите ли вы мне, где я могу найти ее?

– За дверью ждет Робин, – сказала Елизавета Тюдор. – Он отведет вас к Эйден, и мы разрешаем вам удалиться.

Поставив кубок на буфет, Конн поклонился королеве и вышел из комнаты с видом обреченного. За его спиной Уильям Сесил и Елизавета заговорщически улыбнулись друг другу.

За дверью личного кабинета королевы стоял Робин Саутвуд, разговаривая с госпожой Тальбот, но, увидев своего дядю, он быстро извинился и поспешил к нему.

– Бесс говорит, что ты отведешь меня к госпоже Сен-Мишель, – сказал Конн.

– Говори потише, дядя, – укорил его Робин. – Это дело тайного характера. Иди за мной.

– Ты не очень-то весело говоришь, Робин, – сказал Конн О’Малли, следуя за племянником. – Ты ведь согласен со мной, что это дурацкий брак?

Робин сначала промолчал, но как только они вышли во внешний коридор и он увидел, что там никого нет, он повернулся к дяде и сказал зло и яростно:

– Она – самая замечательная девушка из всех, кого я знаю, дядя Конн! Только попробуй обидеть ее – и ты будешь иметь дело со мной! Понял?

Первым желанием Конна было рассмеяться, но потом он увидел, что его племянник совершенно серьезен в своей угрозе, и поэтому, подавив веселье, спокойно сказал:

– Она, должно быть, прекрасная девушка, Робин, если сумела покорить твое сердце. Надеюсь, ты сможешь нам обоим избежать некоторой неловкости, которая обязательно возникнет между нами с самого начала. Ты сможешь мне?

– Да, – сказал мальчик, – но помни, что в первую очередь я рыцарь Эйден.

Конн кивнул с серьезным видом и спросил:

– Куда, черт возьми, ты ведешь меня, парень? Я никогда не был здесь раньше.

– Комнату для Эйдена выделила графиня Линкольн, но она расположена на чердаке. У Эйдена по крайней мере есть возможность побыть одной, чего нет у большинства девушек.

Дойдя до двери Эйдена, Робин громко постучал, и почти сразу же дверь открыла Мег.

– Добрый день, ваша светлость.

– Добрый день, Мег. Госпожа Сен-Мишель дома? Я привел своего дядю, Конна О’Малли, чтобы он познакомился с ней.

– Да, – сказала служанка, – он похож на О’Малли. Я слышала, что все они страшно охочи до юбок.

Конн мягко отстранил Робина и встал на пороге, глядя сверху вниз на невысокую толстушку, которая, в свою очередь, насупленно смотрела на него сердитыми карими глазами, уперевшись кулаками в широкие бедра.

– Ну и ну, – сказал он, – и откуда же ты знаешь это, маленькая женщина?

– В Балликойлле всем это известно, а разве я не Мег Финей из Балликойлла?

Конн засмеялся.

– Ну, Мег Финей из Балликойлла, не скажу, чтобы ты была не права. Многие О’Малли зарабатывают себе на жизнь в море, и среди них столько же тех, кто любит красивых девушек, но у меня один брат священник, и вполне вероятно, что вскоре он станет епископом, и сестра монахиня, известная своим искусством врачевания, и еще четыре другие сестры, которые относятся ко мне так же неодобрительно, как, кажется, относишься и ты, и еще одна замечательная сестра, одна из самых состоятельных женщин в Англии. Едва ли нас можно назвать простой семейкой. Теперь, будь добра, скажи своей хозяйке, что я пришел в гости.

Мег плотно притворила дверь. Конн и Робин стали ждать. Наконец дверь открылась снова и, делая шаг в сторону, Мег сказала:

– Можете входить, господин О’Малли, – а потом тихонько пискнула, когда, проходя мимо, он потянулся и слегка шлепнул ее по задку. – Ах вы наглец! – выругалась она. – Не сомневаюсь, что ваша мать пролила много горьких слез из-за вас!

– Моя мать любит меня, – ответил он, – и ты тоже полюбишь, Мег, когда узнаешь меня.

– Это, господин О’Малли, мы еще посмотрим, – фыркнула она в ответ.

– Мег, – позвал Робин, – пойдём и выпьем со мной по большой кружке эля, – и, прежде чем служанка смогла возразить, потянул ее из комнаты и захлопнул за ней дверь, чтобы суженные могли остаться вдвоем.

Конн обошел кровать, которая занимала большую часть комнаты, и вышел на маленькое пространство, остающееся свободным. Перед ним, повернувшись спиной к маленькому окну, стояла девушка. Она была гораздо выше, чем большинство женщин, более широкая в кости, чем его сестра Скай. У нее было овальное лицо и подбородок с ямочкой, как и у него самого. Он не мог определить цвет ее глаз, а волосы были скрыты под чепцом, но заметил, что у нее красивые руки, нервно теребящие янтарный бархат платья. Ее нельзя было назвать красивой, эту невесту, которую выбрала для него королева, но он решил, что она станет очень миленькой, если только улыбнется. Все не так уж и плохо, как он мог себе представить. Она могла быть рябой после оспы. Он снова пристально посмотрел на девушку. В ней было что-то знакомое. Где же он видел ее раньше?

– Двенадцатая ночь, – сказала Эйден, угадав его мысли.

Звук ее голоса поразил его, но он решил, что ему нравится ее голос, мягкий и мелодичный.

– Двенадцатая ночь? – переспросил он.

– Вы играли с нами в жмурки и поймали меня.

– Конечно! – Сейчас он вспомнил. – Я поцеловал вас, и вы задрожали. Вы не умеете целоваться. Я подумал про себя, что вас никогда не целовали прежде, и это казалось странным, потому что вы не так молоды по сравнению с остальными.

Эйден засмеялась, и смех ее был несколько грустным.

– Да, я не так молода, как остальные, – согласилась она. – Девятнадцатого августа мне исполнится двадцать четыре года.

– Мне будет двадцать три двадцать третьего июня, – ответил он.

Они помолчали, так как ни один из них не знал, как продолжать этот неловкий разговор.

Потом Конн сказал:

– Вы очень хорошенькая, когда улыбаетесь, госпожа Сен-Мишель.

– Думаю, вам лучше называть меня Эйден, Конн О’Малли, поскольку очень скоро мы станем мужем и женой.

Она была удивлена своей смелостью.

– Вы знаете, что означает это имя на кельтском? – спросил он.

– Я не знаю кельтского.

– Оно означает «пылкая». А вы пылкая, Эйден? – Он внимательно рассматривал ее, неожиданно заметив изящную талию, полную грудь, стройную осанку.

– Не думаю, Конн О’Малли, – ответила она и покраснела под его испытующим взглядом.

Ему вдруг очень захотелось увидеть, какого цвета ее волосы.

– Снимите чепец, Эйден, – сказал он, и когда она помедлила, смущенная его просьбой, Конн сделал шаг вперед и аккуратно стянул небольшой полотняный чепец, который спереди имел форму сердца, а на затылке был собран складками и полностью закрывал ее волосы. Потом его руки опытными движениями вынули золотые и черепаховые шпильки, которые так аккуратно скрепляли ее волосы. К его удивлению, волосы внезапно рассыпались, упав шелковой волной, доходившей ей до бедер.

– Черт побери! – тихо выругался он. – Ваши волосы похожи на тусклую, расплавленную медь, девушка! Это так красиво! Зачем вы прячете их под этот проклятый чепец? – Его пальцы скользнули в душистую копну волос.

– М... мой отец говорил, что у моих волос забавный цвет. Ему больше нравился цвет волос моей матери, и поэтому после ее смерти я прятала свои волосы под чепцом, чтобы не раздражать его. – Она почувствовала себя пригвожденной к полу, когда его пальцы нежно ласкали ее длинные распущенные волосы.

Конн подумал, что никогда не видел таких волос. Они были изумительного цвета и так замечательно мягки на ощупь, хотя были тяжелыми. По причине, которую он не мог понять, ее волосы возбуждали его самым невероятным образом.

– Думаю, – сказал он тихо, услышав сам свой хриплый голос, – думаю, что сейчас самое время, Эйден Сен-Мишель, скрепить поцелуем помолвку, устроенную для нас королевой. – И, не дожидаясь ответа, обхватил ее голову одной рукой и отыскал ее губы.

На мгновение ей показалось, что вся ее кровь отхлынула и заменилась на кипящий, густой, сладкий и горячий мед. Она не могла шевельнуться. Ей не хотелось шевелиться. Его губы, прижавшиеся к ее губам, вызвали в ее сознании самые сладострастные мысли. Ей хотелось сорвать одежды с себя и с него. Ей хотелось упасть рядом с ним и дотрагиваться до него, позволить ему касаться ее тела. Она почувствовала, как его рука обняла ее за талию, и, к своему смущению, поняла, что откидывается на эту руку, пока его губы скользили к ее выгнутой

шее, оставляя дорожку обжигающих поцелуев. Она почувствовала, как он накрывает рукой ее грудь, услышала его голос, напряженный от страсти, шепчущий ее имя: «О-о-о, Эйден». В это мгновение рассудок вернулся к ней. Она оказалась такой же глупой, как и те дурехи, которые вечно преследовали его. Она так же порочна, как и любая отвратительная шлюха, которая с легкостью задирает юбки здесь, при дворе. Она не знала этого человека и тем не менее оказалась в его страстных объятиях, позволяя ему ласкать себя! Да через минуту-другую он повалит ее на кровать, и то, что еще осталось от ее добродетели, исчезнет! Она надоест ему еще до свадьбы!

С мрачной решимостью Эйден с силой ударила ногой по башмаку Конна и с усилием вырвалась из его сладких объятий.

– Господин О’Малли! – Она попыталась придать голосу строгость и возмущение. – Господин О’Малли! Мы еще не женаты, сэр!

У него голова шла кругом. Он чувствовал себя как школьник. В чем состояло ее колдовство, которым она заманила его в ловушку? Один взгляд на ее медного цвета волосы, и она стала желанна ему. Это невероятно, он сам был удивлен своим поступком. Но хуже всего – он не знал, что ему следует сказать.

– Эйден...

«Проклятие! Что же нужно сказать?»

В голове Эйден начало проясняться, несколькими быстрыми движениями она заколола волосы, хотя и неаккуратно, и снова надела на голову полотняный чепец. Она набрала побольше воздуха и сказала тоном, который, как она надеялась, не допускал сумасбродства:

– Господин О’Малли, думаю, лучше всего, если мы не будем больше видеться до свадьбы, чтобы не вызывать сплетен. Это может привлечь внимание к нашему союзу, что в настоящее время нежелательно для королевы.

Он наконец обрел голос и, почти заикаясь, согласился с ней, чувствуя себя при этом неловким глупцом. Расшаркавшись перед ней, он торопливо вышел из маленькой комнаты. «Что, черт возьми, происходит со мной?» – взволнованно спрашивал он сам себя. Он никогда в жизни не вел себя так глупо с хорошенькой женщиной. Ведь это же просто девчонка!

Когда дверь за ним закрылась, Эйден опустилась на кровать, обнаружив, к своему удивлению, что дрожит. Что с ней произошло? Ведь это всего лишь мужчина! Она внезапно с ужасом поняла, как мало на самом деле она знает о более интимных отношениях между мужем и женой. Что еще хуже, ей некого спросить об этом, она чувствовала себя полной дурой. Ей хотелось стать его женой, но неожиданно она поняла, что до тех пор, пока они лучше не узнают друг друга, их брак может остаться простой формальностью. Она не осмелилась позволить ему вести себя более смело, чтобы самой не впасть в искушение и вести себя пристойно. Его поцелуи, его объятия похожи на крепкое сладкое вино: ей хотелось пить его до тех пор, пока она не напьется допьяна... Ее потрясла эта правдивая мысль, но еще больше ее удивило то, что она, Эйден Сен-Мишель, хотела, чтобы ее муж, Конн О’Малли, любил ее, действительно любил ее!

Она знала, что его не волнует ее богатство, ведь он имел собственное состояние. Конечно, с этим браком он приобретал долю и титул ее отца, но не он же настаивал на этом браке. Она надеялась, что он честный человек и ухаживал за ней, потому что она ему действительно понравилась. Она подумала, что он никогда не должен узнать, что она сама предложила, чтобы их поженили. Часы на каминной полке пробили четыре часа, и полено на каминной решетке рассыпалось веером красно-золотистых искр.

Эйден встала и, повернувшись, взглядела в небольшое зеркало, которое Мег повесила возле камина. Может быть, она выглядит по-другому сейчас, когда ее по-настоящему нежно поцеловали?

Она так подумала и улыбнулась своей глупости, как наверняка улыбнулась бы и Линнет Тальбот, узнай она об этом, но, может быть, и нет: разве не сама Тальбот настаивала, чтобы они

строго соблюдали правила кануна Дня святой Агнессы в прошлом месяце? Она снова улыбнулась, вспомнив это и удивляясь тому, что позволила более молодой девушке запугать ее глупым суеверием, и тем не менее это так и было.

Канун Дня святой Агнессы пришелся на ночь с 20 на 21 января. Эйден вспомнила, что ночь была снежной и холодной. В эту ночь девушка, если она строго выполнит определенные правила, увидит во сне своего будущего мужа. Ни одна из них не дежурила при королеве в эту ночь, и именно это совпадение навело Линнет на мысль о том, что все они должны отпраздновать этот день согласно традиции. Каждая из них отдельно сходила в часовню. Сначала Кэти, которая была самой молодой, потом Дороти, Джейн Анна, Линнет, Мэри и, наконец, Эйден. Ей было интересно, молились ли остальные так усердно, как это делала она. В конце концов, они такие юные, а она готовилась встретить свой двадцать четвертый день рождения. Выйдя из часовни, не поворачиваясь ни направо, ни налево и ни в коем случае не оглядываясь назад, каждая девушка отправилась спать, не ужиная и не говоря ни с кем ни слова. Эта часть оказалась для Эйден самой простой, потому что у нее была отдельная маленькая комната. Мег она заранее предупредила, и та уважила просьбу своей хозяйки. Предполагалось, что, заснув, девушка увидит во сне мужчину, за которого ей предстоит выйти замуж. К величайшему расстройству Эйден, ей приснился Конн О'Малли. Она была девушкой практичной, или, во всяком случае, так считала, а сон, в котором присутствовал Конн О'Малли, был просто сном. Он никогда не обращал на нее ни малейшего внимания и, кроме его поцелуя на праздновании Двенадцатой ночи, не имел с ней никаких дел.

– Кто вам приснился? Кто? – спрашивала каждая девушка у другой утром, но Эйден солгала, сказав, что ей никто не приснился и поэтому ей суждено остаться старой девой. Другие проявили участие, однако она заметила понимающие взгляды, которыми они обменялись. «Бедная Эйден, – откровенно говорили эти взгляды. – Если ей и суждено выйти замуж, это должно было случиться уже давно».

Неожиданно Эйден широко улыбнулась.

– Интересно, – тихо проговорила она, – интересно, что вы все скажете, когда узнаете, что я вышла замуж за самого красивого мужчину двора. Эйден Сен-Мишель, леди Блосс! Хозяйка Перрок-Ройял! – И она рассмеялась. Это так смешно, а у нее нет друга, с которым она могла бы поделиться радостью. Как было бы прекрасно, если бы ее муж стал таким другом.

На следующий день ее освободили от обязанностей. Вместе с Мег они усердно собирали вещи. Им предстояло путешествовать в дорожной карете молодого графа Линмута, о чем он сказал им, когда пришел с ливрейным лакеем, который должен был унести ее сундуки. Другие девушки пришли пожелать ей доброго пути. Им уже сказали, что она уедет ранним утром.

– Все это так неожиданно, – любопытствовала Линнет Тальбот. – Если бы на вашем месте был кто-то другой, я бы подумала, что вы беременны.

– Линнет! Где твоя скромность, – взвизгнула Кэти, но остальные девушки засмеялись.

– Я и не собиралась оставаться при дворе, – спокойно ответила Эйден. – На самом деле я приезжала для того, чтобы королева могла получше узнать меня. Разрешение служить ее величеству было честью и удовольствием для меня, но я не могу больше жить вдали от моих владений. На самом деле я надеялась быть дома к Двенадцатой ночи.

– Не замешан ли здесь мужчина? Я имею в виду там, в вашем Перрок-Ройял? – допытывалась Линнет.

Эйден засмеялась.

– Если бы это было так, Линнет, я была бы дома уже давно! Теперь подойди ко мне, глупышка, и поцелуй меня на прощание!

Каждая девушка сделала шаг вперед и клюнула Эйден в обе щеки, а потом без дальнейших церемоний они вышли из комнаты. Когда дверь за ними закрылась, Эйден стало грустно. Они не могли стать настоящими подружками, ведь они слишком юные и ветреные. Но все вместе

они служили королеве и все хорошо относились к Эйден. Она должна каждой из них послать весной материи на платье. Эти девушки – из бедных семей, они оценят ее практичный подарок.

– Я хочу выкупаться, – сказала она Мег. – Заплати лакеям, пусть принесут горячей воды и наполнят мою лохань. Вот доберусь до дома и смогу мыться каждый день.

Лакеи, которые обслуживали эту часть дворца в Гринвиче, считали необычайно оригинальной заботу госпожи Сен-Мишель о своей личной чистоте. Но им нравились серебряные монеты, которые ее служанка совала им всякий раз, когда требовалось принести горячей воды. Они огорчились, узнав, что серебро достается им в последний раз. После того как лохань была наполнена, Мег выпроводила их и бросила в исходящую паром воду большой кусок масла для ванн. По комнате тут же распространился запах лаванды, и Эйден улыбнулась.

– Этот аромат, возможно, не так тонок, как те, что я вдыхала здесь, Мег, но он напоминает мне о доме и делает меня счастливой, – сказала она.

– Да! – согласилась служанка, помогая Эйден раздеться и сесть в маленькую лохань. – А как же буду рада я снова увидеть Перрок-Ройял, миледи.

– Миледи?

– Ну, вы ею станете через несколько часов!

Мег заколола длинные волосы Эйден на макушке.

– Самое время вам выйти замуж! Вам давно следовало бы быть замужем, но ни вы, ни ваш отец об этом не позаботились. Это просто счастье, что он умер, когда настало его время, иначе вы бы кончили свой век старой девой, как королева. Я оставила пару ведер воды для волос. Я не потерплю, чтобы у вас завелись вши, как у многих этих знатных леди!

Она выкупалась, волосы были вымыты. Потом она сушила их у огня, а Мег пошла на кухню добывать какой-нибудь ужин. Эйден обнаружила, что ее обычно хороший аппетит пропал, а когда она легла в кровать, то не могла заснуть, хотя Мег уютно похрапывала рядом. Когда она наконец провалилась в беспокойный сон, Мег растолкала ее. В камине уже горело яркое пламя, но в комнате было по-зимнему промозгло. Она натянула нижнее белье и чулки, не вылезая из-под одеяла. Мег заботливо согрела их перед огнем. Как только Эйден вылезла из кровати, ей стало холодно.

– Брр, – задрожала она.

– Вам станет теплее, когда вы наденете платье, – успокоила Мег и помогла хозяйке одеться. – Я всегда надеялась, что замуж вы будете выходить в атласном свадебном наряде вашей матери, но послать за ним не было времени. Я не уверена, что мне нравится эта легкомысленная церемония, которую приготвила для вас королева.

– Господин О’Малли должен оставить двор, Мег. Не вздумай убеждать меня, что не знаешь, причиной какого скандала он явился.

Мег непристойно захихикала.

– Ну и редкостный тип этот парень, миледи Эйден! Переспать с матерью и с дочками! Потом с посольской женой! Хи! Хи! Хи!

– Я думала, что тебя это возмутит, – озадаченно сказала Эйден.

– Если бы он был вашим мужем, я бы возмутилась, но холостяк имеет право на маленькие приключения, и испокон веков всегда находились страждущие женщины. Помимо всего прочего, это свидетельствует о его зрелости, миледи. Он быстро сделает вам ребенка, и это будет удачей для Перрок-Ройял.

Эйден едва ли слышала ее, потому что рассматривала себя в зеркале. «Я миленькая, – думала она. – В этом платье я действительно миленькая!» Это платье шила модистка, которая обшивала мать Робина. Оно ей так нравилось! Она не успела его надеть, вернее, стеснялась выйти в таком изысканном платье, боясь богатством туалета привлечь к себе внимание. Платье осталось висеть в шкафу. Однако это было единственное ее платье, достаточно красивое, чтобы выходить в нем замуж.

Верхняя юбка и лиф из тяжелого, мягкого бархата замечательного голубого цвета. Нижняя атласная юбка цвета густых сливок была расшита золотой нитью узором в виде анемонов, маленьких сердечек и летящих бабочек. Рукава платья, широкие вверху, сужались книзу и поддерживались короткими золотыми шелковыми лентами, а расшитая манжета отворачивалась и образовывала обшлаг. Воротник в форме веера сделан из старого кружева кремового цвета.

Эйден едва осмеливалась дышать, потому что вырез платья был ужасающе глубоким. Она вспомнила, как возражала против этого, когда примеряла платье, но модистка не обратила внимания на ее протесты, заявив:

– Такова мода, мадам!

Сейчас, однако, рассматривая себя, Эйден расстроилась: ведь только кружева, которыми была обшита ее сорочка, не позволяли ее соскам показываться из выреза платья.

– Вы наденете жемчуга своей матери, – сказала Мег, подавая Эйден длинную нитку розоватого жемчуга.

Когда ее госпожа один раз обвила ожерелье вокруг шеи, позволив остальным жемчужинам лечь на грудь, служанка вдела ей в уши большие жемчужины такого же цвета.

Эйден выглядела бледной от недосыпания и нервного напряжения.

– Как мне причесаться? – спросила она Мег.

– Волосы, конечно, должны быть распущенными, как и подобает девушке в день свадьбы, миледи. Я украшу их оставшимися жемчугами. Садитесь.

Мег разделила волосы Эйден на пробор и расчесала. Потом приколола жемчуг витками по бокам головы.

– Теперь вы готовы, миледи, осталось только надеть туфли, миледи. – И служанка встала на колени, чтобы обуть Эйден.

Часы на каминной полке пробили пять утра, когда Мег встала.

– Пора, – сказала Эйден, и в дверь постучали.

Мег подала своей госпоже красивую круглую муфту из хвостов горноста и, открыв дверь, сказала:

– Доброе утро, лорд Саутвуд. Невеста готова.

– Доброе утро, Эйден, – приветствовал Робин, и она ухитрилась улыбнуться ему, подумав о том, как красив он в своем красном бархатном костюме, обильно украшенном дорогими кружевами.

Мег подхватила их плащи, и они все вместе торопливо пошли по темным, холодным коридорам гринвичского дворца к королевской часовне, где их ждали королева, ее капеллан и Конн О’Малли. Когда они дошли до часовни, к Эйден подошел лакей и вручил ей венок из золоченых розмаринов и листьев лавра, сказав при этом:

– Ее величество желает, чтобы вы надели это на голову, миледи.

Мег взяла венок и надела его на голову своей госпожи, а в это время второй лакей выступил вперед и подал ей букетик белых фиалок в зеленых листьях.

– Это от господина О’Малли.

Эйден взяла букетик, подумав, что Конн очень мил, если не забыл про букет. Такое проявление заботы показалось ей почему-то хорошим предзнаменованием.

У входа в часовню Мег оставила свою госпожу и вошла одна. Она была одета в свое лучшее платье из черного бархата с тонким батистовым воротником и манжетами. Она тихо вошла в часовню и стала позади королевы, но Елизавета, повернувшись, вывела служанку вперед.

– Идите сюда, госпожа Мег, ведь это ваше дитя, и вам захочется все увидеть получше.

Мег была ошеломлена, слезы выступили на ее глазах.

– Благодарю вас, ваше величество, – прошептала она.

– Давайте начинать церемонию, – приказала королева, и из боковой двери в часовню вместе со священником вошел Конн.

Робин подвел Эйден к алтарю, и она заняла свое место слева от Конна.

Эйден искоса взглянула на своего жениха сквозь рыжеватые ресницы. Его вид заставил ее затаить дыхание. Он оделся в черный бархат, камзол украшали жемчуг, маленькие бриллиантики и серебряное шитье. Короткие штаны из черного бархата с широкими полосками шитой серебром материи облегли стройные ноги, чулки были черными, с вышитыми серебром стрелками. На ногах красовались черные кожаные башмаки с закругленными носами, высокие в подъем и украшенные серебряной розеткой. Короткая испанская накидка с высоким воротником тоже из черного бархата с подкладкой из шитой серебром материи. Он был без шляпы, его темные волосы гладко причесаны, а на лоб спадал чудесный локон.

Священник королевы поднял молитвенник и начал:

– Возлюбленные мои, мы собрались здесь перед лицом Бога и этих людей, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину в святом браке, олицетворяющем почетные узы, узаконенные Богом во времена, когда человек был невинен, и означающем для нас таинственную связь между Богом и Его церковью.

Слова, казалось, оставляли горящий след в мозгу Эйден. Брак – это таинство. Нужно ли ей связывать себя в таком таинстве с человеком, которого она едва знает? Ее способность практически относиться ко всему подсказывала ей, что это всего лишь нервное перенапряжение. Многие женщины выходят замуж, мало зная мужчин, с которыми сочетаются браком. В этом нет ничего необычного. Ее глаза обежали алтарь с его на престольной пеленой, полотняной и обшитой по краям кружевами, с высокими красивыми восковыми свечами, горевшими в изящных золотых подсвечниках. В часовне стояла торжественная тишина. Свечи бросали тени на цветные стекла окон. Снаружи было еще темно.

Королевский капеллан спросил, нет ли у кого-нибудь причин возразить против законного воссоединения этой пары, и если есть, пусть он теперь назовет их или с этого времени не будет о них вспоминать. Он помолчал минуту, в течение которой в королевской часовне не было слышно ни звука, кроме тихого сопения Мег. Капеллан обратился к Конну:

– Согласен ли ты жить с этой женщиной... после божественного таинства брака... любить ее, утешать ее, чтить и поддерживать в беде и в радости, отказываясь от всех других до тех пор, пока вы оба живы?

– Согласен, – сказал Конн О’Малли, и сердце Эйден подпрыгнуло.

Потом священник задал тот же вопрос Эйден.

– Согласна ли ты жить с этим мужчиной после божественного таинства брака, повиноваться и служить ему, любить, чтить и поддерживать его в беде и в радости, отказываясь от всех других до тех пор, пока вы оба живы?

– Согласна, – прошептала Эйден.

Потом Робин подвел ее к королевскому капеллану, и тот положил ее правую руку без перчатки на ладонь правой руки Конна О’Малли, который повторил за священником следующие слова:

– Я беру тебя в законные жены, чтобы впредь быть с тобой в беде и радости, в бедности и богатстве, в болезни и здравии, любить и лелеять, пока смерть не разлучит нас по воле Божьей, и в этом клянусь.

Его рука, сжимавшая ее руку, была теплой и сильной. Она почувствовала себя немного одиноко, когда он отпустил ее руку, чтобы она могла повторить обряд, и, взяв его за руку, она произнесла слова клятвы.

Потом они обменялись кольцами, которые королевский капеллан окропил святой водой и благословил, а затем принял от жениха символический кошель с золотом и серебром. Потом он передал кольцо невесты жениху, который взял его своими большими пальцами и громко сказал:

– Этим кольцом я обручаюсь с тобой и даю тебе это серебро и золото, клянусь почитать тебя и разделять с тобой все имущество, которое есть у меня, во имя Отца, – он подержал кольцо над большим пальцем ее левой руки, – Сына, – над кончиком указательного пальца, – и Святого Духа, – над кончиком среднего пальца. – Аминь! – и надел кольцо на ее безымянный палец.

Капеллан королевы произнес благословение:

– Пусть благословит вас Господь, который создал вселенную из ничего! – Потом заключил церемонию чтением «Отче наш» и несколькими другими молитвами и, соединив руки Конна и Эйден, сказал: – Да будут неразлучны те, кого соединил Господь.

Потом он объявил их мужем и женой, благословил и заключил службу освящением вина и пирога, заранее припасенных королевой.

– Благослови, о Господь, этот хлеб и этот напиток, и этот кубок, как благословил он пять хлебов в пустыне и шесть горшков с питьевой водой в земле обетованной, Галилее. Пусть те, кто вкусил от них, будут разумны и рассудительны и имя их будет незапятнано, как имя Спасителя нашего, кто живет и правит с Богом-отцом в единении со Святым Духом.

Свадебная чаша с веточкой розмарина была пущена по кругу, и королевский капеллан благословил поцелуем Конна, который потом поцеловал Эйдена, подобающе порозовевшую. Немногочисленные гости улыбнулись при этом, а королева, подняв кубок, провозгласила тост за новобрачных.

– Счастья, долгой жизни и здоровых детей, лорд и леди Блосс.

Конн взял руку королевы и поцеловал ее.

– Примите мою благодарность, Блосс. Я подозреваю, что наказание, наложенное вами на меня, не слишком тяжелое.

Все выпили вино, а потом королева сказала:

– Пора уезжать, вас не должны видеть. Уже почти рассвело. – Потом, к удивлению Эйдена, Елизавета Тюдор поцеловала ее в обе щеки. – Я буду скучать о вас, моя деревенская мышка, но знаю, что вы будете счастливы. Мы будем с нетерпением ждать вашего возвращения ко двору в следующем году.

Эйден склонилась и поцеловала руку королевы.

– Я никогда не забуду вашей доброты, мадам, – сказала она.

– Будь ласковым с ней, Конн Сен-Мишель, иначе ты ответишь передо мной, – сказала королева, повернулась и покинула часовню.

Мег уже надела свой плащ и помогла надеть накидку своей госпоже, натягивая капюшон, чтобы скрыть лицо Эйдена. Потом дала ей перчатки, подбитые теплым мехом.

Робин вынул из своего камзола несколько черных бархатных масок, которые раздал Конну, Эйдена и Мег.

– Это еще лучше скроет нас, – объяснил он.

Надев маски, они торопливо вышли из королевской часовни и, пройдя через дворец, вышли в сад и спустились к причалу, где их ждала барка. Увлекаемые приливом, они спустились по реке к Гринвуд-Хаусу, где могли переодеться в более удобные одежды, прежде чем начать путешествие на север, в Перрок-Ройял. На реке было сыро и пронзительно холодно. Эйден дрожала, стараясь плотнее закутаться в свой плащ. Небо начало светлеть, но рассвет был серым, и небольшие волны бились о борт барки.

Наконец Робин заговорил, чтобы разрядить неловкое молчание:

– Увидите, карета вполне удобна и тепла, Эйден. Путешествие не будет утомительным.

– Благодарю вас, Робин, ведь невозможно было вызвать мою карету из Перрок-Ройял. Послали ли вы людей вперед, чтобы они заказали нам комнаты в приличных постоялых дворах?

– Конечно. Везде, где мы будем останавливаться, для всех нас будут готовы удобные комнаты. Мег поедет в карете, где будет багаж, вместе со слугой дяди Конна, Клуни, и ей будет так же удобно, как и нам. Я хочу сегодня ехать верхом. Надеюсь, вы извините мое отсутствие.

Конна поразила способность его племянника распорядиться ситуацией и позабавила попытка Робина оставить их с Эйден наедине. Он не знал отца Робина, но, если слухи верные, Робин определенно становился тем, кем был до него его отец, – идеальным придворным. Конн изумился, поняв, что может многому научиться у мальчика.

Барка прибыла в Гринвуд, и Робин легко выпрыгнул на каменный причал. Нагнувшись, он помог Мег выйти из барки. Конн вышел следом и, повернувшись, протянул руку, помогая Эйден подняться на причал.

– Доброе утро, леди Блосс, – сказал он тихо.

– Доброе утро, милорд, – ответила она, лицо ее было печальным, а глаза серьезными.

– Ты распустила свои волосы, – сказал он.

– По обычаю, милорд, невеста оставляет свои волосы распущенными.

– Ты очень красива, Эйден.

– Все невесты красивы.

– Я устроил так, – сказал он, направляясь с ней к дому, – что мы подзаправимся перед поездкой. Потом ты, наверное, захочешь переодеться в более удобное платье. Есть мы будем только вдвоем.

– Вдвоем? – Она встревоженно смотрела на него.

– Мы женаты, Эйден, и тем не менее так мало знаем друг о друге. Я не по доброй воле согласился на этот брак, мне хотелось самому выбрать жену по своему собственному вкусу. Я не собирался жениться и к браку отношусь с опаской. Я едва помню своего отца, который умер, когда я еще лежал в пеленках. Моя мать больше не вышла замуж. У меня шесть сводных сестер. Одна из них монахиня, четверо ожесточившиеся, недовольные женщины, преждевременно состарившиеся из-за трудной жизни в Ирландии. Возможно, поэтому я не захотел оставаться там. За всю свою жизнь я не могу припомнить случая, чтобы мои сестры смеялись со своими мужьями, или вели с ними душевные разговоры, или переживали за них. Мои братья с их женами не намного лучше. Пока я не приехал в Англию, я не знал, что брак может быть приятным. Я узнал об этом от своей сестры Скай. Ты познакомишься с ней через несколько дней, и я хочу, чтобы она понравилась тебе, Эйден. Она невероятно нежная и самая замечательная женщина из всех, кого я знал.

– И тебе хочется иметь жену, похожую на нее, – тихо сказала Эйден сдавленным голосом.

– Я не знаю точно, какую жену мне хотелось бы иметь, Эйден, но, конечно, Скай и Адам не могут быть единственными супругами во всем мире, которые делят радость и горе и уважают личность друг друга. Вот чего я всегда хотел, когда мне пришлось бы время жениться. Я по-прежнему хочу этого.

– Такие вещи приходят, – сказала Эйден, – когда люди понимают и любят друг друга. Мои родители очень любили друг друга и были всегда добры и заботливы по отношению друг к другу. Вот чего я ищу, Конн, поэтому мне кажется, что наши представления о супружеской жизни не очень расходятся.

Они вошли в Гринвуд-Хаус, и Эйден с интересом огляделась по сторонам. Это был красивый дом, небольшой, но вместительный. Служанка подошла, чтобы взять ее плащ, и Конн провел ее по лестнице и широкому коридору в теплую и светлую комнату.

– Гринвуд, – сказал Конн, – принадлежит моей сестре, Скай, но ей запрещено показываться при дворе. Она не приезжает в Лондон. Она была весьма добра, предоставив дом в мое распоряжение.

– А теперь ты отлучен от двора, – усмехнулась Эйден. – Это что – семейная традиция, Конн? Может быть, тебе нужно рассказать об этом?

Он засмеялся глубоким, теплым смехом, получая такое же удовольствие от ее подначки, как и от забавного положения, в котором они оказались.

– Моя сестра и королева очень схожи по характеру, и, как следствие, они часто ссорились. К несчастью для Скай, именно Елизавета Тюдор обладает высшей властью, и поэтому моя сестра обнаружила, что оказалась в Королевском Молверне.

Подошла молодая горничная, и Конн сказал:

– Может быть, ты хочешь привести себя в порядок, Эйден? Нам подадут еду очень быстро.

В спальне она ополоснула лицо и руки в серебряном тазу. Затем решила привести в порядок волосы и стала закалывать их. Конн, увидев это с порога комнаты, запротестовал:

– Нет, Эйден, оставь волосы распущенными.

И, вытащив шпильки из волос, она расчесала их и повернулась, чтобы идти с ним.

Слуги сервировали стол в большой комнате апартаментов Конна. Постелили скатерть тонкого полотна, уставили стол серебряной посудой, а ее маленький свадебный букет украсил середину стола. После дворца в Гринвиче эта большая комната казалась теплой и уютной. Через окна она видела, что рассвет наконец разогнал ночную мглу, но, если верить утреннему небу, день должен был быть серым и хмурым.

Конн помог ей сесть, сказав при этом:

– Если бы при дворе ты носила такие платья, Эйден, я заметил бы тебя, да и любой мужчина, у которого есть глаза.

– Мне хотелось, чтобы на меня обращали внимание из-за меня самой, а не из-за моего лица, фигуры или из-за того, что я богата. – Она засмеялась. – Однако никто не заметил деревенскую мышку королевы. Я была такой же незаметной, как хлебный пудинг, даже с учетом моего роста.

– Когда в следующем году мы вернемся ко двору, я хочу, чтобы ты носила самые красивые платья, моя забавная жена. Мне будет доставлять огромное удовольствие зависть придворных джентльменов, которые не смогли отличить бриллианта от булыжника.

– Боже, Конн Сен-Мишель! Даже ты не заметил этого бриллианта до того, как королева запихнула его в твой карман!

Он снова засмеялся:

– Это правда, Эйден. – Потом помрачнел. – Конн Сен-Мишель, – повторил он. – Конн Сен-Мишель. Что ж, звучит красиво.

– Наверное, нелегко сменить имя?

– Не столько трудно, сколько странно. Как подчеркнула королева, на свете множество людей по имени О’Малли, но без меня больше не будет Сен-Мишелей. Ты понимаешь, душечка, мы являемся основателями новой семьи, новой династии? Будут ли у нас красивые сыновья и дочери, Эйден, жена моя? Сколько бы ты хотела их иметь?

– Ну, думаю, по полдюжины обоего пола, милорд. По крайней мере! Но можем ли мы сначала позавтракать? Я умираю с голоду!

Он радостно ухмыльнулся, обнаруживая, к своему огромному удивлению, что она ему нравится. Королева была права, когда говорила, что его жена умна. За исключением Елизаветы Тюдор, которая была сама по себе законом, он никогда не считал, что ум – достоинство женщины, но сейчас его мнение по этому вопросу менялось.

Слуги подали прекрасно приготовленные и украшенные блюда с яйцами, сваренными в густых сливках и в мальвазии, толстые ломти сочной, розовой ветчины и чашу с печеными грушами и яблоками. Были поданы свежая, еще теплая булка хлеба, горшочек со сладким маслом, небольшая головка сыра и на выбор вино или эль. Конна позабавило, что у Эйден хороший аппетит, она ела охотно и ни от чего не отказывалась. Он старался следить за своими

манерами за столом, ведь она вела себя безукоризненно. Для него же было непривычно делить трапезу с женщиной.

Покончив с едой, она откинулась на спинку стула и объявила:

– Замечательный завтрак. Я забыла о такой еде с тех пор, как уехала из Перрок-Ройял! Королевские повара отлично готовят, но они злоупотребляют приправами, а кушанья не всегда свежие. Я могла распознать тухлятинку, несмотря на специи. Тебе понравились эти яйца? Я попрошу повара дать мне рецепт их приготовления, прежде чем мы уедем.

– Ты интересуешься такими вещами?

– Меня интересует все, что связано с ведением хозяйства и поместья. К этому приучил меня мой отец. А как рос ты, Конн? Я так же мало знаю о тебе, как и ты обо мне.

– Как я рос? – Он минутку подумал, а потом сказал: – Я самый младший сын. Первая жена отца родила шестерых дочерей, прежде чем родился мой старший брат Майкл. Он священник. Его мать умерла при родах, и мой отец быстренько женился во второй раз, выбрав молодую, здоровую девушку, хотя я не сомневаюсь, что его первая жена была достаточно здоровой до всех этих родов. Она родила десять детей, потеряв трех сыновей в младенческом возрасте, прежде чем умерла сама. Моя мать быстро доказала свою плодовитость, чем порадовала моего отца, как мне говорили. Говорили также, что он любил ее до безумия. За долгие годы она родила ему четырех здоровых сыновей. Он умер, когда мне было три года, и в моей памяти остался большой чернородый человек с громовым голосом. Моя мать – ласковая женщина, но, потеряв Дубдхара О’Малли, не могла прийти в себя. Мои братья и я обходились с ней грубо. Только Майкл, наш старший брат, уважал и чтит ее надлежащим образом. Наша сестра Скай, как могла, пыталась взять нас в руки, отослав двух моих старших братьев учиться морскому делу, как это делал до нас наш отец. Потом мой третий брат решил уехать, и наконец дело дошло до меня.

– Тебе понравилось в море? – спросила Эйден.

– Я ненавидел его. Мне всегда становилось плохо при малейшем признаке волнения на море. Брайан, Шон и Симус дразнили меня. Однако когда Скай узнала об этом, она привезла меня домой и отослала в Сен-Брендан, где учился мой брат Майкл. Майкл, конечно, готовился стать священником, но Скай хотела, чтобы я получил образование, достаточное для ведения дел торговой компании, которую она зарегистрировала под именем О’Малли, пытаясь придать нашей семье большую представительность. Наш отец был немногим лучше первоклассного пирата, который заманивал торговые корабли на скалистый берег, а потом собирал добычу. В школе я чувствовал себя не лучше, чем в море, и оставался там ровно столько, чтобы научиться читать и писать. Добрые монахи были рады избавиться от меня. – Он хохотнул. – Я вернулся домой, где моя мать в течение следующих нескольких лет кормила меня. Я перерос свою склонность к морской болезни и в конце концов какое-то время провел в море со своими братьями, но это было не то, чего мне хотелось.

– Как ты оказался в Англии? – продолжала расспрашивать Эйден. Ее потрясла история его грустной жизни, так непохожей на ее собственную.

– Несколько лет назад мои братья вместе с какой-то дальней родственницей занялись морским разбоем и грабили английские корабли. Ее имя Грейс О’Малли, а прозывалась она «Царицей пиратов Коннота». Ее флот значительно укрепился, когда к нему добавились наши корабли. Королеве это не понравилось, и она похитила мою маленькую племянницу, Велвет де Мариско, для того, чтобы моя сестра Скай, ставшая к тому времени главой семьи, помогла ей. Скай предложила королеве выдать моим братьям каперские свидетельства, чтобы они занимались морским разбоем в пользу Англии и расстались с Грейс. Она приехала в Ирландию и уговорила братьев сделать, как она просит. Возвращаясь в Англию, она прихватила и меня. Так я и оказался при дворе. Бесс с самого начала полюбила меня.

– Робин говорит, что, когда ты приехал, у тебя была борода и ты носил клетчатые штаны и плед. Он говорит, что ты едва мог говорить по-английски.

– Это правда, – усмехнулся Конн. – Настоящий ирландский дикарь, как заметил этот молодой маленький лорд, мой племянник.

– Он обожает тебя, – сказала Эйден, не желая, чтобы их отношения омрачились.

– Он влюблен в тебя, – озорно подхватил Конн.

– Что? – воскликнула Эйден, очень удивленная.

– Это, конечно, щенячья любовь, но я получил предупреждение, что должен по-доброму относиться к тебе, иначе мне придется столкнуться с гневом юного лорда Саутвуда.

Эйден ласково улыбнулась.

– Он так добр ко мне, поддержал меня, когда я приехала ко двору пять месяцев назад. Без него я была бы совершенно несчастной.

– Говорят, он похож на своего отца, а Скай, конечно, любила Саутвуда. Мальчик рожден в любви.

– Все дети должны рождаться в любви. Я знаю, что со мной было именно так.

– Твои родители долго знали друг друга до брака?

Эйден рассмеялась.

– Они никогда не видели друг друга до того дня, когда моя мать приехала из Ирландии. Свадьба состоялась почти сразу же. Моя мать была замечательной женщиной. Я никогда не слышала от нее резкого слова. Она всегда казалась веселой. Даже в плохие минуты, когда теряла своих детей, она верила, что в следующий раз все будет по-другому. Она и мои сестры-близнецы умерли, когда мне было десять. Мой отец так и не оправился после ее смерти. Он посвятил себя воспитанию дочери, а я его очень любила.

В дверь постучали, и Уолтерс, мажордом Гринвуд-Хауса, вошел в комнату.

– Милорд, карета готова отправляться в любое время, когда пожелаете. Позвольте сказать, что нам будет недоставать вашей светлости. Нам жаль, что вы уезжаете.

– Благодарю тебя, Уолтерс, но я вернусь на следующий год вместе с леди Блисс. Моя жена должна переодеться. Неудобно путешествовать в свадебном платье. Мы не задержимся.

– Очень хорошо, милорд. Пожалуйста, передайте добрые пожелания от всех слуг лорду и леди де Мариско, – сказал Уолтерс и с достоинством удалился.

– Мне нужна Мег и один из моих сундуков, – сказала Эйден, вставая.

– В этом нет нужды, – ответил Конн. – Я сам помогу тебе. Для тебя приготовлен сюрприз в спальне. Пошли, жена! – И, поднявшись, он взял ее за руку и повел в соседнюю комнату.

Там на кровати было разложено красивое платье с высоким воротником из роскошного коричневого бархата, отделанное золотом. Рядом с ним лежало несколько фланелевых нижних юбок и пара красивых вязаных чулок из некрашеной шерсти. По другую сторону от платья лежал такого же цвета длинный плащ, подбитый мехом, с золотыми крючками-застежками. Рядом с плащом лежала пара флорентийских кожаных перчаток. Мягкая, кремового цвета кожа была расшита мелкими жемчужинами.

Рот Эйден открылся от удивления, что доставило ее мужу еще больше удовольствия.

– Где?.. – начала она. – Как?..

– Твое свадебное платье шила модистка моей сестры. Робин сказал мне об этом. После нашего разговора два дня назад я отправился к ней и попросил, чтобы она сшила для тебя несколько платьев, которые пошли бы к твоим медным волосам. Мне не нравится, что ты всегда ходишь в черном. Понимаю, ты носишь траур по отцу, но сейчас я хочу, чтобы ты носила цвета, которые подчеркивают красоту твоих волос и твоей кожи. У твоего отца были явно старомодные представления о том, как надо одевать тебя.

– Мой отец... – горячо начала Эйден, но Конн не дал ей договорить.

– Твой отец смотрел на тебя как на дочь, однако я смотрю на тебя как муж и как любовник. Теперь повернись, Эйден, чтобы я мог распуścić шнуровку! – И он повернул ее кругом, намереваясь снять с нее платье.

– О-о-о! – Эйден была взбешена. Она вдруг ясно поняла, что осталась наедине с этим мужчиной и он расстегивает на ней платье. Первым побуждением было запротестовать, и слова ярости уже были готовы сорваться с ее губ. Потом она вспомнила, кем был этот мужчина. Он ее муж, и по любому закону, и по английскому, и по Божескому, это давало ему право распоряжаться ее жизнью и смертью. Эйден стояла очень тихо, пока Конн откинул в сторону ее длинные волосы и расстегнул ей платье.

– Теперь, возлюбленная, я оставляю тебя, чтобы ты смогла переодеться в мой наряд. Когда я понадобится тебе, чтобы вновь зашнуровать платье, я вернусь.

Эйден в смятении повернулась к нему.

– Конн!

Он остановился и обернулся.

– Это платье... оно прекрасно! И все остальное тоже.

– Модистка шьет и другие туалеты, но они будут присланы в Перрок-Ройял. Я уговорил мадам, чтобы она срочно сделала одно платье для поездки.

– Благодарю тебя.

Он хмыкнул и вышел из комнаты.

Эйден скинула свадебное платье, страстно желая поскорее примерить прекрасное коричневое бархатное платье. У бархата был легкий золотистый оттенок, а может быть, ему придавала этот оттенок золотая вышивка на лифе или классический кремовый цвет воротника? Она сбросила шелковые нижние юбки и с благодарностью натянула предложенные им фланелевые. Эйден снова оценила внимание Конна, которое в первый раз он проявил, когда прислал ей свадебный букет душистых белых фиалок. Она сняла модные шелковые чулки и натянула на длинные ноги тонкие, как паутинка, шерстяные. Как он угадал необходимую длину? Она была уверена, что у модистки не было этих мерок, и тем не менее чулки сидели великолепно. Потом она увидела около кровати пару коричневых кожаных ботинок прекрасной работы, подбитых кроличьим мехом. Даже не примерив, она уже знала, что они будут впору. Сев на кровать, легко натянула их на ноги. Встав, она наконец была готова надевать бархатное платье, а сделав это, покрутилась перед высоким стенным зеркалом, рассматривая свое отражение. Никогда раньше не замечала она легкого румянца на своих щеках или роскошного цвета медных волос. Поразительно, но Конн понял, как преобразит ее этот цвет.

– Ну вот, – сказал он, подходя к ней сзади и заставив ее вздрогнуть, – позволь мне зашнуровать платье, Эйден. – Закончив, он повернул ее кругом и, осмотрев критически, сказал, улыбаясь: – Я так и знал! Этот цвет идет тебе!

Он тоже переделся в более теплое, практичное платье. Исчез замечательный, расшитый драгоценными камнями камзол. На Конне был простой камзол темно-зеленого бархата, сочетающийся с узкими штанами. Он надел кожаные ботинки до колен и широкий пояс, с которого свисали шпага и короткий кинжал.

– Ты готова? – спросил он.

Эйден прикусила губу.

– Есть одна вещь, которую я должна сделать, милорд, и потом я буду готова.

– Что именно?

Она покраснела.

– Я должна сходить в уборную, милорд.

Теперь пришла очередь Конна покраснеть. Он тихо засмеялся сам над собой.

– Я вижу, присутствие жены заставит меня привыкнуть ко многому. Ни одна женщина ранее не говорила со мной об уборной.

Эйден сумела понять забавность этого обстоятельства.

– Думаю, мне не в последний раз придется упоминать тебе о ней в нашем долгом путешествии. Хотя я и стараюсь выражаться поделикатнее, милорд, не знаю, как сказать об этом по-другому.

– Я тоже буду стараться вести себя поделикатней, миледи. Буду ждать тебя в гостинной. – И, отвесив поклон и озорно подмигнув, он удалился.

Несколько минут спустя Эйден вошла в гостиную. Ее волосы были заплетены в две толстые косы, уложенные на голове.

– Но я люблю, когда у тебя волосы распущены, – запротестовал он.

– Я буду носить их распущенными в уединении нашего дома, но не могу ехать в таком виде или носить их так на людях. Теперь, когда я стала замужней женщиной, это неприлично.

– Ты всегда следуешь условностям, Эйден?

– Да, милорд, я поступаю именно так.

Приблизившись, он пристально посмотрел ей в глаза, медленными и точными движениями вытащил шпильки из ее волос.

– Я не следую условностям, жена, – сказал он, и под его взглядом ей захотелось бросить ему вызов, когда его пальцы расплетали ее косы.

Зеленые глаза, смотрящие ей в лицо, завораживали ее, и так же, как и в прошлый раз, Эйден почувствовала, что у нее останавливается дыхание. От прикосновения его пальцев она вздрагивала. «Почему, – спрашивала она себя, – почему он так действует на меня?» Потом она почувствовала, что у нее закружилась голова, и широко открытым ртом она несколько раз глотнула воздух.

Если Конн и заметил ее необычное поведение, он ничего не сказал. Вместо этого он застегнул золотые застёжки на ее плаще и натянул ей на голову капюшон.

– Ну вот, никто не узнает о твоём непристойном поведении, а я получу возможность наслаждаться их видом во время поездки. У тебя есть перчатки, мадам? Сырость усиливает холод. – Протянув руку, он взял со стола букет и отдал ей. Она кивнула, по-прежнему не произнося ни слова. Он взял ее за руку и повел из комнаты вниз по лестнице, где их ждала карета.

Слуги Гринвуд-Хауса тепло попрощались с ним. Он жил в этом доме больше двух лет, и служить ему было легко. Он оказался человеком вежливым, никогда не забывал выразить признательность за доброту или хорошо выполненное поручение. Хотя с его отъездом их жизнь должна упроститься, они будут скучать, так сказал Уолтерс. Очень жаль, что хозяин... лорд Блисс уезжает именно сейчас, когда у него есть жена. Она не красавица, как леди де Мариско, но они видели, что она леди скромная и добрая по характеру, как раз такая жена, которая ему нужна.

Конн и Эйден расположились в большой, удобной карете Робина. Согретые и завернутые во фланель кирпичи положили к ногам, на колени набросили меховую полсть, маленькую бронзовую жаровню с горячими углями поставили на пол кареты. Сиденья и стенки кареты были обиты темно-зеленым бархатом. В окна даже вставили стекла, а если становилось темно, можно было зажечь маленькие лампы внутри кареты.

Уолтерс в последний раз просунул голову в карету, чтобы убедиться, хорошо ли они устроились.

– Спинка переднего сиденья опускается, милорд. За ней вы найдете корзину со съестным, если проголодаетесь прежде, чем доедете до места. Да поможет вам Господь! – Потом, убрав голову, захлопнул дверь и приказал кучеру трогать.

Они путешествовали зимой, поэтому решили ехать целый день, останавливаясь только для того, чтобы сменить лошадей, которые заранее были расставлены грумами графа в нескольких поселениях. Полагаться на февральскую погоду было опасно, но даже и при самых лучших условиях, чтобы добраться из Лондона до Перрок-Ройял, требовалось несколько дней. К тому

же зимой дни такие короткие! Корзина со съестными припасами, которые можно было пополнять каждый день, поможет им продержаться до вечера, до остановки на ночлег. Кучер и его помощник, сидящие на козлах, также получили полную корзину, и не только для себя, но и для дюжины всадников, которые сопровождали их, чтобы защитить от грабителей. Небольшая карета с багажом, которая ехала вслед за ними, также была обеспечена едой. Слуги поедят, когда будут менять лошадей, но лорд и леди могут есть, когда захотят.

Им потребуется пять дней, чтобы добраться до места, потому что Перрок-Ройял находился за городом Ворчестер, в нескольких милях к западу, к границе с Уэльсом. Была середина зимы, и пейзаж был несколько унылым. Голые деревья, черные и редкие, тянулись вверх к серому небу. Было очень холодно, и, хотя по Темзе еще плавали лодки, у берегов появились забереги, а пруды и озера, мимо которых они проезжали, в большинстве своем замерзли. Время шло, но они не видели особых признаков жизни, за исключением дыма, поднимавшегося из труб фермерских домов, мимо которых они проезжали. Иногда собака с какой-нибудь фермы подбегала с лаем, пытаясь ухватить зубами колеса проезжавшей кареты.

Поздним утром, преодолев расстояние в десять миль, они остановились сменить лошадей у большого постоялого двора. Робин приехал раньше них и заказал горячего вина с пряностями. Эйден была рада выйти из кареты и размять ноги. За несколько минут стоянки, которые они позволили себе, слуги постоялого двора снова нагрели кирпичи на огне и снова завернули их, заменив и угли в жаровне.

Забравшись в карету, она почувствовала, как после вина ей захотелось спать. Монотонное покачивание кареты убаюкивало ее. Веки налились тяжестью, и она не помнила, как заснула. Когда она проснулась, темнело, потому что день кончился, и она обнаружила, что сидит, примостившись рядом с Конном, головы их касаются друг друга. Он тоже задремал. В карете было холодно, у нее замерзли ноги, но там, где его рука обнимала ее, было тепло и уютно. Она не шевелилась. Свет угасал, быстро наступавшая чернильная тьма предвещала снег. Впереди она увидела огни какой-то деревни или постоялого двора и почувствовала, что карета замедляет ход. Она поняла, что они приближаются к ночлегу, и испытала легкое разочарование – так приятно лежать в полумраке рядом с ним!

Конн проснулся раньше и понял, что она не спит. Но, почувствовав, что она считает его спящим, не шевелился, откровенно наслаждаясь ее близостью. Он знал, что, если заговорит, она вынуждена будет разрушить эту близость. Сон смягчил лицо Эйден, и он смог изучить его. У нее красивая кожа, и черты лица приятные, однако лоб слишком высокий, а нос немного коротковат. У нее густые, короткие рыжеватые ресницы и тонкие брови, которые дугами изгибались над глазами, цвет которых он по-прежнему не мог определить. Ямочка на ее подбородке не глубока, но сам подбородок, по его мнению, говорил о твердости характера. Больше всего ему нравился ее рот. Он был большим, широким, но не уродливым, и, как ему казалось, необыкновенно притягательным.

Сегодня вечером он должен поцеловать этот рот, но, вспомнив, как он делал это в последний раз, он передумал. Сегодня он должен научить ее, как нужно целоваться. Он улыбнулся про себя. Мысль о том, что он будет выполнять роль учителя, почему-то доставила ему удовольствие. Ей приятны его поцелуи. И на Двенадцатую ночь, и два дня назад, когда они познакомились, она таяла в его объятиях. Потом ему в голову пришла новая мысль. Действительно ли она получала удовольствие от его поцелуев или это происходило просто от ее неопытности? Она и в самом деле неопытна. Он не мог представить себе, что девушку, достигшую возраста его жены, никогда не целовали и не обнимали, но поведение Эйден убедило его, что она говорит правду.

Сегодня. Сегодня будет их брачная ночь. Впервые в жизни он имел законное право делить постель с женщиной, но не знал, должен он делать это или нет. Недостаточное знакомство со своей партнершей по постели никогда прежде не мешало ему получать удовольствие от жен-

щины. Но эта женщина была его женой. Ему предстояло жить с ней до тех пор, пока смерть не разлучит их. Это отрезвляло. Что она знает о брачных отношениях? Конечно, мать объяснила ей, но потом он вспомнил, что ее мать умерла, когда Эйден была еще ребенком. Что касается отца, то Конн сомневался, чтобы ее отец снисходил до таких объяснений. Никогда прежде он не спал с девственницей, даже в самый первый раз, когда, накачавшись виски, в приступе похоти, как молодой козел, поймал какую-то коровницу и кувырчался с ней под кустами. К его удивлению, она ничуть не смутилась и сама помогала ему, подбадривая его негромкими довольными выкриками. Ободренный этим приключением, Конн занялся другими женщинами и обнаружил у себя явный талант к любовным делам.

На материке, через пролив от его родного острова Иннисфаны, на него обратила внимание стареющая женщина, вдова дворянина, которую звали Пегги Бреди. Пегги научила его терпению, научила и самого получать большое удовольствие. Она обучила его ласкам и поцелуям, которые усиливали страсть и возбуждали, а когда поняла, что учить его больше нечему, отпустила его, как будто он был обыкновенным школьником. Он остался благодарен Пегги. Другой мужчина мог бы предъявить права на жену, но Конн уже решил, что Эйден должна поближе узнать его, почувствовать себя с ним уютно и, может быть, даже полюбить его. Сегодня вечером он скажет ей об этом; он скажет ей, что в этом отношении ей не надо его бояться.

Впереди были видны огни постоялого двора, где им предстояло остановиться на сегодняшнюю ночь. Зевнув, он потянулся, сел и сказал:

– Ты проснулась, Эйден? Через несколько минут мы будем в «Королевской голове».

– Я проснулась, милорд. Вижу, что прошлой ночью ты спал так же мало, как и я. Я все еще чувствую усталость.

– Ты почувствуешь себя лучше после горячего ужина, душечка, – сказал он.

– Мы ни разу не попробовали еду, которую гринвудские слуги приготовили для нас.

– Не важно, – сказал он. – Так холодно, что она долежит до завтра.

Карета вкатилась во двор постоялого двора «Королевская голова» и не успела остановиться, как хозяин торопливо открыл дверь кареты:

– Добро пожаловать, милорд, миледи! Ваши комнаты готовы, и горячий ужин ждет вас!

Конн выпрыгнул из кареты, а потом повернулся и на руках вынес Эйден. Следуя за хозяином, они увидели, что на первом этаже приготовлены две славные комнаты, в каждой из них был камин. Мег и Клуни торопились за ними, каждый из них суетился, желая помочь своему хозяину и хозяйке.

– Возьми плащи! – крикнула Мег слуге Конна.

– А кто ты такая, чтобы приказывать мне, миссис Мег?

– Носить плащи – это обязанность мужчины там, где есть мужчина, чтобы делать эту работу, – ответила она. – Башмаки – это тоже обязанность мужчины. Совершенно ясно, что ты не знаешь своих обязанностей.

– Не знаю своих обязанностей? – Клуни был совершенно взбешен. – Да будет тебе известно, миссис Мег, что я прослужил у его светлости последние шесть лет, и от него не было ни одной жалобы!

– Как он мог жаловаться? Он знает не больше, чем ты.

– Мег! – В голосе Эйден слышался легкий упрек, чему она сама удивилась. Ведь Мег вырастила ее, и ей никогда не приходилось по-серьезному бранить свою служанку. – Я не хочу, чтобы ты и Клуни ссорились. Вы обязаны подавать пример остальным слугам Перрок-Ройял. Когда мы приедем домой, я установлю для каждого из вас определенные обязанности, но пока вы сами должны поделить их между собой.

У Мег был сконфуженный вид. Она неожиданно поняла, что ребенок, которого она с любовью растила, стал женщиной.

Эйден повернулась к Клуни.

– У нас не было времени, чтобы познакомиться, Клуни, но, судя по изысканному платью моего мужа, ты хорошо заботишься о нем. Прошу тебя, забери наши плащи. Они тяжелые, а Мег такая маленькая, ей тяжело нести их.

Клуни метнул в сторону Мег взгляд, который откровенно говорил, что ее хозяйка по крайней мере умеет себя вести, а потом, ловко поклонившись, взял сначала плащ Эйден, а потом – Конна.

– Благодарю, миледи.

– Разложи мои ночные вещи, Мег, а потом пойдешь поесть.

– Вы хотите принять ванну, миледи?

– Нет, не сегодня.

Мег поклонилась и отправилась выполнять указание своей госпожи, пока Клуни, развесив плащи в шкафу, раскладывал ночные вещи своего хозяина. Ни Мег, ни Клуни не уходили до тех пор, пока другой не закончил свою работу, а когда они оба ушли, Конн и Эйден посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Как ты думаешь, они когда-нибудь полюбят друг друга? – спросил Конн. – Твоя Мег – драчливый маленький терьер в женской юбке.

– Не думаю, что она может запугать твоего Клуни. Она просто очень ревностно относится к своим обязанностям и ко мне. Она вскоре привыкнет к вам обоим.

Торопливо вошла жена хозяина постоянного двора с двумя служанками. Они накрыли на стол и начали подавать ужин. На буфете выстроились в ряд накрытые крышками блюда и тарелки, источающие разнообразные ароматы. Были поданы два графина вина и два охлажденных кувшина, один с темным элем, а другой с сидром.

– Мы сами себя обслужим, – сказал Конн жене хозяина постоянного двора.

Хозяйка просияла и, кивая головой и пятясь, вышла из комнаты.

– Ты совершенно очаровал ее, – заметила Эйден. – Она потеряла дар речи.

– Да, на некоторых женщин я, кажется, произвожу странное впечатление, – признался он. – Ты голодна?

– Да! Я всегда голодна, и Мег говорит, что в день я ем столько, сколько наемный работник, который трудится в поле. Это, по ее словам, неприлично для леди. Надеюсь, мой аппетит не будет возмущать тебя. Кажется, я не толстею, несмотря на мою страсть к вкусной еде.

– Мне не нравятся женщины, которые ковыряют в своей тарелке, – сказал он. – Ешь от души, потому что Робин не будет сегодня ужинать с нами, – сказал Конн.

– Почему?

– Думаю, он старается быть скромным. Кроме того, это наша первая брачная ночь.

– Конечно, – согласилась она и, подняв крышку с одного из блюд, воскликнула: – Перепел! О, я очень люблю перепела! – И положила себе одну из маленьких птичек, поджаренных как раз в меру.

Конн мягко улыбнулся. Она нервничала.

– Положи мне тоже одну птичку, мадам, – попросил он.

Эйден положила мужу на тарелку перепела, толстый ломоть говядины, кусок пирога с кроликом, полную ложку мелких белых луковичек, тушенных в молоке и в масле, и ложку моркови. На отдельной тарелке она подала ему щедрую порцию мидий, сваренных в белом вине, и полила их сверху дижонским горчичным соусом.

– Что ты будешь пить, милорд?

– Эль.

Она налила ему полный кубок, а потом, поставив его на стол, подала ему салфетку. Сидя напротив нее, он видел, что ее тарелка так же полна, как и его, и ни один из них не сказал ни слова, пока они жадно ели. Она отломала ломоть хлеба от круглой деревенской булки и подала

его Конну, потом отломила ломоть себе и подобрала им подливу со своей тарелки. Она пила белое вино – несколько многовато, как показалось ему, когда она наполнила кубок в третий раз.

Наконец она откинулась на спинку стула с довольным выражением на лице и сказала:

– Больше не могу есть!

– На буфете пирог с крыжовником, – сказал он.

Она с сожалением покачала головой:

– Не могу. Не сейчас. Я устала. Утром пришлось так рано встать, да я и не спала большую часть ночи. Сейчас хочу лечь спать.

– Иди и готовься ко сну, мадам, – сказал он. – Позволь мне помочь тебе с платьем. – Он повернул ее и расстегнул платье.

Эйден даже не оглянулась на него. Она прошла в спальню и, войдя в комнату, закрыла за собой дверь. В замке был ключ. Она тихо повернула его. Сегодня он не войдет в эту комнату. Она приняла это решение две ночи назад, когда они впервые познакомились. Ее мать приехала из Ирландии, чтобы выйти замуж и разделить ложе с незнакомым мужчиной, но тот случай был иным. Бевин воспитывали так, что она была подготовлена к этому. С ней же все иначе. Эйден всегда предполагала, что, когда придет время выходить замуж, она будет хорошо знать своего суженого.

«Ты же выбрала его, – говорил ей ее внутренний голос. – Почему ты выбрала его, если ты не хочешь его?»

– Я очень хочу его, – прошептала она, – но до этого мы должны лучше узнать друг друга. Я не хочу походить на других девок, с которыми он имел дело.

Сняв платье, она аккуратно развесила его на стуле, потом сложила стопкой нижние юбки, сорочку и чулки. Мег положила на кровать шелковую ночную рубашку, и Эйден натянула ее через голову. У рубашки был высокий воротник с розовыми лентами, которые она завязала, и широкие рукава, отделанные кружевом. Эйден не торопясь умыла лицо, руки и прополоскала рот водой из таза, которая грелась в камине. Потом расчесала волосы и наконец, натянув маленький батистовый ночной чепчик и завязав бантом розовые ленты, забралась в удобную кровать напротив камина. Она уже засыпала, когда голос за дверью позвал ее:

– Эйден, можно мне войти?

Она насторожилась и не знала, отвечать ей или нет. Наконец она решила притвориться, что уже заснула.

Он постучал в дверь.

– Эйден! С тобой все в порядке? Ответь мне!

В его голосе слышалась тревога, и она почувствовала себя виноватой.

– Я легла спать, милорд, – сказала она тихонько.

– Я тоже хочу лечь спать, Эйден. Открой дверь.

– Ты будешь спать в гостиной, милорд.

– Неужели? – В его голосе прозвучала угроза.

– Ты не можешь ожидать, что я охотно впущу в свою постель мужчину, которого плохо знаю, милорд. Я не какая-нибудь ветреница, как те женщины, с которыми ты имел дело при дворе!

– Меня вряд ли можно назвать незнакомцем, Эйден. Я твой муж.

– Но я не знаю тебя! – простонала она, а потом тихонько взвизгнула, когда дверь в спальню распахнулась от удара.

С минуту его силуэт был четко виден в дверном проеме и казался таким большим, что ей вдруг стало страшно.

– Мадам! Между нами не будет запертых дверей, никогда! Ты поняла меня?

– Если ты подойдешь еще ближе, – выпалила она в ответ, – я подниму воплями весь постоянный двор.

Она прижала простыни к груди, в свете камина было заметно, как косточки ее пальцев побелели.

– А переполошив воплями постоялый двор, что ты расскажешь тем, кто придет, Эйден? Что случилось, чего надо бояться?

Она подняла лицо и вызывающе посмотрела на него.

– Я закричу, – повторила она свою угрозу.

Он сел на край кровати, и она ахнула, но он угрожающе сказал:

– Если ты закричишь, я поколочу тебя!

Пораженная, она плотно сжала губы.

– Так-то лучше, – сказал он. – А сейчас послушай меня, моя жена, тебе не надо бояться меня этой ночью или в любую другую ночь. Я уже понял, что ты гораздо наивнее большинства шестнадцатилетних девушек, не говоря уже о двадцатитрехлетних. У меня никогда не было необходимости прибегать к насилию, и то, что ты по праву принадлежишь мне, не изменило моего мнения в этом отношении. Я собираюсь раздеться и лечь в эту постель, но между нами ничего не будет, Эйден, пока ты не созрешь для этого. Ты поняла меня?

Она кивнула, но потом спросила:

– Почему ты должен спать в этой кровати?

– Потому что другой нет, а здесь чертовски холодно. Когда мы приедем в Перрок-Ройял, мы можем иметь отдельные спальни.

– В Перрок-Ройял только одна хозяйская спальня. Это не самый большой дом в мире, милорд.

– Тогда мы оставим все так, как договорились, но я никогда не буду брать тебя силой. – Он встал с кровати и стал раздеваться перед камином.

Она никогда раньше не видела мужского тела. Любопытствуя и страшась, следила за ним сквозь полуприкрытые глаза. Он такой огромный. Одежда часто увеличивала мужчину, но в случае с Конном это было не так. Его длинные, стройные ноги переходили в упругие ягодицы, которые заканчивались узкой талией, расширяющейся к спине и плечам. Когда он повернулся, чтобы умыться в тазу, который оставил ему Клуни, Эйден зажмурилась. Она не была еще готова увидеть все! Она почувствовала, как кровать прогнулась под его весом, и мгновенно напряглась.

– Ты уже спишь? – спросил он ласково.

– Н-нет.

– Тогда иди ко мне, – тихо сказал он и положил ее на свою руку, так что ее голова легла ему на плечо. – Вот так! Разве так не уютно, Эйден? Ты поцелуешь меня на ночь?

– Если хочешь, милорд.

Проклятие! Она чувствовала себя такой дурой! Он так благоразумен, так бережно относился к ее чувствам. Неужели это тот мужчина, который пользовался репутацией повесы и развратника? Почему он так добр?

Конн приподнялся на локте и посмотрел на нее.

– Скажи мне правду, Эйден. До Двенадцатой ночи, когда я получил причитающийся мне штраф во время нашей игры в жмурки, ты когда-нибудь целовалась? Играла ли ты когда-нибудь в игры, которыми так увлекаются мужчины и девушки при дворе?

– Нет, – тихо ответила она.

– За тобой когда-нибудь ухаживал мужчина?

– Нет.

– Тогда за тобой нужно ухаживать, любимая, потому что я не могу лишиться тебя той радости, которую должна испытать каждая девушка. – Он наклонился и коснулся ее губ своими губами.

Эйден почувствовала, как дрожь пробежала по ее телу, когда он коснулся ее, и ее губы разжались. Она начинала понимать, почему так много женщин уступают Конну. Он умел убеждать и был романтичным мужчиной.

– Вот так, душечка, – пробормотал он, прижимаясь к ее губам. – Позволь мне полюбить тебя немного. Я не обижу тебя.

Он целовал ее шею и впадинку за ухом. Она задрожала, когда его рот оказался в этом месте. О-о-о! Она вспыхнула, стыдясь проявления своих чувств, но кажется, это доставило ему удовольствие. Его пальцы скользнули в ее волосы и обхватили ее голову. Он поцеловал ее ухо, издавая при этом нежное бормотание. Она чувствовала, как возбуждается сама, и подумала, что, если бы знала, чего он хочет, она бы позволила ему сделать это. «Я чего-то хочу, но не знаю чего! Должна ли быть жена такой бесстыдной? О Боже, хотела бы я знать! И тем не менее я не хочу, чтобы он считал меня еще одной легкой добычей, чтобы я надоела ему так же быстро, как и остальные...» Она была сладостной! Великий Боже, его восхитительная невинная жена оказалась такой сладостной. Он был потрясен, когда неожиданно ему в голову пришла мысль о том, что Эйден именно та женщина, которую он искал всю свою жизнь! Он не понял, как он узнал об этом, но знал, что это так. В это самое мгновение его желание стало быстро возрастать. Он хотел заниматься любовью с этой девушкой, с которой он встретился всего два дня назад. Ему хотелось сорвать аккуратную ночную рубашку и погрузиться в ее мягкость. Теплый сладкий запах ее тела, пахнувшего лавандой, дразнил его, но, как более опытный из них двоих, он должен обращаться с ней ласково и нежно. То, что произойдет между ними сегодня ночью, определит характер их супружеской жизни. Он пожалел о том, что они так мало знали друг друга.

– Тебе нравится, когда тебя целуют, душечка? – нежно спросил он.

Слегка смущаясь, она открыла глаза и взглянула на него. В первый раз он смог точно определить цвет ее глаз. Они были серыми, серебристо-серыми с крошечными золотистыми искорками, которые напомнили ему листья на воде пруда в октябре. Ее взгляд был застенчивым, но твердым.

– Да, милорд, – сказала она тихо. – Мне нравятся твои поцелуи, – и неожиданно в ее глазах мелькнул огонек, – но ведь мне не с чем сравнивать их, поэтому мое суждение не может быть правильным.

Конн тихо засмеялся, одновременно чувствуя что-то похожее на смущение. Она, конечно, чрезмерно честна.

– Поскольку я не собираюсь заставлять тебя делать сравнения, душечка, я рад, что доставляю тебе удовольствие. Сейчас спи, Эйден, жена моя. Завтра мы должны рано выезжать. Мне что-то не нравится погода, а нам надо проехать еще много миль. Подозреваю, что надвигается снежная буря. Остается только надеяться, что мы доедем до Перрок-Ройял прежде, чем она начнется.

Эйден улыбнулась, а потом, повернувшись на бок, постаралась заснуть. Повернувшись к ней, Конн прижал ее к себе. Сердце Эйден подпрыгнуло, когда он легко поцеловал ее в шею, но потом отодвинулся и вскоре тихонько захрапел. Она чувствовала на своем затылке его дыхание, которое слегка щекотало ее. Лежа в его объятиях, она обнаружила, что ей нравится такая супружеская близость. Эта близость теплым медом залила все тело, расслабляя ее, и она глубоко вздохнула, а когда сделала это, его объятие стало чуть-чуть сильнее. Она уснула с легкой счастливой улыбкой на лице.

Глава 4

На следующее утро, к своему удивлению и смущению, Эйден была разбужена быстрым дразнящим поцелуем. Конн уже встал и оделся, хотя за окном было еще темно. Эйден обрадовалось, что в камине горел огонь, но, несмотря на это, полы были холодными как лед.

– Доброе утро, душечка! Ты выглядела такой миленькой и так спокойно спала, что мне было жалко будить тебя. Однако уже начало пятого, а мы должны выехать самое позднее в пять. В гостиной накрыт скромный завтрак, ничего особенного, только немного овсяной каши, хлеб, мед и вино, но этого хватит, а жена хозяина собирает нам большую корзину в дорогу.

Его энергия поразила ее. Она и не подозревала о такой активности, однако они так мало знакомы. Все ее знание ограничивалось восхищенными рассказами его племянника и придворными сплетнями, которые загадочным водоворотом окружали ее мужа, самого красивого мужчину двора. Конн был личностью, о которой восхищенные мужчины и женщины слагали легенды, но очень немногое в этих рассказах раскрывало настоящего человека, человека, которого она только сейчас начинала узнавать. Она увидела за внешностью галантного, красивого и изысканного придворного чрезвычайно способного человека.

– Благодарю, милорд. Как предусмотрительно с твоей стороны подумать о горячем завтраке. У меня волчий аппетит! – Она соскочила с кровати, поморщившись от прикосновения к холодному полу.

Они тронулись с постоялого двора незадолго до пяти утра. До восхода оставалось еще два часа, но убывающая луна, то показывающаяся, то скрывающаяся за тучами, освещала дорогу своим неверным светом. В течение следующих нескольких дней погода продолжала портиться, но снег пошел только тогда, когда показались трубы Перрок-Ройял.

Конн пришел в восторг, впервые увидев Перрок-Ройял. Это был очень старый дом из серого камня, все четыре стены которого плотно обвивал темно-зеленый плющ. Дом был построен в 1460 году каким-то дворянином, который, пытаясь снискать благосклонность короля, соорудил на своих землях простенький охотничий домик. Он был не очень большим и предназначался для пребывания в нем всего нескольких охотников. Сен-Мишели не знали, получил ли хозяин дома какой-то щедрый дар от своего монарха, но в исторических записях отмечалось, что королевская семья посещала Перрок-Ройял всего лишь два раза. Первый лорд Блисс определил, что дом прочный. Но для того чтобы семье было удобно жить в нем, требовалось сделать многое. Он перестроил Перрок-Ройял, увеличил окна и добавил несколько кирпичных труб, которые возвышались над остроконечными, занесенными снегом крышами из котсуолдской черепицы. Он оставил первый этаж здания практически нетронутым, но на втором этаже, по словам Эйдена, многое переделал. Она рассказала мужу, что там, где был когда-то единственный большой зал, сейчас находилось несколько спален, расположенных вдоль главного коридора.

Первоначально в поместье входило двести акров оленьего парка, от которого и пошло название поместья. На старом английском Перрок-Ройял означало «Королевский парк». Однако олени не принесли доходов, содержимое скудного королевского кошелька не увеличилось. Поэтому Генрих VII подарил это небольшое поместье прадеду Эйден в обмен на его великодушные по отношению к принцу Артуру.

Карета прогрохотала по подъездной аллее и остановилась перед парадным входом. В тот же момент приоткрылась сводчатая дубовая дверь и несколько слуг поспешили помочь пассажирам. Дверь кареты распахнулась, ступеньки опустились, и внутрь протянулась рука, чтобы помочь Эйден сойти вниз.

– Добро пожаловать домой, госпожа Эйден! – приветствовал седовласый дворецкий.

– Благодарю тебя, Бил, но сейчас меня зовут леди Bliss, а этот джентльмен – новый лорд Bliss. – Она помахала рукой в направлении Конна, который вышел из кареты вслед за ней. – Давайте войдем внутрь. Все слуги собрались? Я все объясню.

Они поспешили войти в дом через крытое крыльцо, ведущее в длинный коридор. Эйден прошла в большой зал, который находился по правую руку и был отделен от коридора двумя великолепными резными ширмами, установленными по обе стороны от входа.

В Большом зале толпилось около двадцати человек, но при появлении Эйден все разговоры стихли и все лица как одно расцвели улыбками.

– Добро пожаловать домой, госпожа Эйден, – хором сказали они.

Эйден счастливо улыбнулась в ответ.

– Благодарю, – ответила она на приветствие. – Я скучала без вас. Я вернулась домой и привезла приятный сюрприз. Вы знаете, мой отец отдал меня под попечительство ее величества и попросил, чтобы королева сделала две вещи: нашла мне хорошего мужа, а мой муж взял бы наше семейное имя для продолжения рода Сен-Мишелей. Этот джентльмен – мой муж, Конн Сен-Мишель, лорд Bliss. Он ваш новый хозяин. Надеюсь, вы все будете служить ему так же преданно, как моему дорогому отцу и мне.

Бил, который был дворецким и старшим над слугами, выступил вперед. Это был пожилой человек, среднего роста, но с величавой осанкой, которую подчеркивали его снежно-белые волосы.

– Добро пожаловать домой, милорд, – сказал он. – Если позволите, я представлю слуг.

Конн кивнул.

– Госпожа Бил, моя жена, домоправительница, – начал он, а потом представил Эрвину – кухарку, Леому – прачку, Ранкина – садовника, Хейга – главного грума, Мартина – кучера и Тома, его помощника. Потом последовали четыре лакея, четыре горничные, две кухонные девушки, мальчик для поручений, точильщик ножей, две помощницы прачки, четыре человека, которые помогали в саду, двое из четырех конюших. Остальные в настоящее время были заняты каретой и лошадьми молодого графа Линмута.

Каждому слуге Конн признательно кивал, улыбаясь обаятельно всем женщинам, которых мгновенно очаровал.

– Благодарю вас за добрый прием, – сказал он. – Надеюсь, вы так же тепло примете в свою компанию моего камердинера Клуни.

– Мы приехали из Гринвича, – сказала Эйден, – в карете графа Линмута. С его светлостью мы расстались в Ворчестере. Он верхом поехал в поместье своей матери Королевский Молверн, но из-за непогоды его карета и кучер останутся здесь, пока буря не прекратится. Проследите, чтобы их хорошо устроили.

– Конечно, миледи, – сказал Бил и отпустил слуг. – Если вам больше ничего не нужно, миледи...

Кивком головы Эйден отпустила его.

– Прекрасный зал, – заметил Конн, с любопытством оглядываясь по сторонам. Слуги ушли, и они остались одни.

– Правильно, – согласилась Эйден.

Она очень гордилась своим домом. Ей понравилось, что Конн оценил его красоту.

– Мой отец настелил здесь деревянные полы. Под ними находятся прежние, каменные полы, которые прекрасно служили, пока мы пользовались камышовыми циновками, но мой отец предпочел красивые восточные ковры.

– Так же, как и я, – сказал Конн. – Они чище и теплее, и не возникает искушения бросать кости на пол, когда он застелен ковром.

Зал был просторный, почти квадратный, у одной стены был большой камин с каминной полкой, украшенной тонкой резьбой, с сидящими львами, увенчанными коронами, которые

поддерживали полку своими головами. Переднюю панель каминной полки украшал фриз с вырезанными на нем виноградными лозами и фруктами. На полке стояла пара тяжелых серебряных канделябров, в которых горели тонкие восковые свечи. На противоположной от камина стене находилось окно с эркером, которое выходило на запад и позволяло яркому солнечному свету заливать зал даже в зимний день. На другой стороне комнаты было такое же окно, смотрящее на восток. Восточное окно фактически не являлось частью Большого зала, оно скорее относилось к коридору за пределами Большого зала, где располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Однако двери между лестничным коридором и Большим залом не было, и потому свет из восточного окна мог беспрепятственно проникать в зал.

За Большим залом находились две комнаты: одна небольшая, другая среднего размера. Меньшая из этих двух комнат использовалась как контора поместья. Вход в нее был со стороны лестничного коридора. Большая комната была семейной гостиной. В нее можно было попасть через контору. В этой комнате располагался прекрасный камин, окна выходили на запад, тогда как в конторе было всего лишь одно маленькое окно. Остальная часть первого этажа дома была отдана под кладовые, кухни, буфетную и семейную часовню – небольшое помещение, расположенное в средней части дома, рядом с крыльцом. Это была красивая комната с двумя высокими сводчатыми окнами, с яркими цветными витражами, свидетельствами богатства Сен-Мишелей. В погребках под первым этажом располагались прачечная с каменными лоханями и очагом для подогрева воды, пивоварня, винный погреб и комнаты для слуг.

Конну понравилась обстановка дома. Тяжеловесная мебель была сделана из дуба, приятно потемневшего от времени. Потолок Большого зала отделан резными дубовыми панелями, контрастировавшими с белыми, оштукатуренными стенами, на которых висели три мастерски выполненных гобелена. Комнаты хорошо освещались настенными железными светильниками и высокими треножниками с острями, на которые насаживались свечи.

Эйден повела мужа наверх. На втором этаже дома располагалось пять спальных комнат. Хозяйская спальня занимала всю ширину здания с южной стороны, остальные четыре комнаты шли вдоль западной стены. Входить в них нужно было из светлого коридора. Хозяйская спальня была просторной, другие тоже достаточно большие, и в каждой комнате был свой камин, что являлось величайшей роскошью. На чердаке находились комнаты для слуг.

Конн остановился в центре их спальни, широкие деревянные доски пола которой были застланы толстым турецким ковром. В камине горел веселый огонь, в воздухе носился сладкий аромат сухих лепестков.

– Это прекрасный дом, Эйден, – тихо сказал он. – Это не просто жилище, это семейный очаг. Мы можем быть здесь очень счастливы, женушка.

– Это всегда был счастливый дом, Конн, – ответила она. – Это небольшой, но хороший дом для семьи.

– Для семьи? – нежно передразнил он. – А как, мадам, ты намерена устроить ее?

Эйден вспыхнула.

– Мы женаты всего пять дней, сэр, – возразила она. – Ты обещал мне, что будешь терпелив.

– Я и буду таким, Эйден, но, пока мы не заживем вместе как муж и жена, детей не будет. Мы женаты, и изменить этого нельзя. Чем дольше ты будешь колебаться, тем труднее тебе будет отдаться мне. – Он обнял ее. – Послушай, душечка, мы нравимся друг другу, а это хорошее начало, лучше, чем у многих.

Она оттолкнула его.

– Неужели каждая знакомая тебе женщина должна немедленно оказываться в твоей постели? Я неопытна в отношениях между мужчиной и женщиной, но я не буду вести себя как все эти высокородные шлюхи, которые согревали тебе спину прошедшие два года!

Конн захохотал.

– Так вот что тревожит тебя, Эйден, моя пылкая женушка? Не думаешь ли ты, что я могу сравнить тебя со всеми этими изящными дамами, которые оказались так добры к молодому ирландцу, оторванному от своего дома? Милая, ты моя жена! Между женой и любовницей есть разница.

– Какая разница? – подозрительно спросила она.

Он заставлял ее чувствовать себя глупой, и это ей не нравилось.

– Жена отличается от других женщин.

– Неужели? – Она скрестила руки на груди, притопывая одной ногой и не отводя от него сердитого взгляда.

Неожиданно Конн почувствовал себя неловко. Взгляд Эйден сверлил его, и он сказал, запинаясь на каждом слове:

– Жену... ж... же... жену нужно уважать! Нежно любить! – торжественно закончил он.

– А любовницу не нужно? Бедная женщина доверяет тебе свое доброе имя, и за это ее презирают? Это несправедливо!

– Эйден, черт возьми! Я не это имел в виду!

– Тогда что же именно? Я очень хочу понять, Конн! Когда ты во всем разберешься, надеюсь, ты мне расскажешь! – Потом, махнув юбками, она вышла из комнаты, оставив его стоять с раскрытым ртом.

Как, черт побери, она добилась этого? Только что он старался установить с ней нормальные супружеские отношения, а минуту спустя она совершенно сбила его с толку, потребовав объяснить, чем она отличается от других женщин. Неожиданно Конн засмеялся. Он понял, какую шутку с ним сыграли. Она чертовски умная девушка! Ему предстоит потрудиться, чтобы перехитрить ее. Спустившись следом за ней в Большой зал, он увидел, что она дает распоряжения Билу в отношении ужина.

Потом неожиданно в дверь громко постучали. Бил поспешил открыть. Эйден пошла за ним, заинтересовавшись, кто бы это мог быть в такую бурю, на ночь глядя. Бил открыл тяжелую дубовую дверь, и с порывом ветра и хлопьями снега вошли два закутанных в плащи человека. Один из них был высоким мужчиной, выше, чем Конн, с красиво подстриженной черной бородой и ярко-голубыми глазами. Его спутник откинул отороченный мехом капюшон плаща, и Эйден оказалась лицом к лицу с красивой женщиной. Ее совершенное лицо имело форму сердца, глаза были замечательного сине-зеленого цвета, а на голове грива черных локонов. Она сразу поняла, что перед ней сестра Конна, и ее сердце упало. Разве можно сравнивать ее с такой женщиной?

– Скай! – Конн рванулся вперед и обнял свою старшую сестру. – Как, черт возьми... Я хотел сказать, что заставило вас выйти из дома в такую ночь?

– Что заставило меня выйти из дома? – Голос ее был мелодичен. – Неожиданно появляется Робин и говорит мне, что тебе запретили показываться при дворе и что ты в Перрок-Ройял, менее чем в миле от меня, а потом оглушительно хохочет и говорит, что у тебя есть сюрприз для меня. Что ты наделал, маленький бесстыдник? Я думала, ты сумеешь веревки вить из этой суки Тюдор. Почему тебя прогнали? На какое время? Почему ты здесь?

Пока она выпаливала свои бесконечные вопросы, ее спутник повернулся к Эйден.

– Я Адам де Мариско, – сказал он тихо.

– Я Эйден Сен-Мишель, – ответила она.

– Молодая наследница? Конечно! Мы приезжали к вам с визитом после смерти вашего отца, но слуги сказали, что вы уехали ко двору.

– Отец хотел, чтобы королева подыскала мне мужа, милорд.

– Мужа? – В глазах Адама мелькнул огонек, и, посмотрев на Конна, он снова перевел вопросительный взгляд на Эйден.

– Да, милорд, – подтвердила она. Увидев ее проказливую улыбку, он понял, что она очень мила, и засмеялся.

Привлеченная их разговором, Скай повернулась к мужу.

– Что тебя так веселит, Адам? – спросила она.

– Ну, Конн, ты сам скажешь ей или это сделать мне? – хохотал Адам.

– Я женился, Скай. – Конн взял Эйден за руку и потянул к себе. – Это моя жена, Эйден Сен-Мишель. Эйден, это моя сестра, леди де Мариско.

– Бесс выгнала тебя за то, что ты женился! Это так похоже на эту высушенную старую деву.

– Нет, нет! – Конн начал смеяться. Его сестра и королева всегда ссорились. – Моя дорогая сестрица, я лягался и возмущался, когда меня тащили к алтарю.

– Что? – Скай удивилась, а потом прищурилась и с силой ударила своего брата по руке. – Ты соблазнил бедную девушку? – в бешенстве спросила она.

– Нет, мадам. – Эйден начала понимать нелепость ситуации. Только она может объяснить, в чем дело, потому что и Конн, и Адам корчились от смеха.

– Нет? – спросила Скай. – Тогда почему вы поженились, если он не соблазнил вас и не увез вас тайком?

– Конн, я боюсь, мужчина довольно пылкий, – начала Эйден очень сдержанно. – Если бы он мог научиться любить только одну даму, но, увы, он не мог совладать с собой... Его застали в довольно щекотливом положении с женой посла, а потом, когда весь двор хохотал над этим, стало известно, что ваш брат, мой муж, замечен в любовных приключениях не только с леди Глитой Холден, но и с двумя ее дочерьми-близнецами, Грейс и Фейт! У королевы не оставалось выбора. Не только посол требовал наказать Конна, но и лорд Холден. Ей пришлось отозвать Конна от двора с позором.

– С богатой женой? – сказала Скай. – Вы еще должны рассказать мне, как все это получилось.

– Проходите в зал, – любезно сказала Эйден. – Я плохая хозяйка, если заставляю вас обоих стоять в коридоре. Бил, принеси вина с пряностями. Лорд и леди де Мариско наверняка продрогли до костей.

– Конн, чертяка, – сказал Адам де Мариско, – ты счастливчик. Она красивая девушка!

Его комплимент был приятен Эйден и придал ей мужества, в котором она нуждалась, чтобы продолжить разговор с этой красивой и властной женщиной, которая была ее золовкой. Усадив гостей перед пылающим камином, она продолжала:

– Женильбу Конна придумал лорд Берли. Он считал, что хорошая жена успокоит Конна и, вернувшись вновь ко двору, он не будет причиной новых скандалов. Я находилась под опекой королевы, и поскольку мои земли находятся рядом с вашими, то и королева, и лорд Берли согласились, что брак между вашим братом и мной будет самым правильным решением.

– Я не люблю устроенные браки, – сказала леди де Мариско. – У меня было шесть мужей, и с двумя браки были оговорены и оказались неудачными. Я презирала обоих мужчин, и ни один из них не был добр ко мне.

– У нас совсем иначе, – вставил Конн.

– Почему ты так думаешь? – потребовала ответа Скай.

– Хотя Эйден и я были немного удивлены, обнаружив себя мужем и женой, мы нравимся друг другу. Черт побери, Скай, множество браков устраиваются посторонними людьми, а не теми, кто женится. Ты знаешь об этом! Ты жила по-другому, потому что ты женщина необычная.

Теперь Скай постаралась повнимательнее рассмотреть свою невестку. «Она не красавица, – думала леди де Мариско, – но кажется милой молодой женщиной».

– Вы довольны, что вышли замуж, госпожа О’Малли? – спросила она.

Эйден улыбнулась.

– Да, мадам, но я не госпожа О’Малли. Мой отец перед смертью попросил королеву выполнить две его просьбы, на что королева согласилась. Первая состояла в том, чтобы найти мне хорошего мужа, а согласно второй просьбе мой муж должен взять фамилию нашей семьи, Сен-Мишель, поскольку мой отец последний мужчина в роду. Когда Конн женился на мне шесть дней назад, он стал Конном Сен-Мишелем, лордом Блиссом.

Скай удивленно посмотрела на младшего брата.

– Ты должен был отказаться от своего имени?

– Отец оставил еще четырех сыновей, кроме меня, у них уже есть одиннадцать мальчиков для продолжения семейного имени. О’Малли с Иннисфаны не нужны мои отпрыски, но Сен-Мишелям из Перрок-Ройял они необходимы. Кроме того, это решил не я, а Бесс.

– Ну, здесь все в порядке, – сказал Адам де Мариско, повернувшись к жене. – Теперь, моя малышка, мы можем отправляться домой?

– О нет! – воскликнула Эйден. – Уже ночь, и бушует буря. Послушайте! Слышите, как воеет ветер?

Вы должны остаться с нами, по крайней мере до утра или дольше, если не прекратится снегопад! Бил!

– Миледи?

– Скажи жене, чтобы приготовила лучшие гостевые комнаты для сестры милорда и ее мужа, и передай Эрвине, что у нас за столом гости.

– Слушаюсь, миледи, – сказал седовласый дворецкий и пятясь вышел из зала.

– Вот так! – сказала Эйден, и все засмеялись.

– Ну, по крайней мере Елизавета Тюдор нашла моему брату жену, которая, как я вижу, подходит ему. Она не какая-нибудь кисейная барышня, на которую произвела впечатление его красота, – спокойно сказала Скай.

– Его называли самым красивым мужчиной двора, – тихо сказала Эйден, – но я слышала, что вас называли самой красивой женщиной при дворе, когда вы были там. Думаю, Конн похож на вас.

– Нет, – поддразнил Адам, – Конн красивее!

– Не нужно ли мне напомнить тебе, милорд, – ласково сказала Скай, – что ночь холодная, и если ты надеешься разделить со мной ложе, тебе следует быть более любезным по отношению ко мне.

Синие глаза лорда де Мариско вспыхнули и, подавшись вперед на стуле, он влюбленно посмотрел на жену.

– А когда, малышка, я был не ласков с тобой?

Эйден вспыхнула, наблюдая за неприкрытой страстью этих людей. Они явно были влюблены друг в друга, и она почувствовала укол ревности. Будет ли когда-нибудь Конн вот так смотреть на нее? Будет ли он когда-нибудь любить ее так же сильно? Она почувствовала стеснение в груди. Ни секунды дольше она не могла сидеть и смотреть на них. Встав, она отрывисто сказала:

– Я должна проследить, как Эрвина управляется на кухне. Это наш первый вечер дома, а слуги не получили уведомление о нашем приезде.

– О, позвольте мне пойти с вами, – сказала Скай. – Мне интересно посмотреть дом.

– Но вы еще не попробовали вина, – ответила Эйден, вспомнив о нем сейчас, когда Бил вошел в Большой зал с подносом.

– Пусть мужчины пьют, – сказала Скай. – Я восхищаюсь этим домом с тех пор, как мы приехали в Королевский Молверн.

– Королевский Молверн значительно больше Перрок-Ройял, – заметила Эйден. – Как и это поместье, оно было собственностью короны?

– Королева подарила его моему мужу после того, как забрала себе его владения.

– Господи, зачем она сделала это? – удивилась Эйден.

– Потому, моя милая невестка, – сказал Адам, который услышал их, – что я женился на бунтарке-ирландке, которая упорно продолжает оскорблять королеву. Сказать по правде, я от этого выиграл.

– Елизавета Тюдор просто испугалась, что ты перестроишь замок Ланди, когда женишься на мне, а она не собиралась позволить тебе этого, – оборвала его Скай.

– Иди с Эйден, осмотри дом, Скай. Сегодня слишком холодный вечер, чтобы спорить об этом. Кроме того, мы здесь, и я собираюсь здесь остаться. На Ланди я мог прятаться от обиды. Я больше не страдаю от обид, малышка.

Женщины вышли из Большого зала и пошли в кухню, но Эрвина, главная кухарка, выгнала их оттуда.

– Уходите сейчас же, миледи, вы испортите сюрприз! – бранилась она, размахивая деревянной ложкой.

Смеясь, Эйден и Скай расстались с теплыми и вкусными запахами и вернулись в главный коридор.

– Посмотрим часовню, – сказала Эйден и с гордостью показала Скай эту дорогую ей комнату.

– Вы католического вероисповедания? – спросила Скай.

– Я была выращена в лоне англиканской церкви, – последовал спокойный ответ, – и именно в такой церкви венчали нас с Конном.

– Это не имеет значения, – заметила Скай. – Наш дорогой дядя Симус был епископом Мид-Коннота, а наш брат Майкл священник. У нас есть сестра Эйбхлин, она монахиня. Хорошо, если бы она оказалась рядом с вами, когда вам придет время рожать. Никто не может сравниться с Эйбхлин по лекарской части! Знаете, что однажды сказала мне королева? Существует только один Бог – Иисус Христос. Остальное пустяки. Это единственное, в чем я согласна с Елизаветой Тюдор, хотя мы принадлежим к разным церквям.

Они снова вошли в Большой зал, но мужчины у камина не обратили на них внимания, и Эйден повела Скай на второй этаж дома, чтобы показать ей спальни. В двух самых больших гостевых комнатах две горничные просушивали постель и застилали ее простынями, которые пахли душистыми травами. В камине уже был разведен огонь. Втайне Скай любовалась домом и радовалась, что благодаря королеве брат женился так удачно. Она молча шла за Эйден до самого конца коридора второго этажа и вошла в еще одну комнату.

– Это хозяйская спальня, – сказала Эйден.

Скай от удивления захлопала в ладоши.

– Какая очаровательная комната! – воскликнула она, оглядывая ярко горящий камин, великолепную большую кровать с изголовьем, обтянутым полотняной материей, драпировки и полог кровати из зеленого бархата. – Какая прелестная комната для того, чтобы заниматься любовью и зачинать детей! – Потом она увидела лицо Эйден. – Боже правый! В чем дело? Конн был груб или не ласков с вами? Я быстро приведу его в чувство.

– Нет, дело не в этом, – торопливо сказала Эйден.

– Тогда в чем дело, Эйден? У вас растерянный вид, я зря заговорила о любви и о детях.

– Конн и я... – начала Эйден и потом покраснела до корней своих рыжих волос. – Конн и я не...

– Почему? – решительно спросила Скай, отлично поняв, что недоговаривала ее невестка.

– Я... я не могу!

– Вы боитесь? – Скай была расстроена из-за Эйден.

– Немного, но я полагаю, что это естественно.

– Вы девственница?

– Конечно! – Это было сказано с негодованием.

– Расскажите мне, – ласково попросила Скай. – Вы замужем за моим маленьким братцем, и я хочу, чтобы вы оба были счастливы, как Адам и я!

– Есть несколько причин, леди де Мариско, – сказала Эйден.

– Меня зовут Скай, Эйден.

– На самом деле я мало знаю Конна, Скай. Когда я прибыла ко двору, я попросила королеву не открывать, что я богатая наследница, чтобы моей руки не добивались мужчины, ищущие только богатства и земель. За всю свою жизнь я никуда не выезжала из Перрок-Ройял, кроме Ворчестера. Мой отец и я тихо жили вместе после смерти моей матери и сестер. У меня не было поклонников. Я вовсе не красавица, как вы, и боялась пасть жертвой бессовестного мужчины. Итак, королева уважительно отнеслась к моей просьбе, и никто не узнал о моем богатстве. Меня совершенно не замечали, но я не возражала против этого, потому что это давало мне возможность приглядываться ко всем и всему.

– Вам понравился двор?

– Это интересное место, но мне гораздо больше нравится здесь, в родном доме. Двор часто напоминает темный и опасный лес. Никогда не знаешь, откуда исходит опасность.

– Верно, – согласилась Скай и улыбнулась Эйден. – Вы мне нравитесь все больше с каждым вашим словом, сестричка! Рассказывайте дальше!

Эйден улыбнулась в ответ. Какая милая сестра Конна! Во все не такой она представляла знаменитую красавицу.

– На Двенадцатую ночь Конн играл в жмурки с фрейлинами. Он водил, а мы вполне успешно убежали от него. Потом одна из моих товарок толкнула меня к нему, когда он поворачивался. Естественно, он поймал меня и, не сняв повязку с глаз, объявил поцелуй в качестве штрафа. Это был замечательный поцелуй, и я... меня никогда раньше не целовали. Несколькими неделями позже, когда вокруг Конна разразился скандал, я оказалась в комнате рядом с королевой. Она сидела за своими пальцами, а моей обязанностью было содержать в порядке ее корзинку для рукоделия и подавать ей нужные нитки. Когда лорд Берли вошел в ее личный кабинет, она отпустила всех девушек, кроме меня. Поэтому я оказалась посвященной во все, что говорилось там. Когда лорд Берли предложил женить Конна, чтобы утихомирить его, королева сначала колебалась. Она сказала, что у нее на примете нет подходящей для Конна невесты. – Эйден остановилась на середине своего рассказа и глубоко вздохнула. – Скай, – продолжала она, – вы должны пообещать мне не рассказывать Конну, что я вам сейчас открою. Вы обещаете?

Скай посмотрела в лицо девушки. В ее глазах не было ничего, что заставило бы леди де Мариско заподозрить ее в бесчестии. Что за секрет она хранила? Это очень интересно!

– Обещаю! – согласилась она.

Эйден облегченно вздохнула.

– Когда королева сказала, что не может найти подходящей невесты для Конна, я предложила себя в качестве невесты. Во-первых, королева обещала моему отцу найти мне хорошего мужа, а королеве нужна жена для Конна. Во-вторых, я наполовину ирландка. У меня есть деньги и земли и еще титул моего отца. В-третьих, Конн – состоятельный человек, и поэтому это было бы хорошим решением вопроса. Сначала королева не была уверена, но лорд Берли решил, что это замечательная мысль, и именно он убедил ее. Венчание было назначено через два дня, на четырнадцатое число.

– Значит, вы хотели выйти замуж за моего брата?

– О да! Но он не должен знать, что это мое предложение! Он считает меня такой же жертвой королевской воли, как и самого себя.

– Вы любите его? – Скай пристально смотрела на Эйден, пока та отвечала.

– Не знаю! Думаю, что да, но я никогда раньше не была влюблена! Он такой красивый, и такой добрый, и он очень мне нравится. Однако я бы умерла, если бы он узнал, что я наделала! Посмотрите на меня, Скай, я не похожа на вас. Вы самая красивая женщина, которую я когда-либо видела. Я не такая. Иногда я миленькая, а иной раз нет. Разве я могла бы получить Конна, если бы не согласие королевы поженить нас? Если бы стало известно, что я богатая наследница, я была бы окружена претендентами на мою руку, но как бы я могла поверить в то, что им нравлюсь я, а не мое богатство? А я не могу жить с сомнением в душе. За все время, которое я провела при дворе, а я была там пять месяцев, ни один джентльмен не поговорил со мной. Когда ко мне кто-то обращался, это было связано с моими обязанностями у королевы. Я никогда не была более одинокой за всю свою жизнь. Если бы со мной не было моей служанки, я ни с кем не могла бы поговорить откровенно. Выбрав Конна, я была уверена, что этот человек не ищет моего богатства и, возможно, со временем научится любить меня. Я знаю, я ему нравлюсь на самом деле, но мы не знаем друг друга. Как я могу позволить себе быть похожей на всех женщин Конна, охотно включаясь в его постельные развлечения? Кроме того, по сути дела, я ничего не знаю об отношениях мужчин и женщин. Моя мать умерла, когда я была маленькой, а мой отец, конечно, никогда не говорил со мной о подобных вещах.

– Тогда должна поговорить я, – твердо сказала Скай. – Эйден, вы не можете отказывать своему мужу и ожидать при этом, что ваш брак будет удачным. Дело в том, что мужчины милые, но слабые существа, которые по своей природе нуждаются в регулярных половых контактах с женщинами. Если этого не будет с женой, они найдут себе других женщин. Еще одна женщина не укрепит брак. Конн достаточно перебесился в молодости, но сейчас стал мужем. Если вы сделаете его счастливым, он никогда не изменит вам.

– Какой-нибудь из ваших мужей изменял вам? – напрямик спросила Эйден.

– Первый мой муж, но он был свиньей, и я была рада, когда он отстал от меня. Не просто рада. Это было счастьем для меня!

– Я ничего не знаю о женских хитростях, – повторила Эйден.

– Я знаю. – Скай улыбнулась и потом засмеялась. – Мой брат хороший человек, но, наверное, чуточку туповат. Теперь скажите мне, когда-нибудь вы видели мужское тело?

– Только со спины, – сказала Эйден.

– Почему только со спины? – любопытствовала Скай.

– Потому что я плотно закрыла глаза, когда Конн повернулся лицом ко мне, – последовал ответ.

Скай подавила смех.

– Перед – самая интересная часть, – сказала она. – Вы знаете, что такое мужской член? – И когда Эйден кивнула, Скай продолжала: – Он находится спереди, и именно этой частью своего тела мужчина проникает в место, расположенное между ног женщины. В первый раз это может быть больно, но потом это доставляет необыкновенное удовольствие.

– А мужчина и женщина должны догола раздеваться? – спросила Эйден.

– Так лучше, но это не всегда возможно.

– Какие еще части тела используются для занятий любовью, Скай?

– Поцелуй в губы и язык. Ласкают тела друг друга. Мне всегда казалось, что до тех пор, пока люди доставляют и получают удовольствие друг от друга, все, что делает любящая пара, не может считаться предосудительным.

– Это по-прежнему непонятно, – сказала Эйден.

– Так и будет, пока вы не разрешите своему мужу заниматься любовью с вами, Эйден. Ваш страх происходит от незнания. Сколько вам лет?

– Этим летом исполнится двадцать четыре.

– Мне только что стукнуло тридцать шесть, а любовью я занимаюсь с пятнадцати лет. Неужели я выгляжу потасканной?

Эйден усмехнулась.

– Нет. Напротив, у вас замечательный румянец, которого я не видела ни у одной женщины.

– Это, – объявила Скай, – из-за того, что меня очень любит мой Адам. Сегодня ночью мы устроимся под одеялом в нашей гостевой спальне и займемся восхитительной и страстной любовью. Это замечательное занятие для непогожей зимней ночи. Вам нужно заняться тем же с Конном.

– Но если я так легко отдамся ему, не будет ли он считать меня такой же бесстыдной, как тех женщин, которые постоянно приставали к нему? – Эйден явно была в растерянности.

Скай фыркнула.

– Даже жены должны время от времени показывать свою смелость, сестричка. Вы скоро научитесь принимать участие в постельных развлечениях и будете говорить Конну, что в них доставляет вам удовольствие, и будете спрашивать, что ему нравится. Большинство женщин имеют привычку лежать в кроватях как бревно, принимая только то, что им предлагают. Некоторые, как говорили, даже читают про себя молитвы, пока их мужья трудятся над ними. Неудивительно, что мужчины ищут других женщин! Мой брат очень большой знаток по части любовных дел, Эйден, и знает больше о способах удовлетворения страсти, чем, как я подозреваю, сам признается. Вы очень сдержанны и, вероятно, не сумеете научиться, пока он не научит вас. Попросите его об этом! – Ее необыкновенные глаза заблестели. – Ах, какое удовольствие ожидает вас.

– Не думаю, что смогу быть такой же смелой, как вы, Скай, – призналась Эйден. – Мне хотелось бы расспросить вас о том, что мне надо знать о мужчинах и о занятиях любовью. Я буду очень смущаться, если мне придется прямо сейчас говорить с Конном о подобных вещах.

«Бедняжка, – подумала Скай участливо, – трудно будет моему бедняге братцу, который привык обращаться с дамами так, как ему хочется. Если я не помогу ей, один Бог знает, сколько ей понадобится времени, чтобы собрать свое мужество. Конн не будет ждать вечно, а я подозреваю, что при удачном начале они будут очень счастливы».

– Конечно, вы можете прийти ко мне, чтобы получить ответы на ваши вопросы, Эйден, – сказала Скай, – но вы должны пообещать, что сегодня ночью вы поможете Конну осуществить ваши брачные отношения.

Эйден вздохнула.

– Я чувствую себя такой простофилей, – сказала она. – Я умею управлять помещьем, я образованна гораздо лучше большинства женщин, тем не менее мои коровницы знают о любви больше, чем я. У меня нет ни малейшего представления о том, с чего начать.

– Это на самом деле очень просто, – ответила Скай. – Когда вы ляжете спать сегодня ночью, просто скажите Конну, что вы девственница и не имеете ни малейшего представления о том, что делать для того, чтобы заняться с ним любовью. Не говорите мне, что он не целовал и не ласкал вас немножко, после того как вас обвенчали.

Эйден стала пунцовой, и Скай с облегчением поняла, что у ее брата невинность его жены не вызывает отвращения и что по крайней мере он целовался с ней.

– Слугам покажется странным, если мы не будем спать вместе, – заметила Эйден.

Скай засмеялась.

– Вам это не понравилось?

Эйден весело усмехнулась.

– Нет, я вовсе не нахожу это неприятным, – сказала она, – признаюсь, мне любопытно, что последует после поцелуев и ласк.

– Вы сможете это выяснить сегодня ночью, – ласково посмеялась Скай, а потом сказала: – Думаю, что джентльмены недоумевают, почему мы задерживаемся. Давайте вернемся в зал.

Женщины вышли из спальни и спустились на первый этаж. Если Конн и Адам и заметили долгое отсутствие своих жен, то не подали виду, потому что были поглощены беседой, когда Скай и Эйден вернулись к ним. Однако когда Скай оказалась рядом со стулом мужа, Адам протянул руки и усадил ее к себе на колени, ни на минутку не прерывая беседы с Конном. «Как чудесно, – подумала Эйден. – Они так подходят друг другу».

Конн посмотрел на жену.

– Скоро ли будет готов ужин, душечка? Я умираю с голоду после всех путешествий.

– Эрвина выгнала нас с кухни, милорд, но, судя по вкусным запахам, которые неслись оттуда, догадываюсь, что ужин будет скоро. Если хочешь смыть дорожную пыль, я отведу тебя в нашу комнату, а Скай отведет Адама к себе.

– Ну, девушка, тогда ужин может и не понадобится, – засмеялся Адам де Мариско, плутовски посмотрев на жену.

– Значит, сэр, вы должны умываться снегом во дворе! – бойко заметила Эйден.

– С другими самцами, у которых гон, – добавила Скай, слезая с его колен. – Ну, милорд, так как же? Будешь ли ты хорошо себя вести, или нам нужно выйти на улицу, чтобы охладить твой пыл?

Из большой груди Адама вырвался громкий хохот.

– Я должен извиняться, мадам, за то, что возжелал собственную жену? Ах, Скай, ты жестокая женщина! – Он встал в полный рост. – Очень хорошо, леди де Мариско, веди меня в нашу комнату, и я обещаю вести себя прилично.

– А что думаешь делать ты, милорд Блисс? – кокетливо спросила Эйден.

Конн был чуть-чуть удивлен, но доволен неожиданным кокетством своей жены.

– Ну ладно, душечка, – сказал он, вставая, – даю честное слово вести себя хорошо.

– Какая жалость, – озорно сказала его сестра, и Конн был приятно удивлен, когда Эйден засмеялась в ответ на эти слова и, взяв его за руку, повела вверх по лестнице. Оказавшись в их комнате, она сама налила для него в серебряный таз теплой воды из серебряного же кувшина, стоящего около камина, и подала кусок твердого мыла. От него шел аромат лаванды. Когда он кончил умываться, она дала ему жесткое льняное полотенце.

– Значит, эта комната будет нашей спальней, – сказал он, отбрасывая полотенце. – Это красивая комната, теплая и уютная!

– Ты против того, чтобы мы пользовались общей спальней? – спросила она. – Это не такой большой дом, как Королевский Молверн или Гринвуд. У нас нет места для отдельных спален, а когда появятся дети, я даже не уверена, что у нас будут комнаты для гостей.

– Мы всегда сможем достроить дом. Ты надеешься, что у нас будет большая семья, мадам?

Он любопытствовал, потому что, по правде говоря, знал о ней так мало. Он даже не был уверен, любит ли она детей.

– У меня никогда не было большой семьи, – ответила Эйден, – но я всегда думала о том, как было бы замечательно иметь нескольких братьев и сестер. Да, милорд, я действительно считаю, что мне хотелось бы иметь большую семью. Тогда ни одному из моих детей не будет так одиноко, как было мне, когда прошлым летом умер мой отец. Одиночество – страшная вещь.

Он был тронут ее признанием и, протянув руки, нежно заключил ее в объятия, и ее рыжая голова упала ему на грудь.

– Тебе никогда не будет одиноко со мной, Эйден, – тихо пообещал он, почувствовав, что она вздохнула. Ему показалось, что она на мгновение прижалась к нему. Легко обнимая ее, он вдруг подумал, что начинает влюбляться. Душевные качества Эйден: спокойствие, непоколебимость, постоянство – трогали и очаровывали его. Он гадал, понимала ли Елизавета Тюдор, какую истинную милость оказала ему, заставив жениться на Эйден. Ведь его жена принадлежала к тому типу женщин, с которыми мужчина без колебаний мог заводить семью. Слегка запрокинув ее лицо, он нежно провел губами по ее губам.

«Скай права, – подумала Эйден, прильнув к Конну. – Этот человек – мой муж до самого смертного часа. Я добровольно согласилась стать его женой и не могу дольше разыгрывать из себя застенчивую девственницу. Это нелепо. Моя мать совсем не знала моего отца, но тем не менее вышла за него замуж и в тот же день легла с ним в общую постель. Если Конн пойдет от меня к другой женщине, мне некого будет винить, кроме себя».

Потом его губы нашли ее, и Эйден поняла, что сомнения, которыми она мучилась раньше, теперь исчезли. Она хотела стать женой Конна во всех смыслах этого слова.

– Ты будешь любить меня сегодня ночью? – услышала она свой вопрос. – Здесь, в нашей постели, в нашем доме! – Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки от собственной смелости.

Его руки невольно прижали ее покрепче.

– Ты готова стать моей женой?

– Да, – последовал такой тихий ответ, что ему пришлось наклонить голову, чтобы услышать ее. – Я немного боюсь того, что должно произойти, но я не боюсь тебя, Конн. Это что-нибудь значит для тебя?

– Да, душечка, не бойся. Я буду обращаться с тобой так ласково и нежно, что потом ты поймешь, какими глупыми были все твои страхи. – Он гладил рукой ее голову.

Неожиданно в дверь громко постучали, и Адам де Мариско крикнул:

– Эй вы, двое, выходите! Если мне сейчас не позволено получать удовольствие со своей женой, это должно быть также запрещено хозяину и хозяйке! – И он забарабанил в дверь.

– Адам! – Скай увещевала своего мужа, но в ее голосе слышался смех.

Выпустив Эйден, Конн ухмыльнулся:

– У моего зятя довольно странное чувство юмора.

– Я плохая хозяйка, – сказала Эйден.

– Чепуха! Предполагается, что у нас сейчас медовый месяц.

Эйден торопливо распахнула дверь и лукаво выбрала Адама:

– Милорд, ну и шумный же вы человек! Вы так ревете и кричите, что мне следовало бы поместить вас в конюшню! Идите же, сэр. Эрвина не любит ждать, когда она готова подавать ужин. – И, одернув юбки, величаво прошла мимо него.

– Что это значит? – Адам бросился вслед за ней. – Вы хотите обозвать меня ослом или быком из-за того, что я реву и кричу?

– Возможно, милорд, в вас есть немного от того и от другого, – сказала Эйден со смехом.

И Скай, и Конн присоединились к веселью, и все четверо вернулись в Большой зал.

– Мой дорогой братец, – сказала Скай, – я так рада, что у Бесс Тюдор хватило здравого смысла ввести в нашу семью такую девушку.

– Я тоже рад, – ответил Конн и, обняв жену, притянул ее поближе.

– И я тоже, – добавил Адам. Он ухмыльнулся, обращаясь к Эйден: – Боюсь, вам придется собрать все силы, чтобы отстоять свои права в этой банде. Думаю, что самыми тихими членами этой семьи являются невестки Скай, Гвинет и Джоан.

– Нет, – поправила Скай мужа. – Гвин проявила замечательную твердость характера с тех пор, как Эван увез ее в свои поместья в Ирландию. Она командовала горничными, когда в последний раз Блек Хью Кеннелли с сыновьями совершил налет на их поместье. Эвана не было в ту ночь дома, и они знали об этом. Гвин была беременна, но, собрав вместе женщин, она прогнала прочь старого негодяя и его разбойную банду, вылив на них из верхних окон дома содержимое помойных ведер.

– Эрвина готова подать обед, миледи, – сказал Бил, подойдя к Эйден.

Эйден смахнула с глаз выступившие от смеха слезы и повела мужа и гостей к высокому обеденному столу, накрытому на четверых. Она и Конн, как хозяин и хозяйка дома, сели в центре. Адам сел справа от Эйден, Скай слева от Конна. Дубовый стол был застелен белой полотняной скатертью необыкновенного качества, которая, несмотря на многолетнее исполь-

зование, выглядела очень привлекательно. На столе стоял витой серебряный канделябр с красивыми свечами из пчелиного воска, столовые приборы состояли не только из серебряных ложек, но и из ножей и вилок с ручками из рога. У каждого прибора стоял тяжелый серебряный кубок, украшенный резьбой из виноградных лоз и винограда, явно итальянской работы. Молодой лакей наливал темно-красное вино в каждый из поставленных кубков. Тарелки тоже были серебряными, каждая с выгравированными буквами St. M. Скай отметила, что стол накрыт красиво.

Слуги начали появляться из кухни с блюдами, чашами и тарелками. Скай была совершенно изумлена, когда ей предложили устрицы, охлажденные, вскрытые и очень, очень свежие.

– Где, Бога ради, ваша кухарка нашла устрицы так далеко от моря? – спросила она, не в силах сдержать любопытство.

Эйден пожала плечами.

– Для нас всегда было загадкой, где Эрвина достает припасы. Мой отец говорил, что лучше не спрашивать, чтобы не обидеть ее. Он говорил, что до тех пор, пока у шерифа нет возражений против действий Эрвины, он тоже не станет возражать.

– Жаль, что мы не были знакомы с вашим отцом, – сказала Скай.

Эйден кивнула.

– Я понимаю, и, кроме того, он уже был болен, когда вы приехали в Королевский Молверн. Вы бы ему понравились. Он всегда любил ирландцев и получил бы огромное удовольствие от красивой женщины.

– Вы очень любили его, не правда ли?

– Да, это так, – призналась она, – и он был так одинок после смерти моей матери. Нас осталось только двое.

– Значит, вот почему вы не выходили замуж?

– Я не выходила замуж, потому что мой отец никогда не пытался найти мне мужа. Всегда казалось, что впереди есть время, а потом неожиданно в один день выяснилось, что времени вообще не осталось. Как же я была расстроена, узнав, что он хочет отдать меня под опеку королевы и просит ее найти мне мужа! Никогда в своей жизни не чувствовала себя такой беспомощной. Я вдруг поняла, что заботу обо мне возлагают на какого-то незнакомого человека. Что кто-то другой, а не мой отец должен стать моим хозяином. Отец никогда не выступал передо мной в такой роли. Он только частично успокоил мои страхи, сказав, что половина его состояния останется моей и только моей, чтобы у меня была некоторая независимость от мужа. Такой поступок был необычным для отца, ведь он был старомодным человеком. Думаю, он переживал, что сам не мог выбрать мне мужа. – Она улыбнулась Конну. – Ему не нужно было бояться. Королева нашла мне хорошего хозяина.

– Она выбрала мне добрую жену, – галантно ответил Конн, а когда их глаза встретились, в них было что-то новое, чего не было раньше. Они оба увидели это. Они оба ощутили странный, короткий рывок навстречу друг другу.

Скай почувствовала, как слезы жгут ей глаза. «Они влюбляются, – подумала она. – Это происходит на наших с Адамом глазах». И она порадовалась не только за своего брата, но и за Эйден.

Обед продолжался. Лакеи подходили, предлагая новые кушанья. Появилось блюдо с мелкой жареной форелью, каждая рыбка была уложена на водяной кресс-салат, и треска, залитая сливками и приправленная хересом. Был подан вкусный откормленный каплун, поджаренный до золотистого цвета и начиненный яблоками, сухарями и каштанами; утка с хрустящей темной корочкой под вишневым и сливовым соусом, нога ягненка, обложенная маленькими поджаренными луковичками; три ребра отличной говядины, которую сначала обвалили в каменной соли, а потом зажарили в собственном соку; большой слоеный пирог с кроликом из темной

муки, испускающий ароматный пар из проделанных отверстий в верхней корочке. Была подана миска свежего салата-латука, тушенного в белом вине, и еще одна миска с тушеной морковью. Вместе со сливочным маслом был подан свежее испеченный хлеб, глазированный яйцом.

– Ваша Эрвина замечательная кухарка, если сумела приготовить чудесный ужин за такой короткий срок, – заметила Скай.

– В кладовой всегда много припасов, – сказала Эйден. – Мы мало веселились в последний год жизни моего отца. Но до этого никто не знал, кто может появиться у нашего порога. Это могли быть какие-нибудь родственники отца из Лондона или путешествующие купцы, которые имели дела с нашей семейной компанией. Гостеприимство отца было общеизвестно. Он и моя мать любили общество. Эрвина всю мою жизнь прослужила кухаркой в этом доме, а до нее здесь служила ее мать. Мы не так легко меняем наши привычки здесь, в Перрок-Ройял.

Все ели с аппетитом, дамы, может быть, чуть меньше, чем джентльмены, хотя и Скай, и Эйден любили хорошо поесть. Потом в зале появилась сама Эрвина с серебряным подносом, на котором стоял затейливо украшенный небольшой свадебный пирог, увенчанный сахарными женихом и невестой. Толстая кухарка сияла широкой улыбкой, сама получая удовольствие от своего искусства. Она смело подошла к столу и поставила свое подношение перед Конном и Эйден.

– Мег сказала мне, милорд и миледи, что у вас не было времени как следует отпраздновать свадьбу, и свадебного пирога тоже не было, потому что вы поженились в спешке. Мы любим вас, миледи, и хотим, чтобы вы помнили ваше свадебное торжество, хотя уже прошло несколько дней. – Потом она поклонилась, и выражение лица Эйден сказало ей, что хозяйка очень рада.

Но первым заговорил Конн:

– Ты прекрасная женщина, миссис Эрвина, и очень чуткая. Двор – удивительное место, но ни я, ни миледи не могли по-настоящему отпраздновать нашу свадьбу до тех пор, пока мы не приехали домой, в Перрок-Ройял, к ее слугам, которые являются нашей семьей. Благодарю всех вас!

– О конечно, Эрвина! Благодарим тебя от всей души, – только и смогла выговорить Эйден, которая была потрясена заботой кухарки.

Конн увидел, что в зале собрались большинство слуг, и крикнул Билу:

– Вина для всех, Бил. Мы должны отблагодарить всех за добрые пожелания.

Бил предвидел пожелание своего хозяина, и очень быстро каждому в Большом зале была выдана его доля. По команде дворецкого они подняли кубки и крикнули:

– Долгой жизни, процветания и многих вам детей!

Когда тост был выпит, Эйден и Конн разрезали свадебный пирог, и каждый человек в зале получил маленький кусочек замечательного творения Эрвины. Незамужние горничные сберегли часть своих порций. Этой ночью они положат кусочек под подушку и увидят во сне свою настоящую любовь. Однако все остальные перед тем, как возвратиться к своим делам, выразили свое удовольствие громким причмокиванием. Когда в зале остались только две пары и те, кто прислуживал им, Эйден поднялась со своего места.

– Мы провели несколько дней в дороге, пока добрались из Гринвича, – сказала она, – и мне очень хотелось бы помыться до того, как лечь спать. Вы извините меня? – Потом, изящно поклонившись, она поднялась по лестнице. Войдя к себе в спальню, она с радостью обнаружила, что Мег уже предвосхитила ее желание. Около камина, в котором весело потрескивали душистые яблоневые поленья, стояла большая дубовая лохань, наполненная водой. Пар, благоухающий лавандой, наполнял комнату.

– О, Мег, благослови тебя Бог!

– Разве я вас не знаю? – Немолодая служанка притворно оскорбилась. – Не то чтобы я одобряла все это ваше купание, но думаю, оно достаточно безвредно. Эй! Позвольте-ка мне

помочь вам с этими кружевами, миледи. – Она непрерывно болтала, раздевая свою хозяйку, относя одежду Эйден в ее гардеробную, которая примыкала к спальне, и убирая все, кроме нижнего белья, которое она отнесет прачке. Очень быстро Эйден оказалась в лохани, сидя там на маленькой деревянной скамейке с волосами, заколотыми на макушке. Душистая вода была как раз нужной температуры и доставляла удовольствие после нескольких дней пути, когда Эйден могла вымыть только лицо и руки.

– Это рай, Мег.

Мег фыркнула.

– Вы просто счастливы оказаться дома, миледи.

– И это тоже, но как мне не доставало этой чудной лохани, когда мы были при дворе! Та маленькая лохань, которую мы возили с собой, едва вмещала меня, а колени всегда торчали наружу и мерзли.

– И серебро, которое мы потратили на лакеев королевы, чтобы они доставали немного горячей воды, – продолжила Мег. – Надеюсь, вы не собираетесь вновь отправляться в дорогу. Зачем испытывать неудобства, миледи.

– Нет, Мег. Я вообще больше не хочу уезжать из Перрок-Ройял! Зачем нам делать это? Думаю, милорд согласится со мной. Я знаю, ему понравится здесь, когда он увидит поместье и со всеми познакомится.

Мег кивнула.

– Он кажется разумным, несмотря на то что ирландец. Только Пресвятая Богородица знает, что мы родом из земли мечтателей, поэтов и дураков, хотя милорд выглядит хорошим человеком. Мне нравится его сестра и ее муж. Они ласково отнеслись к вам, мой цыпленочек, а слуги болтают, что они хорошие люди. Ваш дорогой отец, пусть Господь упокоит его душу, одобрил бы ваш выбор. – Она собрала чулки и нижнее белье Эйден из стопки, в которую они были сложены. – Теперь сидите спокойно и отмокайте, миледи. Я только отдам эти вещи Леоме в стирку. Вы же знаете, как она не любит, чтобы грязное белье накапливалось. – Дверь шелкнула, когда Мег вышла из комнаты.

Эйден глубже опустила в маслянистую воду. Она могла поклясться, что ее высушенная за зиму кожа впитывает воду. Огонь весело потрескивал на решетке камина, а за окнами тихо стонал ветер. Завывания становились все громче, буря усиливалась. Когда наступала тишина, казалось, что она слышит, как падает снег. Скорее всего погода не изменится по крайней мере в течение еще одного дня, но теперь это мало волновало ее. Они в безопасности. Они дома. Глубоко вздохнув, она закрыла глаза и расслабилась, наслаждаясь замечательным чувством удовлетворенности, которого она давно уже не испытывала.

Ей было одиноко при дворе Елизаветы Тюдор. В качестве одной из королевских фрейлин она должна была быть готовой для услужения ее величеству двадцать четыре часа в сутки, все семь дней недели. Ее место на королевской службе было необременительным, однако Эйден нравилась Елизавете, что несколько выделяло ее. К тому же, будучи еще и сиротой, она не имела семейных обязанностей, которые отвлекали бы ее. Когда у нее появлялось немного свободного времени, она обычно заменяла одну из фрейлин, которой было нужно или просто хотелось уйти.

Впервые в жизни Эйден была одинока. Она жила среди людского моря и тем не менее была одинока. Она старалась не поддерживать знакомство с графом и графиней Линкольн, боясь, что они могут узнать о том, что она богата, заявят о своем праве найти ей мужа и выдадут ее за кого-нибудь из своей семьи, присвоив таким образом ее состояние. Граф пользовался большой благосклонностью Елизаветы.

К счастью, Клинтон не придали особого значения Эйден, предположив, что при дворе она пробудет долго, а потому у них всегда будет возможность поступить с ней как им захочется. Элизабет Клинтон – одна из фавориток королевы, и на самом деле добрая женщина, но она

ставила интересы мужа на первое место. Она постаралась сделать так, чтобы другие женщины, служившие королеве, узнали о ее родственных отношениях с Эйден, и поэтому эти дамы не обижали Эйдена, как часто бывало с теми, кого не защищала какая-нибудь могущественная семья и кому недоставало богатства или влияния.

Эйден по-прежнему чувствовала себя совершенно оторванной от всего окружающего. Образ жизни, который она усвоила, чтобы привыкнуть к этому странному и суматошному миру, частью которого она стала, на самом деле позволил ей незаметно вписаться в цветистый фон двора. Простота ее платья и отсутствие украшений подчеркивали ее некрасивость. Но иногда, когда она была в хорошем настроении, никто не верил, что это та женщина, которую они знали. Ее образование и ум не позволяли ей сходить с другими девушками и отталкивали от нее старших женщин, у которых этих качеств не было. Только с королевой она осмеливалась становиться сама собой.

Итак, Эйден была скромной и застенчивой в отношениях с другими. Тихая, явно бесцветная девица, которую почти никто никогда не замечал. И в результате она была одинока. Выдавались дни, когда никто вообще не заговаривал с ней, не считая общений, связанных с ее обязанностями. Если бы не ее верная Мег, которая каждый вечер потчевала хозяйку самыми последними придворными сплетнями, Эйден была бы совершенно одинока. Однако несчастной она не была. У нее не оставалось времени на то, чтобы жалеть себя, поскольку двор был слишком интересным местом и так отличался от всего, что она знала прежде. И в конце концов, двор подарил ей мужа.

Конн... Она беспокоило заворочалась в лохани. Конн, который, как она сейчас стала понимать, был человеком гораздо более серьезным, чем представлялось, несмотря на свою репутацию шутника, дебошира. Он очень разумно распорядился во время их путешествия, с ней обращался уважительно и ласково. Вел себя как подобает взрослому мужчине, хотя был почти на год моложе ее. И уж конечно, он не был похож ни на одного из всех, кого она знала раньше. Эйден начинала понимать, что, хотя она и выбрала самого красивого жеребца во всем табуне, может случиться так, что его будет трудно приручить. Конн не был похож на других мужчин.

– Вода все еще теплая, душечка?

Эйден вздрогнула, сердце ее сильно забило при звуке его голоса. Она попыталась прикрыть руками грудь, только потом сообразив, что она скрыта водой.

– Вода все еще теплая? – повторил Конн. Он смотрел на нее с внезапным интересом, хотя ему не было видно ничего, кроме плеч, шеи и удивленного лица.

– Д... да, вода вполне приятная, милорд, – запинаясь, проговорила она.

– Хорошо! Тогда я присоединюсь к тебе. Эта прекрасная старая дубовая лохань сделана на двоих.

Он начал срывать с себя одежду, а Эйден плотно зажмурила глаза.

Потом внезапно она открыла их. Скай говорила, что самое интересное находится спереди, потому что там расположен мужской орган. А уж если она решила, что сегодня ночью она отдаст свою девственность мужу, она, образно говоря, должна посмотреть на свой жребий. Она хихикнула, и он с любопытством посмотрел на нее.

– Что тебя забавляет? Предупреждаю, мадам, не вздумай шутить над моими ногами. Они слишком длинные, ручаюсь, но я не похож на цаплю, как осмеливались утверждать некоторые!

– Я рассматривала не твои ноги, – дерзко ответила она и покраснела от своих же слов.

Конн захохотал и сбросил рубашку. Его зеленые глаза заблестели от удовольствия, и он снова поразился, какую умную и в то же время скромную девушку он получил в жены.

– Что же тогда, мадам, так заинтересовало тебя во мне? – поддразнил ее он, склонив набок голову и приподняв одну из своих черных бровей.

– То, что находится между твоими ногами, – откровенно ответила она. – Я закрывала глаза каждый вечер, когда ты раздевался, но Скай говорит, что у мужчин самое интересное находится спереди. Я только подумала об этом... – Она заулыбалась и покраснела.

Он тихо засмеялся, довольный тем, что она проявляет естественное любопытство к его телу. Слишком много девушек изображали притворную застенчивость, когда дело доходило до мужчин. Доказательством этому служили его старшие сестры в Ирландии. Озлобленные женщины с поджатыми губами, осуждавшие Скай и ее жизнелюбие, злобно оговаривающие свою сестру Эйбхлин, монашенку-лекарку, которая, по их мнению, должна была проводить жизнь коленопреклоненной в своем монастыре, вместо того чтобы бродить по стране, врачую без разбору и богатых, и бедных; эти женщины постоянно бранили его за его веселость и развратный образ жизни, когда он единственный раз приезжал домой из Англии вместе со Скай. Даже его собственная миловидная мать не вышла замуж снова, хотя он знал, что возможностей для этого у нее было достаточно. Однажды он спросил ее, почему она не вышла замуж.

– Никто, – сказала Анна О’Малли, – не мог занять место твоего отца.

Но потом он слышал, как она говорила своей служанке о каком-то настойчивом претенденте на свою руку:

– Я подчинилась учению своей церкви, Бриджит, и подарила мужу детей. Четырех сыновей. Но я не хочу испытывать на себе мужскую страсть. Я никогда не получала от нее удовольствия. Ах, если бы можно было выйти замуж за мужчину и оставаться с ним просто друзьями.

– Да, – согласилась Бриджит, – но не такова природа мужчин, миледи. Они всегда хотят совать свои фитили в тот или иной горшок с медом, а у бедной жены нет другого выбора, как подчиняться.

Конн стащил башмаки, а потом спустил узкие штаны. Выпрямившись, он посмотрел в широко открытые глаза жены и сказал:

– Ну, миледи, оправдал я твои ожидания или ты разочарована?

Серьезные серые глаза Эйден осмотрели его всего от темных, как ночь, волос до пят. Он был так же красив без одежды, как и в ней. На широкой груди кудрявились густые темные волосы, узкой полоской проходящие по его животу и переходящие в густую черную копну между его длинных красивых ног. Там, как она заметила, было расположено то, что показалось ей похожей на колбаску, слегка закругленную и лежащую среди темных волос.

– Он не очень-то большой, – невольно вырвалось у нее.

– Ты еще не возбудила его, – ответил он и, взойдя по ступенькам в лохань, опустил по пояс в воду. Он потянул носом: – Лаванда? Я буду пахнуть, как огород с травами!

Раньше Эйден сидела в лохани на скамейке. Сейчас она встала со своего насеста и стала напротив него.

– Я не приглашала тебя купаться со мной, милорд. Ты влез в лохань по своей воле. – Ее сердце бешено колотилось, и собственная смелость потрясала ее. Ее вдруг осенило, что она стоит в лохани совершенно нагая рядом с мужчиной, тоже раздетым.

По выражению ее лица он угадал, о чем она думает.

– Да, девушка, – тихо произнес он, растягивая слова, – отступать назад поздно. – Потом он притянул ее к себе и, склонив голову, начал целовать медленными, нежными, долгими поцелуями. Ее душистое мокрое тело расслабилось под его ласками, и, к своему удовольствию, он почувствовал, как в нем начало пробуждаться желание.

Волосы на его груди щекотали и возбуждали ее соски, и голова кружилась от теплой воды и его объятий. Она сильно прижала ладони к его груди, пытаясь удержать его. Конн целовал уголки ее рта, заставляя ее слабеть от прикосновения его языка.

– Эйден, – выдохнул он, – Эйден, моя сладкая, строгая жenuшка. – Обнимая ее одной рукой, он поднял другую руку и обхватил одну из ее грудей.

Она напряглась от потрясения. Никто раньше не дотрагивался до ее грудей. Никто.

– Конн! – пискнула она испуганно.

– Все в порядке, душечка, – успокоил ее он. – Когда люди любят, они трогают друг друга, а женские груди созданы для ласки так же, как и для кормления детей. – Он ласкал ее любовно и нежно.

Она трепетала, но теперь ей уже было не холодно и не страшно. Его руки привели ее в странное состояние, она больше не была самой собой. Конн видел, что она испугана. Будет лучше продолжать эту игру, когда они вылезут из лохани. Позже, когда Эйден станет более уверенной в себе и поймет, в чем заключаются занятия любовью, он вновь вернется к любовным играм в воде.

– Ты очень соблазнительна, леди Блосс, – сказал он, а потом крепко поцеловал ее в губы. – Ты умеешь тереть спину?

Эйден покраснела, но, когда он убрал руки, вновь овладела собой.

– Да, – ответила она ему. – Повернись, милорд. – И начала его намыливать.

Ее руки были сильными, но нежными, и Конн тут же закрыл глаза. К своему удивлению, он обнаружил, что она возбуждает его своими явно невинными движениями рук. Опустив руки в воду, она намылила ему ягодицы, а потом попросила, чтобы он повернулся к ней лицом, и она могла бы вымыть ему грудь. Он смотрел на нее с высоты своего роста и улыбался. Ее лицо было очень серьезным, когда она намыливала его ароматным мылом. Он чувствовал, как начинает закипать его кровь. Боже правый! Эта девушка действительно начинает возбуждать его! Не в состоянии сдерживаться, он рывком прижал ее к себе, крепко обняв, и припал к ее губам в страстном поцелуе. У него было непреходящее желание растревожить ее притворное спокойствие, и это ему удалось. Он с силой раздвинул ее губы и его язык оказался у нее во рту, и это было первое его проникновение в нее. В первую секунду она замерла, а потом попыталась сопротивляться, вырываясь из его страстных объятий.

– Нет! О, Конн, нет!

Он заскрежетал зубами.

– Эйден, черт возьми, ты моя жена! Я был терпелив, я старался быть терпеливым, я хочу быть терпеливым, но черт побери, женщина! Я всего лишь мужчина из плоти и крови! Ты будишь во мне дьявола, я хочу любить тебя! – Он не позволил ей высвободиться из его рук.

Пораженная его словами, она посмотрела на него.

– Я... я возбуждаю тебя? – прошептала она.

– Да.

Ее глаза наполнились слезами, готовыми пролиться и покатиться по ее щекам.

– О, Конн, я чувствую себя такой глупой! Быть такой невежественной в моем возрасте нелепо, но я просто не знаю, чего ожидать или что делать в любовных отношениях. Мне и страшно и не страшно. Я и хочу познать это и не хочу. Я не знаю, что делать и что думать! – Она беспомощно взглянула на него.

Конн посмотрел в лицо Эйден, а потом поднял руку и нежно погладил ее щеку пальцами.

– Ты до этого говорила, что хочешь заняться любовью со мной сегодня ночью, что ты готова стать моей женой. Ты по-прежнему думаешь так, душечка?

Ей надо выбирать! У нее есть возможность передумать, но каким-то чувством она понимала, что если сделает это, то подвергнет опасности их новые хрупкие отношения. Она быстро поняла, что он хороший человек и, конечно же, терпеливый, но, как он сам сказал, он сделан из плоти и крови. Простой смертный. Не какое-нибудь совершенное существо или святой. Кроме того, последнее ее совсем не устраивало.

– Эйден? Ты передумала?

Она отрицательно покачала головой и увидела его облегчение.

Выйдя из лохани, он протянул руку и помог Эйден выйти из воды. Потом, взяв полотенце, начал ее вытирать.

– Я не мог бы поймать тебя в лохани, когда ты вся в лавандовом масле, душечка. Да ты скользкая как угорь.

Эйден молча взяла второе полотенце с подставки, где оно нагревалось около огня, и принялась вытирать мужа. «Он простудится», – подумала она, и мысль о его объятиях и о том, что последует за ними, понравилась ей гораздо больше, чем возможность выхаживать его от простуды. Наконец они оба были вытерты, и Конна вдруг осенило, что он впервые рассматривает женщину, которая была его женой уже целую неделю. Он никогда не видел ее нагой. Он ласково отстранил ее от себя и стал неторопливо рассматривать ее тело, широко открывая глаза в радостном удивлении от увиденного.

– Черт возьми! – сказал он, посмеиваясь. – Это же просто смешно, Эйден! Какая прекрасная шутка!

– Что? – Лицо ее снова горело, и она почувствовала себя оскорбленной его словами и смехом. Почему она вызывала у него смех? Она потянулась, чтобы взять влажное полотенце и прикрыться, но он отшвырнул его, тихо выругавшись.

– Проклятие, душечка! Не прикрывайся. Ты самая красивая женщина из всех, кого я видел, и если я доживу до ста лет, не думаю, что смогу наглядеться на тебя.

Ее лицо сморщилось, и она заплакала.

– О чудовище! О животное! Зачем ты издеваешься надо мной? Я считала тебя добрым человеком, Конн, но ты не такой! – Она сильно ударила его кулаком. – Ты не такой!

Удивленный, он протянул руки, чтобы обнять ее и успокоить.

– Эйден, в чем дело? Чем я обидел тебя?

– Ты сказал, что я красива, а мы оба знаем, что меня едва ли можно назвать просто некрасивой, – рыдала она.

– Если говорить о лице, это так, моя милая жена, – согласился он, – но, Эйден, Творец сыграл замечательную шутку. Хоть твое лицо не очень красиво, у тебя, без сомнения, самое красивое и безукоризненное тело, которое я когда-либо видел, а ты должна поверить мне, когда я говорю это, ведь я видел множество красивых тел.

– Что? – ахнула она. – Что такое ты говоришь?

В ответ он почти протащил ее через комнату и поставил перед зеркалом.

– Посмотри, душечка! Ты прекрасна!

Она уставилась на обнаженное тело в зеркале. Она никогда не видела себя голой, но зрелище, представшее ее глазам, не было неприятным, просто слегка шокирующим. Бессознательно она распрямила плечи и пристально посмотрела на отражение в зеркале. Ее ноги и руки были удивительно изящными и длинными. Тело тоже было длинным, тонкая талия переходила в соблазнительно округлые бедра. Она была широкой в кости и приятно полной. Маленький круглый живот был почти незаметен, а может быть, так казалось от отсветов пляшущего пламени. Серые глаза Эйден медленно поднялись к грудям. Они были не очень большими и не очень маленькими, их можно было назвать мягкими, совершенной формы шарами теплой плоти с очаровательными розовыми сосками, которые стояли совершенно прямо из-за холода в комнате.

Она вопросительно посмотрела на его отражение в зеркале.

– Ты говоришь мне, Конн, что никогда не видел женщину красивее меня? Это правда? Это не просто желание мужа доставить удовольствие своей жене, желание уложить ее в кровать?

– Это правда, душечка моя, клянусь в этом! – ответил он. – Я никогда не видел никого с таким прекрасным телом. – Потом он снова усмехнулся. – Если ты окажешься еще и страстной, жена моя, я никогда не буду просить Творца ни о чем другом. Клянусь Пресвятой Богородицей!

Смех заклокотал у него в горле и раскатился по тихой комнате.

– О, Конн! – сказала она, растягивая слова от радости. – Какой же ты еще мальчишка.

– Но от мужчины во мне тоже более чем достаточно для тебя, Эйден, обещаю, – пробормотал он, обняв ее за талию и наклоняясь, чтобы поцеловать ее плечо. Когда его губы коснулись ее кожи, у нее перехватило дыхание. Ей казалось, что его губы обжигают ее, оставляя горячие следы на ее коже. Его руки скользнули вверх и обхватили круглые груди, теплые сильные пальцы ласково терли ее плоть, раздражая соски.

– Сладкая, – прошептал он ей в ухо. – О, моя Эйден, какая же ты сладкая!

Его прикосновения больше не потрясали и не пугали ее. Она с любопытством смотрела в зеркало на его действия. И в самом деле, его прикосновения, казалось, перестали сковывать ее. Закрыв глаза, она глубоко вздохнула, отдаваясь приятным ощущениям, которые доставляли ей его руки, унося ее в волны зарождающейся страсти.

– Конн, – прошептала она, медленно поворачиваясь к нему и обнимая его за шею, потому что чувствовала слабость в ногах.

Он прекратил ласкать ее только на минуту и снова поймал ее губы в еще более нежном поцелуе, а потом, держа на руках, как в люльке, пересек спальню и осторожно положил ее на их кровать.

– Эйден? – спросил он тихо в последний раз.

– Разве ты не сказал сам, что возврата быть не может? – пробормотала она и, протянув руки, увлекла его к себе.

С мучительным стоном он упал на кровать и, перекатившись, притянул ее к себе. Это было невероятно, но желание так быстро охватило его, что только его внутренний голос напоминал ему, что нужно проявить терпение. Если он искусно посвятит ее в тайны любви, это в дальнейшем определит успех в их любовных играх. В его мозгу звучал голос Пегги Бреди, которая так хорошо помогла ему понять, какой приятной может быть чувственная страсть. *Медленно, Конн, мой дорогой. Помни о том, что женщина подобна тонкой лютне. Если ты хочешь добиться от нее самой лучшей мелодии, ты должен играть нежно и умело на ее тонких струнах.*

Он чувствовал выпуклости ее груди своей мускулистой грудью. Открыв глаза, он увидел, что она смотрит на него взглядом, в котором смешались застенчивость и любопытство. Он протянул руку и распустил ее волосы, которые были заколоты на макушке. Медные пряди рассыпались, и он запустил руку в их шелковистость, выбрав один локон, который пропустил между двумя пальцами и поцеловал. От волос исходил слабый аромат лаванды.

Эйден вздрогнула от удовольствия, вызванного одновременно его поцелуем и ощущением от прикосновения к коже своих волос. Второй раз она вздрогнула, когда длинный палец скользнул по ее скуле вниз, к подбородку. Повернув ее с бока на спину, он наклонился к ней и начал покрывать легкими поцелуями ее грудь. У нее вырвалось легкое удивленное «О-о-о». Его губы сомкнулись над соблазнительным соском и стали сосать его. Она никогда не испытывала подобного ощущения, которое внезапно вихрем охватило ее, вызывая дрожь по всему телу от пяток до макушки.

– М-м-м, – пробормотала она. Его рука гладила ее по животу. – О-о-о, – вздохнула она и дернулась от удовольствия.

Конн был несколько удивлен, потому что он ждал, когда она начнет сопротивляться. Вместо этого она чуть ли не мурлыкала. Его пальцы двинулись ниже, добираясь до главного источника ее женственности, и когда он дошел до него, услышал, как она затаила дыхание и тихонько ахнула. Это внушало уверенность, потому что, хотя он и не сомневался в ее девственности, та легкость, с которой она позволяла ему изучать свое тело, несколько расстроила его.

– Конн, – нервно прошептала она. Ей очень нравились его поглаживания и ласки с грудью, но это прикосновение было слишком интимным. Она попыталась остановить его.

– Нет, душечка, – уверил он ее, отталкивая ее руки. – Это все часть любовной игры. Клянусь тебе.

– Я сама никогда там себя не трогала, – сказала она.

– Я не сделаю тебе больно, Эйден. Это поможет тебе подготовиться для первого раза. Ты веришь мне? – Боже милосердный! Он горел от желания.

– Да, милорд, – ответила она. – Я доверюсь тебе.

Он ласково поцеловал ее, а потом продолжил свои действия. Она изо всех сил старалась лежать неподвижно, когда он играл с ней, но маленький бриллиант ее женственности оказался очень чувствительным, и она тихо застонала. Ее бедра начали двигаться чуть ли не по собственному хотению, когда его нежное щекотание вызвало трепетное ощущение, охватившее все ее тело. Она начала понимать, почему и мужчины, и женщины поддаются искушению похоти. Она не смогла удержаться, чтобы не сказать:

– О, Конн! Это так приятно! Скажи мне, что есть что-то еще более приятное!

Сначала он был поражен, но потом усмехнулся, довольный тем, что она сама получала удовольствие. Это все к лучшему, ему совсем не хотелось, чтобы его жена походила на его старших сестер или на его мать.

– Будет еще приятнее, душечка! – ответил он.

– Я... я хочу сейчас, Конн! Я хочу все узнать сейчас! Я не могу больше терпеть твои прикосновения! Люби меня!

– Эйден, душечка... – начал он. Он должен действовать медленно.

– Сейчас! – взмолилась она. – О, прошу тебя, сейчас! – Ее тело неожиданно покрылось испариной, и она нетерпеливо извивалась.

Он придавил ее своим весом, пока не устроился удобнее. Она обхватила его руками, яростно прижимаясь к нему, наслаждаясь соприкосновением их тел. Он страстно целовал ее, их языки сладко переплетались, потом он шепнул ей:

– Раздвинь свои ноги для меня, Эйден.

Она напряженно вздрогнула, но уступила без колебаний. Она быстро возбуждалась, и сейчас он обнаружил, что ее молодое тело влажное и готово принять его. Он осторожно приспособился, пытаясь как можно осторожнее нарушить ее девственность, но, к его удивлению, она прошептала ему на ухо:

– Нет, Конн! Я знаю, что в первый раз бывает больно. Перестань проявлять доброту в пустяках. Войди в меня с силой, муж мой! Давай разделаемся с этой моей надоевшей девственностью, чтобы мы могли дойти до приятного! – И она с силой приподняла бедра навстречу ему.

Он бессознательно надавил в ответ, войдя в нее одним могучим ударом, поглотив ее болезненный вскрик своим ртом, пленив ее в страстном порыве. Эйден знала, что будет больно, но она была совсем не готова к яростному взрыву в своих чреслах, который отозвался там пульсирующей, жгучей болью. Она вскрикнула, но он заглушил ее крик ласковым успокаивающим жестом, поглаживая ее лицо и волосы. Она почувствовала слезы на своих щеках, но он смахнул их поцелуем, неподвижно лежа на ней. Когда боль начала стихать, она внезапно почувствовала, что внутри ее находится что-то пульсирующее. Именно тогда он начал двигаться.

Никто не готовил ее к тому, что случилось потом, но позже она спрашивала сама себя, мог ли кто-нибудь объяснить ей это. Ее красавец муж входил в нее медленными, размеренными толчками, пока она невольно не застонала, потом скорость толчков возросла до того момента, когда она была совершенно уверена, что умрет в этом водовороте желания. Эйден начала терять контроль над своим разумом, телом и душой. Ей казалось, что она взбирается все выше и выше к вершине, которая казалась недостижимой, а потом неожиданно она дошла до нее и со страшной скоростью полетела вниз навстречу калейдоскопу радужного разноцветия, и это все, что она могла вспомнить, пока родной голос Конна не окликнул ее, почти умоляя поговорить с ним. Она медленно и с большим трудом открыла глаза, но их трудно было держать открытыми, потому что веки налились свинцом.

– Эйден! Эйден, душечка! О моя женушка, ты так чертовски храбро себя вела, и я люблю тебя за это! – Он почувствовал облегчение, когда она улыбнулась ему. Потом ее глаза закрылись, и она заснула.

Он натянул одеяло, и Эйден с довольным вздохом повернулась на левый бок, засыпая все крепче. Лежа на спине, положив руки под голову, Конн широко улыбался. Он был удивлен ее поведением, поражен тем, что, несмотря на свою девственность, она получила полное удовлетворение с первого раза. Но не только это: она доставила ему невероятное удовольствие. Он вспомнил свои легкомысленные слова, сказанные совсем недавно о том, что, если она окажется страстной женщиной, он будет считать себя счастливым. Он тихонько засмеялся. «Страстная женщина» не те слова, которые могли быть применимы к Эйден. Она, несомненно, жаждала его любви и ни разу не отступила в страхе, не колебалась в приступе скромности. Наоборот, подбадривала его и, несмотря на боль, которую он заметил в ее глазах, не упрекала его за то, что он лишил ее девственности. Он все больше и больше понимал, как ему повезло. Титул, поместье, состояние, обаятельная и полная страсти жена. Как бы ему не загордиться! Его веки отяжелели, и он уснул.

Она проспала, вероятно, час или два, а потом проснулась с ясной головой, отдавая себе отчет в происшедшем. Она перевернулась на спину, лениво потянулась, слегка улыбаясь уголками рта. Облокотившись на локоть, она взглянула на Конна. Он спал на спине, растянувшись как ребенок, накрыв глаза правой рукой и подогнув левую ногу. Она осторожно отвернула одеяло и взглянула на его член. Она была поражена, что такая маленькая и мягкая штука смогла доставить ей такое удовольствие. Потянувшись, она смело взяла его в руку и начала ласкать. К ее великому удивлению, маленькая штука в ее руке неожиданно ожила, начала распрямляться и расти. Завороженная, она продолжала будить зверя, с широко открытыми глазами наблюдая, как он удлиняется и расширяется. Она все больше понимала, что эту громадину она принимала в собственное тело.

Конн спал некрепко и поэтому почувствовал холодный воздух комнаты, когда она откинула одеяло. Он наблюдал за ней из-под руки, гадая, какие мысли бродят у нее в голове, и дрожа от удовольствия, когда она начала ласкать его нежными и невинно-опытными пальцами. Он был поражен, обнаружив, как быстро она возбудила его, а когда он не мог больше терпеть ее прикосновения, он сказал тихо:

– Сейчас, Эйден, ты должна заплатить штраф за то, что разбудила своего мужа этой зимней ночью. – Протянув руку, он притянул ее к себе, запустив пальцы в ее медные волосы и касаясь губами ее рта. – Помнишь, душечка, как раньше ты считала мое естество маленьким, а я сказал тебе, что ты еще не возбудила в нем интереса? Ну, сейчас ты этого добились!

Он оказался на ней, и его рот припал к одной из ее грудей, заставляя ее дрожать от удовольствия. Она пробормотала что-то, довольная его действиями, и он усмехнулся.

– Ах, девушка, тебе нравится это, не так ли?

– Да, милорд, но на этот раз я надеюсь, ты не обидишь ее сестрицу, как сделал раньше.

Он поднял голову, ухмыляясь.

– Нет, душечка, теперь, когда я знаю, что ты не боишься, я могу научить тебя многому. – Его губы припали к другой ее груди, чтобы и она участвовала в их любовной игре. Пока он целовал ее груди, она гладила его голову, пропуская шелковистые пряди между пальцами. Его затылок, как она заметила, оказался чувствительным к ее прикосновениям, волосы там становились колючими.

Его рот спустился по ее длинному телу к животу, оставляя теплые поцелуи на ее нежной коже, заставляя ее содрогаться от удовольствия. Он хотел опуститься еще ниже, но боялся напугать ее, испортить брачную ночь, которая оказалась очень приятной для них обоих. Ее кожа так сладко пахла лавандой, была такой мягкой и такой нежной. Не сдержавшись, он лизнул языком ее живот, и она выкрикнула:

– О, Конн! Конн! Это так приятно!

– Нет, милая, будет приятней, еще приятней! – обещал он ей и, подтянувшись, снова нашел ее губы. У нее самые замечательные губы, подумал он, целуя ее раз за разом. Они раздвинулись, ее влажный язычок нашел его язык, резвился с ним, нежно дразня его. Ее заигрывание разожгло его пыл, и он больше не мог сдерживаться и погрузился в ее теплую глубину. К его радости, она помогла ему, забыв о девичьей скромности.

– О, Конн, давай! Давай! Давай! – всхлипывала она, когда он с жадностью вошел в нее. «Великий Боже! Сейчас это произойдет снова», – подумала она. Какое невероятно страстное и чудесное соединение их тел, которое вело к растворению всего ее существа. Она закричала от удовольствия, и, не в силах сдерживаться, Конн излился в нее, непроизвольно содрогаясь, и наконец, упав рядом с ней, притянул ее в свои объятия.

– Эйден, Эйден, – пробормотал он, уткнувшись в ее волосы. – Как ты меня околдовала? Она тихо засмеялась.

– Я собираюсь спросить тебя о том же. О, Конн! Я не знала! Я не знала!

Он нежно обнял ее.

– Конечно, ты не знала, Эйден, моя милая. Откуда ты могла знать?

– Будет ли так всегда, Конн? – спросила она простодушно.

– Черт побери, любовь моя, я надеюсь, что да! – ответил он горячо. Потом натянул на них одеяло. – Теперь спи, милая.

– Разве мы не повторим все опять, милорд?

Сейчас пришла его очередь засмеяться.

– Ты жадюга, Эйден, – шутливо поддразнил ее он. – Мне нужно немного отдохнуть, а потом мы снова займемся любовью. Ты тоже отдохни. У нас впереди вся жизнь. Перед нами вечность.

Моя любовь. Он назвал ее «моя любовь»! Конечно, доказывала она себе, он не имел в виду настоящую любовь. Это просто слово, которым пользуются мужчины в интимной ситуации. Тем не менее какими же сладкими показались ей эти слова. Он, казалось, был доволен ею и их любовным актом; и, да поможет ей Бог, ей это тоже очень понравилось. Засыпая, она чувствовала, как горят ее щеки от воспоминания о собственной храбрости, когда она уговаривала его действовать смелее. И тем не менее ее действия, казалось, не рассердили и не удивили его. Надо будет спросить Скай на следующее утро. Ее красивая невестка, видимо, знала толк в вопросах любви. Глаза Эйден закрылись. Ей было тепло и уютно, и она была полностью удовлетворена своей участью.

Часть 2

Жена лорда Блисса

Глава 5

Рост Рогана Фитцджеральда на несколько дюймов превышал шесть футов, но несмотря на свои семьдесят восемь лет, он был строен. Голова у него тоже была ясной, хотя он и выпил довольно много в этот вечер. Создавалось впечатление, что он и капли в рот не брал. Удобно растянувшись на обитом гобеленом стуле, он сидел во главе высокого стола и следил за привычной суетой вокруг себя. Женщины собрались в кучку и сплетничали; мужчины около огня играли в кости и пили; дети носились по залу, играя то в одну, то в другую игру.

За стенами высокой круглой каменной башни, которая служила ему домом, слышалось завывание весеннего ветра, который свирепствовал в этот поздний апрельский вечер. В большом камине пламя билось и отчаянно металось, когда ветер со скорбным воем задувал в трубу. В вое этого ветра ему отчетливо чудились леденящие душу причитания по покойнику. Время, отпущенное ему для жизни на земле, двигалось к концу, и он знал об этом, но это его совсем не волновало. У него на земле не осталось ничего, и даже его Кейра отправилась в мир иной раньше него.

Дверь в зал распахнулась, и вошли двое плотно закутанных мужчин. Поскольку час был поздний, а погода ужасной, казалось странным, что кто-то мог ходить по улице. Наступила тишина, и люди, находящиеся в зале, с любопытством смотрели на вошедших.

Роган помахал рукой, приглашая гостей пройти вперед и крикнув остальным:

– Убирайтесь, вы все! Убирайтесь! Это все еще мой дом, и мне нужно побыть одному.

Никто не стал возражать ему, потому что нрав у старика был злобным. Когда он выходил из себя, никогда не останавливался перед тем, чтобы пустить в ход кулаки против родственников или слуг. Все, кроме двух вновь пришедших, спешно ушли из комнаты, в то время как слуга быстро забрал промокшие плащи гостей и тихо исчез, чтобы не навлечь на себя гнев хозяина. Старик знаком пригласил своих гостей к высокому столу:

– Налейте себе вина и садитесь.

– Ты хорошо выглядишь, дядя, – сказал младший из двух мужчин.

– До рассвета доживу, Кевен, мой мальчик. Этот человек испанец?

– Да. Познакомься, это сеньор Мигель де Гуарас, дядя.

– Добро пожаловать в Ирландию! Храбрый же вы человек, если решились высадиться в такую погоду.

– У меня не было выбора, милорд, – ответил испанец. – Англичане неусыпно наблюдают за побережьем даже в такую погоду. Было необходимо, чтобы я сошел с корабля сегодня, что я и сделал, иначе мне пришлось бы вернуться в Испанию и огорчить своего повелителя, короля. Поскольку мой брат Антонио уже сделал это, ухитрившись позволить англичанам арестовать его, мне сейчас предстоит защищать честь семьи.

Мигель де Гуарас поднес кубок к губам и, отхлебнув из него, поставил на стол с гримасой, не оставшейся незамеченной хозяином, который хмуро улыбнулся.

Когда мужчины расселись, Роган Фитцджеральд прямо посмотрел на испанца и сказал:

– Ну ладно, что вашему королю Филиппу нужно от меня? Я удивлен, что он вообще знает обо мне. Я не знатный лорд, просто хозяин Балликойлла, деревушки, которая не имеет никакого значения. Что значим мы перед испанским могуществом?

– Разве не сказано было, что ничтожный может стать великим? – ответил сеньор де Гуарас, но, когда Роган посмотрел на него тупым взглядом, быстро продолжил: – У вас есть внучка, милорд.

– У меня несколько внучек и несколько правнучек, если мне не изменяет память.

– Речь идет о ребенке вашей дочери.

– О дочери Бевин?

Его глаза затуманились, когда он вспомнил о дочке, которую не видел с тех пор, как отослал ее, чтобы она вышла замуж за богатого английского милорда, человека одного с ним возраста. А было это двадцать пять лет назад. Она была такой красавицей, его младшенькая, и если бы не тот факт, что он не мог дать ей приданого, и не желание англичанина взять ее без приданого, он никогда бы не допустил этого брака. Тем не менее в целом она была счастлива. До самой смерти она писала ему каждый год на Михайлов день, рассказывая о жизни с мужем и детьми. Только один ее ребенок выжил. Девочка. Девочка, которую звали Эйден.

– Да, у меня есть внучка по имени Эйден, – согласился он.

– Она наследница значительного состояния, – сказал испанец. – Ее отец умер прошлым летом, поручив опеку над ней короне, а в День святого Валентина ее выдали замуж за господина Конна О’Малли. Вы знаете О’Малли с острова Иннисфаны, милорд?

– Только по имени, – последовал ответ. – Они знатные моряки, говорили мне, таким был и их отец.

– Они предали Ирландию и святую католическую церковь, – злобно заявил сеньор де Гуарас. – Они плавают под покровительством этой незаконнорожденной еретички, которая правит Англией, узурпировав законные права истинной королевы, Марии Шотландской, которая даже сейчас, когда мы говорим, томится в жестоком плену, несмотря на справедливые протесты моего государя, Филиппа, короля Испании.

– А как это касается меня и моей семьи? – рявкнул Роган. – Девушка выросла англичанкой, и хоть это и прискорбно, но она дочь своего отца, как и должно быть. Если я не ошибаюсь, ее муж – младший из детей Дубдхара О’Малли, значит, за душой у него ничего нет. Девушка – хорошая для него пара, и он по крайней мере не пират. Какое отношение это имеет к Испании, сеньор де Гуарас, и не болтайте больше вздора о своей католической церкви. Несмотря на всю свою набожность, ваш государь, король Филипп, борется за власть. – Роган щедро отхлебнул из своего кубка и пристально посмотрел на испанского шпиона.

Мигель де Гуарас не дрогнул под жестким взглядом ирландца. Вместо этого он поднял свой кубок и ухитрился не содрогнувшись проглотить немного отвратительного пойла. Передохнув, он сказал:

– Много лет О’Малли с Иннисфаны были бельмом на глазу Испании, милорд. Они успешно грабили испанские торговые корабли в Новом Свете в течение нескольких лет, отнимая у нас много золота. Их сестра, некая де Мариско, вместе со своим деловым партнером, сэром Робертом Смоллом, создала торговую компанию, которая является помехой испанским интересам, но что еще хуже – она выгодна для Елизаветы Тюдор. Мой король поклялся поставив этих пиратов на колени раз и навсегда, отобрать у узурпаторши богатства, которые ей принесли О’Малли, поссорить Англию и семейство О’Малли и полностью уничтожить их. Королю и Испании нужна ваша помощь, милорд!

– Я не буду ссориться с О’Малли с Иннисфаны, – отказался Роган Фитцджеральд.

– Они богаты, милорд, а вы бедны. Выдав вашу внучку за самого ничтожного из их семейства, они получили для себя все ее состояние, когда оно могло достаться вам, если бы вы женили на девушке вашего Кевена. Конн О’Малли, или лорд Bliss, как он теперь зовется, стал англизированным ирландцем, который лижет туфли английской королеве, чего не должен делать ни один истинный патриот.

Лицо Рогана Фитцджеральда потемнело от ярости, чего и добивался испанец.

– Помогите нам, милорд! Мы собираемся представить дело так, что якобы О’Малли участвует в заговоре против Елизаветы Тюдор с целью возведения на английский трон Марии Шотландской. Он будет, конечно, пойман, заключен в тюрьму и в конце концов казнен. В результате все семейство попадет под подозрение. Королева, несомненно, отзовет каперские свидетельства братьев О’Малли, и Англия лишится столь необходимых ей прибылей. Братья, все как один вспыльчивые, без сомнения, вернуться к прежним хозяевам, вызвав полный хаос.

Торговая компания их сестры разорится из-за недовольства королевы, ваша внучка останется вдовой, и ее можно будет ошипывать. Кевен станет для нее отличным вторым мужем, а когда он получит возможность распорядиться ее деньгами, их можно будет использовать для организации настоящего мятежа против англичан. Я клянусь, милорд, что испанцы помогут вам в этом деле. Мы дадим вам оружие и лошадей. Вы же будете оплачивать жалованье вашим солдатам из денег вашей внучки, а на ее деньги можно купить много наемников.

Сейчас уже французы затевают, разрабатывают и вкладывают деньги в заговор, целью которого является освобождение Марии Шотландской и возведение ее на английский трон. Подумайте об этом, милорд! Англия окажется в осаде с севера! Французы высадятся одновременно на южном и восточном побережье! Ирландия поднимет восстание на западе! Они наверняка не смогут уделять внимание всем событиям сразу и прежде всего будут стремиться защитить свою землю, что, конечно, будет являться их главной заботой. Это прекрасная возможность для Ирландии стать свободной, избавиться наконец от иностранных шакалов.

Роган Фитцджеральд почувствовал, как кровь с новой силой побежала по его жилам. Ирландия станет свободной! Свободной от ненавистных англичан! Так ли это просто, как утверждает испанец, или Испания снова использует Ирландию, просто чтобы переполошить Англию? К тому же здесь замешана его внучка, ребенок Бевин. Что же делать, соображал он. Он не знал девушку, и, помимо всего прочего, она была англичанкой. Кроме того, ни один достойный патриот, а он считал себя таким же преданным своей родине, как и любой ирландец, не позволит даже родственникам стать препятствием между Ирландией и ее свободой. Она может оплакивать своего мужа О’Малли, но любой муж мало отличается от всякого другого, и он отдаст ей Кевена, чтобы она утешилась. Ее собственность в Англии можно продать и получить дополнительные деньги, а они с Кевеном должны вернуться домой, в свободную Ирландию. Чем больше он думал, тем больше нравилось ему предложение испанца.

И испанский шпион, и Кевен Фитцджеральд с любопытством наблюдали за Роганом и ждали, каждый охваченный собственными мыслями. Испанец думал о своем брате, ценном испанском шпионе, гниющем сейчас в лондонском Тауэре из-за собственной неосторожности. А может быть, дело вовсе не в ней? Антонио пробыл в Англии семь лет, прежде чем его схватили. Может быть, англичане стали более бдительными? Может быть, более умными? Он считал себя обязанным восстановить честь семьи, и этот заговор был очень дорог сердцу его величества. «Король – удивительный правитель», – восхищенно думал Мигель де Гуарас. Он знал такие вещи, о которых большинство монархов даже не догадывались, а мелкие подробности интересовали его больше всего. Получив все подробные сведения, которые можно было собрать о семье О’Малли, король замыслил этот заговор против их семьи. И это он дал Мигелю де Гуарасу возможность снять пятно позора со своей семьи и выполнить эту миссию.

Кевену Фитцджеральду было наплевать на политические махинации Испании. Его гораздо больше интересовала возможность получить богатую жену и стать уважаемым человеком. И то и другое было одинаково важно для него, рожденного вне брака в семье Фитцджеральдов. Его отец был младшим братом Рогана, священником. Его мать была подругой сердца преподобного отца Барра и умерла вскоре после родов. По-своему отец Кевена был хорошим человеком. Он мог бы отдать младенца в сиротский приют, оставив его тайком у дверей монастыря, но вместо этого признал отцовство и попросил жену своего старшего брата вырастить

ребенка. Кейра Фитцджеральд, мать двенадцати детей, согласилась, потому что ее младшей дочери Бевин было в то время уже десять лет.

Бевин была одним из самых ранних воспоминаний Кевена: красивая, улыбающаяся девушка с роскошными волосами и мягкой манерой поведения. Если ее дочь хоть в чем-то похожа на нее, он будет вполне счастлив, но на самом деле для него гораздо больше значило ее богатство. Вся свою жизнь он был вынужден смиренно сносить насмешки и коварные выходки своих двоюродных братьев. Они не осмеливались дразнить его в присутствии его дяди, чьим любимчиком он был, однако свою порцию злобы он получал. Так было до тех пор, пока он не вырос и не поколотил каждого из своих двоюродных братьев до потери сознания. Только тогда его нехотя признали, но даже сейчас он чувствовал себя чужаком среди них. Ему было тридцать, но, поскольку все в Балликойлле знали его историю и у него не было ничего, что говорило бы в его пользу, кроме красивого лица и нещедрой доброжелательности дяди, для него не нашлось подходящей жены. Теперь, если он правильно поведет себя в этом испанском заговоре, он получит наконец-то жену, и Роган может думать все, что угодно, но деньги девчонки не будут потрачены для оплаты бредовых идей старика. Они останутся в его руках, и он станет наконец влиятельным человеком. Кевен Фитцджеральд знал точно: деньги означают власть.

– Скажите мне, – сказал Роган Фитцджеральд, – скажите мне, как вы собираетесь заманить в ловушку мужа моей внучки. Полагаю, что в этом будет участвовать Кевен.

– Да, милорд, – сказал Мигель де Гуарас. – Хотя ваш племянник совсем не похож на Конна О’Малли, но он такого же роста и сложения. Это он будет иметь дела с англичанами, но он будет в маске и закутан так, чтобы они не разглядели его лица. Им будет известно только одно – они имеют дело с высоким человеком с ирландским выговором, который называет себя Конном О’Малли. Больше вам ничего не надо знать об этом деле.

– Я должен знать, будет ли мой племянник в безопасности! Он очень дорог мне.

– Он будет в безопасности, – последовал ответ.

– Вы помогли мне воспрянуть духом, сеньор де Гуарас, – сказал Роган Фитцджеральд. – Я считал, что смерть близка, но теперь я буду жить, по крайней мере до тех пор, пока не увижу благословенную Ирландию свободной! Тогда я умру счастливым! – Потянувшись, он плеснул вина из кувшина в три кубка и, подняв свой, произнес: – За Ирландию! Да благословит ее Бог!

Его собеседники в ответ подняли кубки, хотя никто из них не сказал ни слова до того, как они выпили свое вино. Но Роган Фитцджеральд не заметил этого, потому что его голова была полна стариковских мечтаний о победе.

Незадолго перед рассветом лорд и леди Перрок-Ройял вышли из дома к месту, где заспанный, лохматый конюший стоял, держа их лошадей. Конн наклонился и, согнув руку, посадил жену в седло. Когда он распрямился и убедился, что с ней все в порядке, ее серые глаза встретились с его зелеными, и он совершенно определенно понял то, в чем не осмеливался признаться сам себе в течение последних нескольких недель. Он влюблен в нее. Он хотел сказать ей об этом, но, несмотря на ее страстное поведение в спальне, она по-прежнему держала его на некотором расстоянии от себя. Признаться в любви, когда она не испытывала таких же чувств, означало оказаться в дурацком положении, а этого он допустить не мог.

Он отвел взгляд и, пока она разбирала поводья, вскочил на свою лошадь.

– Ложись спать, парень, – ласково сказал он мальчику. – Солнце еще не взошло, а когда мы вернемся, мы сами поставим наших лошадей.

Они выехали из двора, а потом, перейдя на легкий галоп, направились через поля к дальним холмам. Воздух был прохладным и чистым. Небо тусклого сине-серого цвета не говорило, каким будет наступающий день.

– Ты сумасшедшая, леди Блисс, – сказал он, поддразнивая ее. – Кто еще как не сумасшедшая может отправиться смотреть восход?

– Это майское сумасшествие, – засмеялась она. – С тех пор как я себя помню, я вставала в первый день мая, чтобы посмотреть восход солнца. Когда я была маленькой девочкой, я приезжала со своими родителями, а потом мы привозили моих сестер. Когда они умерли, я и папа каждый год делали это, пока он не заболел так сильно, что не мог ездить верхом. Но я отправлялась одна. Это моя традиция! Моя удача! Ты понимаешь?

– Да, душечка, понимаю. Удача – это то, относительно чего ирландцы очень суеверны. Откуда пошел этот обычай?

– Моя мать привезла его с собой из Ирландии, но больше я ничего не знаю. Она говорила, что двенадцать месяцев тебе будет сопутствовать удача, если только ты встанешь посмотреть на восход солнца в первый день мая. Прошедший год определенно принес мне удачу, милорд. Хотя мой отец умер, я отправилась ко двору и привезла обратно прекрасного мужа!

Конн засмеялся так громко, что лошади прижали уши и испуганно заплясали, а какая-то птица вылетела из гнезда и с пронзительным криком полетела, шумя крыльями. Это рассмешило Эйден, и они расхохотались.

Небо начало светиться, горизонт заливало глубоким розоватым светом, и, наступая, расцвет окрашивал бесконечную высоту небес яркими цветными лучами. Они подстегнули лошадей, чтобы поскорее взобраться на гребень холма, с которого, по уверению Эйдена, открывался прекрасный вид. Добравшись до вершины, они увидели широкую золотую полосу, окрашенную по краям в багровый пурпур и накатывающуюся вслед за розовой. Тусклое небо над ними стало сейчас ярко-голубым, и подул едва заметный ветерок. Остановив лошадей, они молча наблюдали, как густые краски разливались по горизонту, а потом в ярком сверкании выкатился круглый шар солнца, опережаемый всплесками ярко-оранжевого света.

«Сколько рассветов видел я, и тем не менее не видел ни одного», – подумал Конн. Он бессознательно потянулся и взял ее руку в свою, ласково сжимая ее. Она ответила на его пожатие.

– Я знала, что ты поймешь, – тихо сказала она. – Теперь удача будет сопутствовать нам обоим весь год.

Отпустив ее руку, он спешил сам и снял с лошади ее. Потом рука об руку они неспешно прошли немного вперед, оставив лошадей щипать молодую траву. Расстелив плащ на росистой земле, Конн повернулся к жене и обнял ее. Он медленно наклонил голову, крепко и страстно поцеловал ее. Она обняла его за шею и прижалась к нему. Как будто по обоюдному услышанному сигналу, они встали на колени, лицом друг к другу. Ласковыми движениями пальцев он развязал завязки ее плаща, и тот упал на землю. Его настойчивые пальцы расстегнули маленькие жемчужные пуговицы, на которые была застегнута ее белая шелковая рубашка, расшнуровал батистовую сорочку и спустил одежду с ее плеч, обнажая ее прекрасные груди. Эйден откинулась на спину, и в течение долгой минуты Конн просто рассматривал ее. Потом его пальцы потянулись и стали нежно дразнить ее соски, а когда они бесстыдно поднялись вверх, навстречу рассветному небу, Конн начал ласкать ее груди руками. Она мурлыкала и вздыхала от его прикосновений, невероятно возбуждив его. Он расстегнул собственные одежды и обнажил ее шелковистые бедра. Эйден чувствовала прикосновение холодного утреннего воздуха к коже, чувствовала, как руки мужа, отпустившие ее груди, скользили вверх по ее ногам, бедрам, бокам. Она была без ума от таинственной силы, которой он, казалось, обладал и которая заставляла ее так безрассудно желать его. Он устроился между ее ног, и она с радостью раскрыла ему свои объятия, сгорая от нетерпеливого желания почувствовать его внутри себя, что он и сделал без промедления.

«О, Конн, – думала она, – я так люблю тебя! Если бы только я осмелилась рассказать тебе об этом. Если бы ты только мог тоже полюбить меня».

Он застонал, входя в ее тугую теплоту как можно глубже и чувствуя себя тем не менее неудовлетворенным. Ему было недостаточно просто обладать ее желанным телом. Он хотел

большого! Он хотел, чтобы она любила его, и, не в силах сдерживаться, наполовину всхлипнул, наполовину вскрикнул:

– О, Эйден, душечка! Люби меня так, как я люблю тебя, моя дорогая! Люби меня!

Отдавшаяся собственной страсти, Эйден услышала его мольбу. Или ей показалось? Она содрогнулась от первого оргазма, а потом он повторил:

– Я люблю тебя, Эйден. Можешь ли ты тоже полюбить меня?

Она оправилась после восхитительного полета с вершины, и ее серые глаза широко раскрылись.

– Ты любишь меня? Ты действительно любишь меня?

Он посмотрел ей в лицо, и неожиданно она поняла по его изумительным глазам, что он говорит правду. Он любил ее! Он и вправду любил ее! Непрошенные слезы полились из ее глаз и залили ее лицо. Ее сердце упало.

– Ты не любишь меня, – убито сказал он.

– Не люблю тебя? – ахнула она. – Я полюбила с первой минуты, как увидела тебя, сумасшедший ирландец! С самого первого дня моего появления при дворе. Конечно, я люблю тебя!

Ощущение счастья захлестнуло его душу и разум.

– Ты любишь меня? Тогда почему же ты не сказала мне об этом, Эйден?

– Потому что ты не любил меня, когда мы поженились. Потому что я не хотела быть похожей на всех тех придворных глупышек, которые ставили себя в дурацкое положение, гоняясь за тобой!

Он был ошеломлен ее признанием. Она очень хорошо скрывала тайные мысли. Он никогда не подозревал, что она может любить его. Никогда ему не приходило в голову, что она может испытывать те же чувства, которые испытывал он сам.

Эйден притянула его голову и поцеловала, шепча одновременно:

– Милорд! Разве ты не хочешь завершить дело, которое ты начал?

– Нет, душечка, – сказал он, отстраняясь от нее. – Не здесь. Я хочу поехать с тобой домой и попасть в нашу спальню. А уж там буду постоянно подогревать тебя в течение следующих двух недель. – Оправив платье, он одернул и ее юбки.

– Но я и так уже созрела для тебя, Конн! – воскликнула она.

Усмехаясь, Конн поставил жену на ноги и посадил в седло.

– Я рад слышать это, мадам, но короткая поездка верхом сделает твоё желание еще более сильным.

– Ты негодяй, милорд! – прошипела она, внезапно разозлившись. Именно этого она и опасалась. Сейчас он был уверен в ней и воспользуется этим преимуществом. Пришпорив лошадь, она пустила ее рысью вниз с холма. Добравшись до подножия, она перешла на галоп, оставив позади своего растерявшегося мужа.

– Эйден! Эйден, подожди, черт возьми!

Что за дьявольщина случилась с женщиной? – подумал он. Разве он не признался, что любит ее, что он целиком в ее власти? Он поспешно погнал лошадь вслед за ней по направлению к дому.

Трение о седло сводило ее с ума. Она была готова убить его за то, что он делает с ней! Она запрется в спальне и не выйдет целый месяц! Тогда, может быть, он поймет, как она себя чувствует. Она была уверена, что он не позволит себе развлекаться с горничными. Доехав до конюшен, она соскочила с лошади, завела ее в стойло и быстро расседлала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.